

К

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2017

ТОМ 2 № 4

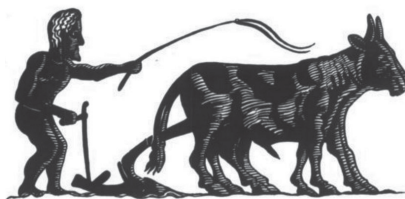
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
И. А. Кузнецов, РАНХиГС
А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, Интерцентр, НИУ ВШЭ
И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Т. Шанин, Манчестерский университет (Великобритания) председатель
А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова
В. В. Бабашкин, РАНХиГС
С. М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В. Г. Виноградский, Саратовский социально-экономический институт РЭУ
им. Г. В. Плеханова
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А. В. Гордон, ИНИОН РАН
В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН
В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э. Н. Крылатых, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
В. А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН
Р. М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А. А. Никонова
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
Дж. Пэллот, Оксфордский университет (Великобритания)
Дж. С. Скотт, Йельский университет (США)
В. Я. Узун, РАНХиГС
О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Цзин Цон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)
Н. И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

КОРРЕКТОР И. Е. Кроль; дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Соперницы», Касаткин Н. А., 1890 г.

© Авторы статей, 2017

© РАНХиГС, 2017

Содержание

Теория

- Скотт Дж.* Бегство от государства и предотвращение государства: роль размещения, сельского хозяйства и социальной структуры 6
- Копотева И. В.* Теоретические подходы к изучению реформы местного самоуправления в России 31

История

- Valet G.* The neglected roots of Switzerland's national economy: The key role of peasantry 56
- Виноградский В. Г.* Крестьяне и Гражданская война: дискурс новеллистики 70

Современность

- Аверкиева К. В.* Симбиоз сельского и лесного хозяйства на староосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области. 86
- Гусаков Т. Ю.* Сельская неформальная экономика крымского села Новоалексеевка 107
- Merl S.* Agrarian transformations in the former GDR in 1989–2017: A success story? 130

Архив

- Посадский А. В.* Малая гражданская война: события в Пензенской губернии в конце 1921 — первой половине 1922 года . . . 148

Рецензии

- Троцук И. В.* «Природный альтруизм» или вынужденная рациональность? Должное, ожидаемое и реальное в (не)формальной экономике 160

Научная жизнь

- Никитин А. М.* Агро-БРИКС, агромир и сельско-городская Россия. 184
- Карпов А. Е.* Форум «Устойчивое развитие поселений» на Доброй земле. 191

In Memoriam

- Божков О. Б.* Светлая память о товарище. Завершить начатое — дело чести 195

Russian peasant studies

Vol. 2. 2017. No 4

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
I. A. Kuznetsov, RANEPA
A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I. V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA

ADVISORY BOARD

T. Shanin, University of Manchester (UK) (chairman)
A. I. Alekseev, Moscow State University
V. V. Babashkin, RANEPA
S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V. G. Vinogradsky, Saratov Social-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A. V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V. A. Il'nykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E. N. Krylatykh, RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
V. A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
T. G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
R. M. Nureev, HSE
A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
J. A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
J. Pallot, University of Oxford (UK)
J. C. Scott, Yale University (USA)
V. Ya. Uzun, RANEPA
O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)
N. I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Scott J.C.* State evasion and state prevention: Geographical location, agriculture, and social structure. 6
Kopoteva I. Theoretical approaches to the study of local self-government reform in Russia 31

HISTORY

- Vallet G.* The neglected roots of Switzerland’s national economy: The key role of peasantry 56
Vinogradsky V. Peasants and the Civil War: The discourse of short stories 70

THE PRESENT TIME

- Averkieva K.* Symbiosis of agriculture and forestry on the early-developed periphery of the Non-Black Earth Region: The case of the Tarnogsky district of the Vologda Region. 86
Gusakov T. Rural informal economy of the Crimean village Novoalekseevka 107
Merl S. Agrarian transformations in the former GDR in 1989-2017: A success story? 130

ARCHIVES

- Posadsky A.* The small civil war: The events in the Penza Province at the end of 1921 — the first half of 1922. 148

REVIEWS

- Trotsuk I.* “Natural altruism” or forced rationality? Proper, expected and real behavior in (in)formal economy 160

SCIENTIFIC LIFE

- Nikulin A.* Agro-BRICS, agrarian world, and rural-urban Russia. 184
Karpov A. Forum “Sustainable Development of Settlements” in the Dobraya Zemlya [Kind Land in the Vladimir Region]. 191

IN MEMORIAM

- Bozhkov O.* To the bright memory of a friend. To complete the joint work is a matter of honor 195

Бегство от государства и предотвращение государства: роль размещения, сельского хозяйства и социальной структуры¹

Дж. Скотт

Джеймс Скотт, профессор политологии и антропологии и соруководитель Программы аграрных исследований Йельского университета; 208209, Нью-Хейвен, СТ 06520-8206, США. E-mail: james.scott@yale.edu

Проведенное Джеймсом Скоттом сравнительное изучение зон бегства от государства показывает, что, несмотря на всю их географическую, культурную и временную разбросанность, они обладают рядом общих черт. К какой бы исторической эпохе они ни принадлежали, большинство этих осколочных зон, куда с течением времени устремлялись самые разные группы, отличает особая этническая и лингвистическая сложность и подвижность. Помимо предпочтения особо удаленных и труднодоступных приграничных территорий, переселяющиеся сюда народы, как правило, придерживались таких хозяйственных практик, которые максимально увеличивали их рассеяние, мобильность и сопротивляемость государственному поглощению. Их социальная структура также способствовала пространственному рассредоточению, разделению и переформатированию групп, в результате чего они казались внешнему миру некоей бесформенной массой, в которой отсутствовали явные институциональные рычаги для внедрения проектов унифицированного централизованного управления. И, наконец, многие группы на внегосударственном пространстве отличали сильные, даже жестокие традиции поддержания эгалитаризма и автономии одновременно на поселенческом и родовом уровне, которые эффективно противостояли установлению тирании и устойчивой социальной иерархии. Географическая удаленность, мобильность, подбор сельскохозяйственных культур и технологий земледелия, а также социальная структура без верховной власти и рычагов управления, несомненно, представляют собой приемы избегания государства. Однако народы уклонялись не от отношений с государствами, а от статуса их подданных. Жители государственных периферий старательно избегали жесткого контроля налоговой системы с ее способностью выбивать из подданных прямые налоги и трудовые отработки. Однако зачастую они стремились установить такие отношения с равнинными государствами, которые бы сочетались с высокой степенью политической автономии. Горы (зоны бегства) и равнины (зоны государственности) были дополняющими друг друга агроэкологическими нишами, что, как правило, означало постоянную конкуренцию равнинных государств за возможность получать товары гор и пополнять их жителями собственное население.

1. © Скотт Дж., Троцук И.В. (перевод на русский язык), 2017. Разрешение на публикацию фрагмента книги «Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии» (Пер. с англ. И.В. Троцук. М.: Новое издательство, 2017) было любезно предоставлено журналу «Новым издательством».

Географическое размещение и мобильность

Первый принцип бегства от государства — размещение. Благодаря сопротивлению ландшафта существуют районы, которые почти недоступны даже для ближайших государств. Конечно, можно рассчитать что-то вроде градиента относительной недоступности различных территорий для конкретного рисового государства. Подобный расчет неявно присутствует в описании Клиффордом Гирцем зоны досягаемости так называемого «государства-театра» на Бали. Он отмечает, что «горные правители», поскольку их владения размещались на сложной пересеченной местности, «обладали природным преимуществом в противостоянии военному давлению» (Geertz, 1980: 23). Еще дальше в горы, «на самых больших высотах, можно было встретить несколько обычно занимающихся богарным земледелием сообществ, проживающих вообще за пределами досягаемости каких бы то ни было правителей». Внутри Зомии практически весь юго-запад провинции Гуйчжоу представлял собой, видимо, самую неприступную и недоступную зону с чисто географической точки зрения. Расхожее высказывание о Гуйчжоу гласит, что здесь «не бывает трех ясных дней подряд, не встретишь ровной поверхности даже в три квадратных фута, и ни у кого нет больше трех центов в кармане». Путешественник конца XIX века отметил, что не смог увидеть ни одной повозки за все время своего пребывания в Гуйчжоу — вся торговля, «как она есть, ведется со спин двуногих и четвероногих». Многие районы, считавшиеся доступными только для обезьян, на самом деле были зонами бегства бандитов и мятежников (Jenks, 1994: 11, 21, 131). В заданном контексте местоположение оказывается не чем иным, как одним из способов выражения своей маргинальности по отношению к государственной власти.

В любой длительной исторической перспективе размещение на периферии государства следует рассматривать как осознанный социальный выбор, а не культурно или экологически детерминированную данность. Размещение, как жизненные практики и социальная организация, — величина переменная. Ее изменения нередко наблюдались в истории и были документально зафиксированы. В большинстве случаев таковые представляют собой позиционирование относительно существующих форм государственной власти.

Так, последние научные исследования позволили опровергнуть натуралистическую трактовку таких «безгосударственных» народов, как оранг-асли («коренные жители») Малайзии. Прежде их считали потомками первых волн миграции, менее технологиче-

ски развитыми, чем австронезийское население, которое сформировалось позже и преобладало на полуострове. Однако генетические данные не подтвердили теорию о различных волнах миграции. Оранг-асли (скажем, семангов, темуанов, джакунов, оранг-лаутов), с одной стороны, и малайцев — с другой, корректнее рассматривать не как эволюционную, а как политическую последовательность. Данная концепция была убедительно обоснована в работах Джеффри Беньямина. По его мнению, *родоплеменной строй* в заданном контексте — просто обозначение стратегии бегства от государства, ее полной противоположностью выступает *крестьянство*, понимаемое как система сельскохозяйственной деятельности, встроенная в жизнь государства (*Tribal Communities and the Malay World...*, 2002: 7-76). В трактовке Беньямина большинство «племенных» оранг-асли — на самом деле та часть полуостровного населения, что отказалась от государства. Каждое «племя» в рамках оранг-асли — семанги, сенои и малайские племена (темуаны, оранг-лауты, джакуны) — олицетворяет несколько отличающуюся от других стратегии уклонения от государства, поэтому тот, кто ее придерживается, автоматически превращается в семанга, сенои и т. д. Аналогичным образом все подобные безгосударственные народы всегда, вплоть до прихода ислама, имели возможность стать малайцами. Многие не преминули ей воспользоваться, и малайскость несет на себе отпечаток этих поглощений. В то же время оранг-асли были и остаются тесно связаны с равнинными рынками отношениями обмена и торговли.

Периферийное размещение — целенаправленная политическая стратегия: «Во-первых,... родоплеменной строй в значительной степени является результатом сознательного выбора, во-вторых... этот выбор существенным образом учитывал наличие основанной на государственности цивилизации (как в современном, так и досовременном мире)... Значит, тем больше у нас причин помнить, что многие племенные народы жили в географически отдаленных регионах по собственному желанию, которое выступало частью стратегии по удержанию государства подальше от себя» (*Tribal Communities and the Malay World...*, 2002: 9).

Второй принцип избегания государства — мобильность, способность менять свое местоположение. Недостигаемость сообщества усиливается, если, вдобавок к размещению на периферии государственной власти, оно может легко перемещаться в более удаленные и выгодные для себя районы. Ровно так же как существует градиент удаленности от центров государств, можно представить и градиент мобильности — от относительно безграничной способности менять свое местоположение до практически полного ее отсутствия. Классический пример пространственной мобильности — это, конечно, кочевое скотоводство. Перемещаясь со своими стадами на протяжении большей части года, подобные кочевники ограничены лишь необходимостью наличия пастбищ, поэтому не имеют себе

равных в способности передвигаться быстро и на большие расстояния. Их мобильность в то же время прекрасно подходит для набегов на государства и оседлые народы. И действительно кочевые скотоводы, объединившись в «племенные» конфедерации, нередко представляли серьезнейшую военную угрозу для оседлых, производящих зерно государств (см., напр.: Barfield, 1993). Впрочем, интересны и важны стратегии избегания государственной власти, возможные благодаря кочевому образу жизни. Так, например, туркмены-йомуты, населявшие окраины персидского государства, использовали свое кочевничество и чтобы грабить выращивающие зерно сообщества, и чтобы избегать воинских повинностей и уплаты налогов персидским властям. Когда против них организовывались широко-масштабные военные кампании, они отступали в пустынно-степные зоны за пределами досягаемости персидской власти вместе со своим скотом и семьями: «мобильность обеспечивала им максимальную защиту от любых попыток персидского правительства установить над ними политический контроль» (Irons, 1974: 647). Даже в условиях, где легко можно было использовать иные хозяйственные практики, они всегда предпочитали сохранять кочевой образ жизни по причине его стратегических преимуществ: гарантируемая политическая автономия, возможность совершать набеги и скрываться от сборщиков налогов и армейских вербовщиков.

В горных районах Юго-Восточной Азии, по экологическим причинам, не сформировались крупные группы скотоводческих народов. Ближайший их эквивалент с точки зрения скорости передвижения — кочевые собиратели. Большинство горных народов ведут образ жизни, в который включены некоторые элементы собирательства и охоты, а потому, в случае крайней необходимости, они могут переключиться на них. Те группы, что в основном занимаются собирательством, проживают в районах, отдаленных от центров государственной власти, их образ жизни требует высокой пространственной мобильности — эта привычка оказывается исключительно полезной в случае опасности. Историки и население равнинных государств обычно считают подобные группы остатками различных и в эволюционном отношении примитивных «племен». Современная наука опровергла это предположение. Собирательство в нынешнюю эпоху отнюдь не является стратегией выживания отсталых народов — это в значительной степени политический выбор или модель адаптации, оберегающая от захвата государством. Терри Рамбо, описывая занимающихся собирательством семангов Малайского полуострова, обозначает достигнутый научный консенсус: «Итак, семанги кажутся нам примитивными не потому, что являются сохранившейся со времен палеолита группой, вытесненной в изолированное, маргинальное укрытие, но скорее потому, что кочевое собирательство как форма адаптации — самая выгодная и надежная стратегия для слабой в оборонительном смысле, численно незначительной этнической группы, проживающей вблизи мощных

в военном отношении и нередко враждебных земледельческих обществ... С точки зрения безопасности подобная адаптация также имеет смысл потому, что кочевников намного сложнее поймать, чем оседлых земледельцев» (Rambo, 1988: 25).

Однако из этого не следует, что крайние формы пространственного рассеяния гарантируют максимальную безопасность. Наоборот, существует минимальный размер группы, уменьшение которого грозит ей новыми опасностями и сложностями. Во-первых, очевидна необходимость защиты от набегов, особенно работорговцев, для чего требуется небольшое сообщество. Отдельное, изолированное поле подсечно-огневых земледельцев более подвержено нападением вредителей, птиц и прочих диких животных, чем несколько полей, засеянных одновременно вызревающими культурами. Сочетание рисков заболеваний, несчастных случаев, смертей и нехватки продовольствия также говорит в пользу некоторого минимального размера группы. Соответственно, атомизация сообщества каренских беженцев, спасающихся от бирманских военных, была предельным случаем, способным сохраняться лишь очень короткое время. Даже бродячие народы в целях долговременной самозащиты нуждались в формировании групп хотя бы из нескольких семей.

Если жизненные стратегии — результат политического выбора из целого ряда вариантов, то каждая конкретная стратегия предполагает особый тип мобильности. Собирательство, наряду с кочевым скотоводством, гарантирует высочайшую мобильность группам, которые желают держаться от государства как можно дальше. Кочевое (подсечно-огневое) земледелие предполагает меньшую мобильность, чем собирательство, но большую, чем оседлое земледелие на постоянных полях, не говоря уже об ирригационном рисоводстве. Для архитекторов государственного пространства любой значительный отход от поливного рисоводства в центре страны в сторону собирательства, характерного для отдаленных периферийных районов, был угрозой для концентрации рабочей силы и продовольствия, на которой и базировалась государственная власть.

Таким образом, нет поводов полагать, что горные подсечно-огневые земледельцы вели обособленную жизнь в горах, будучи их коренными жителями или по причине своей отсталости, — они жили там, где хотели, и делали ровно то, что считали нужным. По сути, это был исторический выбор многих бывших равнинных жителей, которые спасались в горах от гнета разорительных налогов или угроз порабощения более сильными народами. Их намерения явно просматриваются в их жизненных практиках — они отказались ассимилироваться в обществах равнинных государств и стремились избежать захвата в качестве рабов или подданных государствами и их агентами. Уже в IX веке китайский чиновник на юго-западе страны отметил, что было невозможно расселить «варваров» вокруг центров ханьской государственной власти: они были рассеяны по лесам и ущельям, а «потому им удавалось избе-

гать захвата» (The Man Shu..., 1961: 35). Также не следует упускать из виду привлекательность автономии и относительно эгалитарных социальных отношений, преобладающих в горах, что было столь же важной причиной бегства, как и уклонение от барщины и налогов.

Впрочем, и стремление к независимости не исчерпывает позитивных мотивов предпочтения горными народами своей жизненной ситуации иным альтернативам. Собиратели повсеместно, но прежде всего в самых неблагоприятных природных условиях, оказываются более крепкими и здоровыми, намного реже болеют, особенно эпидемическими зоонозными заболеваниями, чем жители густонаселенных оседлых сообществ. Складывается впечатление, что сельское хозяйство с момента своего возникновения снижало уровень человеческого благополучия, а не повышало его (см., напр.: Christian, 2004; Boserup, 1972; Sahlins, 1974). Тогда как кочевое земледелие, благодаря своему разнообразию и обеспечиваемому им рассеянию населения, скорее способствует улучшению здоровья, пока имеется достаточно земель. Образ жизни в горах может быть весьма привлекательным из соображений лучшего здоровья и большего количества свободного времени. Запрет раннекитайского государства своим подданным заниматься собирательством и подсечно-огневым земледелием может свидетельствовать о подобной привлекательности, как и широко распространенное убеждение горных народов, что жизнь на равнинах вредна для здоровья. Эта уверенность явно базируется на чем-то большем, чем тот факт, что комаров — переносчиков малярии крайне редко обнаруживали на территориях выше девятисот метров над уровнем моря. Иными словами, угрозы со стороны равнинных государств ограничивались не только рабовладельческими набегами и сбором дани, но и включали в себя невидимых глазу микробов.

Сельское хозяйство беглецов

Не выращивай виноград — будешь несвободен
 Не выращивай зерно — будешь привязан к земле
 Лови верблюдов, паси овец
 Наступит день — будет на твоей главе царский венец

Из песни кочевников (Khazeni, 2005: 377)

Любые попытки рассмотреть историю становления социальной структуры и хозяйственных практик как принятие осознанных политических решений наталкиваются на сопротивление доминирующего цивилизационного нарратива. Он представляет собой описание хронологически последовательных этапов экономического, социального и культурного прогресса. С точки зрения стратегий обеспечения средствами существования предлагаемые им истори-

ческие переходы от примитивного к развитому состоянию выглядят следующим образом: собирательство/охота-собирательство, кочевое скотоводство, садоводство/подсечно-огневое земледелие, оседлое сельское хозяйство на постоянных полях, ирригационное плужное земледелие, промышленное сельскохозяйственное производство. С учетом трансформаций социальной структуры от самых примитивных до современных ее форм исторические этапы развития общества таковы: небольшие группы в лесах и на равнинах, деревушки, села, малые города, крупные города, мегаполисы. Конечно, речь идет о двух аналогичных эволюционных последовательностях, которые фиксируют все возрастающую концентрацию сельскохозяйственного производства (урожайность на единицу площади земли) и населения в крупных агломерациях. Будучи впервые оформлен Джамбаттиста Вико в начале XVIII века, данный нарратив обрел свой доминирующий статус благодаря не только соответствию социальному дарвинизму, но и тому, что прекрасно вписался в те истории, что большинство государств и цивилизаций рассказывает о себе. Лежащая в его основе модель предполагает движение лишь в одном-единственном направлении — все большей концентрации населения и интенсивного зернового производства, никаких откатов назад не допускается, каждый новый шаг по пути прогресса считается необратимым.

Как эмпирическое описание тенденций демографического и сельскохозяйственного развития в теперь уже индустриальном мире последних двух столетий (и пятидесяти лет в беднейших странах), данная модель имеет множество подтверждений. В Европе безгосударственные («племенные») группы по чисто практическим соображениям исчезли уже к началу XVIII века, а в беднейших странах они сокращаются и находятся в тяжелом политико-экономическом положении.

Однако как эмпирическое описание досовременной Европы или большинства беднейших стран до начала XX века, а также горных районов в материковой части Юго-Восточной Азии, данный нарратив не соответствует действительности. Лежащая в его основе модель исторического процесса не просто предлагает его самодовольное нормативное изображение, но и утверждает неуклонное продвижение к всеобъемлющему поглощению мира государственными структурами. Поэтому здесь стадии цивилизационного развития в то же время фиксируют все сокращающуюся автономию и свободу. Вплоть до недавнего времени множество обществ и групп отказывались от оседлого земледелия в пользу подсечно-огневого и собирательства. Точно также они изменяли свои системы родства и социальную структуру и распадались на все меньшие и меньшие рассеянные поселения. Археологические находки в полуостровной части Юго-Восточной Азии говорят о постоянных колебаниях в долгосрочной исторической перспективе от собирательства к земледелию и обратно, видимо, в зависимости от обстоятельств. То, что

Вико считал бы прискорбным регрессом и упадком, для ряда групп и обществ выступало стратегическим решением проблемы избегания множества тягот жизни в подчинении государственной власти.

Многие весьма примитивные народы сознательно отказывались от оседлого сельского хозяйства и политического подчинения, чтобы вести свободную жизнь. Многие оранг-асли в Малайзии — яркий тому пример, но и в истории Нового Света после Конкисты документально зафиксировано несколько поразительных случаев. Французский антрополог Пьер Кластр первым отметил, что многие «племена» охотников и собирателей Южной Америки нельзя считать отсталыми, поскольку прежде они жили в государственных образованиях и занимались оседлым сельским хозяйством, но целенаправленно отказались от таковых, чтобы избежать порабощения (Clastres, 1987). Кластр утверждает, что они были способны производить большие экономические излишки и создавать крупномасштабные политические структуры, но решили не делать этого, чтобы жить за пределами государственных систем. Испанцы презрительно называли их народами «без бога, закона и короля» (в отличие от инков, майя и ацтеков), но эти народы решили создать относительно эгалитарный социальный порядок, в котором вожди имели незначительную или вообще никакой власти над ними.

Точные причины, почему подобные группы перешли к собирательству и жизни небольшими поселениями, до сих пор являются предметом споров. Видимо, несколько факторов сыграли тут свою роль. Во-первых, это катастрофический демографический коллапс — порядка 90% коренного населения умерло от завезенных европейцами болезней. Это означало не только разрушение прежних социальных структур на опустошенных землях, но и то, что выжившие получили в свое распоряжение просторные территории для собирательства и подсечно-огневого земледелия (Mann, 2005). В то же время многие бежали из печально известных испанских редуксьон (резерваций), призванных превратить их в наемных работников, а также от эпидемий, характерных для подобных концентраций населения.

Хрестоматийный пример — индейское племя сирионо в Восточной Боливии, впервые описанное Алленом Холмбергом в его классической антропологической работе «Кочевники длинного лука». Очевидно, не способные получать огонь и изготавливать ткани, живущие в грубых убежищах, не знающие основ математики и точных наук, не имеющие домашних животных и не создавшие развитой космологии, они, по мнению Холмберга, были потомками населения палеолита, сохранившими свое естественное природное состояние (Holmberg, 1950). Однако сегодня известно, что сирионо жили в селах и выращивали сельскохозяйственные культуры примерно до 1920 года, когда эпидемии гриппа и оспы прокатились по их деревням и уничтожили большую часть населения. Будучи атакованы численно превосходящими их народами и спасаясь от гро-

зящего им рабства, сирионо, видимо, оставили свои поля — они были слишком малочисленны и не могли защитить их. Чтобы сохранить независимость и выжить в сложившихся обстоятельствах, им пришлось разделиться на небольшие группы, занимающиеся собирательством и оставляющие свои поселения в случае опасности. Время от времени они нападали на деревни оседлых земледельцев, чтобы разжиться тесаками, топорами и мачете, но очень боялись после набегов принести с собой болезни. Сирионо сознательно отказались от оседлого образа жизни — чтобы сберечь себя от эпидемий и захватов (Mclean Stearman, 1984). Группа многочисленных индейских земледельческих народов тупи-гуарани в XVII веке десятками тысяч спасалась от тройной угрозы — иезуитских редуков, рабовладельческих набегов португальцев и метисов, намеренных отправить их работать на прибрежные плантации, и эпидемий (White, 1991). Лишенному исторического воображения взгляду позже они стали казаться отсталым, технологически неразвитым народом — остатками аборигенных племен. На самом же деле они адаптировались к более мобильному образу жизни как способу избежать рабства и болезней, навязываемых им цивилизацией.

Другой пример создания сельского хозяйства беглецами от государства в Новом Свете — сообщества маронов, африканских беглых рабов, которые основывали поселения за пределами досягаемости рабовладельцев. Эти сообщества различались своими размерами — от Пальмареса в Бразилии с примерно двадцатью тысячами жителей и нидерландской Гвианы (Суринам) с той же или большей численностью до небольших поселений беглецов по всему Карибскому бассейну (на Ямайке, Кубе, в Мексике, Сан-Доминго), а также во Флориде и на границе штатов Виргиния и Северная Каролина в районе Великого мрачного болота (Maroon Societies..., 1979).

Беглые рабы сосредоточивались именно в тех труднодоступных районах, где их было сложно обнаружить, — на болотах, в скалистых горах, глухих лесах и бездорожных пустошах. Если была такая возможность, то они предпочитали защищенные, хорошо обороняемые местоположения, куда можно было попасть по одной-единственной дороге или проходу, которые можно было перекрыть колючим кустарником и ловушками и легко отслеживать передвижения по ним. Мароны готовили пути отхода на случай своего обнаружения и неспособности отбить нападение. Подсечно-огневое земледелие, дополненное собирательством, торговлей и воровством, было самым распространенным способом выживания маронов. Они предпочитали высаживать корнеплодные культуры (например, маниоку/кассаву, ямс и сладкий картофель), поскольку те были неприметны и их можно было оставить в земле и собрать урожай в удобное время. В зависимости от степени безопасности конкретного местоположения, мароны могли высаживать и более постоянные культуры, такие как бананы, плантайны, суходольный рис, кукурузу, арахис, тыкву и овощи, но их урожай лег-

че было украсть или уничтожить. Одни сообщества маронов оказались недолговечны, другие сохранялись на протяжении поколений. Находясь по определению вне рамок закона, многие из них частично выживали за счет грабежей ближайших поселений и плантаций. Вряд ли хотя бы одно сообщество маронов было самодостаточным. Занимая только те агроэкологические зоны, где они могли получать ценные продукты, многие поселения маронов оказались глубоко интегрированы в крупные экономические сети подпольной и открытой торговли.

Подбор культур в сельском хозяйстве беглецов

Логика формирования сельского хозяйства беглецов и сопротивления захвату государством применима не только к технологическому комплексу, объясняя предпочтение подсечно-огневого земледелия, но и к выбору конкретных культур. Противодействие подсечно-огневого земледелия государственному захвату обусловлено его использованием в горных районах, рассеянием населения и ботаническим разнообразием. Для подсечно-огневых земледельцев не редкость выращивание шестидесяти и более сортов, а также стремление и призывы к подобному разнообразию. Представьте себе, со сколь невообразимо сложной задачей сталкивались даже самые энергичные сборщики налогов, которые пытались каталогизировать объекты налогообложения, не говоря уже об их оценке и сборе налогов в подобных условиях (Conkin, 1957). Прибавьте сюда то, что большинство подсечно-огневых земледельцев также занимались охотой, рыбной ловлей и собирательством в ближайших лесах. Используя столь внушительный набор стратегий выживания, они распределяли риски, обеспечивали себе разнообразный и питательный рацион и представляли почти неразрешимую загадку для любого государства, которое хотело их поглотить (Burns, 2003).

Сельскохозяйственные культуры имеют характеристики, которые делают их менее или более устойчивыми к государственному присвоению. Те из них, что не могут долго храниться и быстро портятся, как свежие фрукты и овощи, или те, чья цена за единицу веса и объема низка, как у большинства тыквенных, корнеплодных и клубневых культур, не оправдывают затраченных сборщиком налогов усилий. В целом корнеплоды и клубневые растения, такие как ямс, сладкий и обычный картофель и кассава/маниока/юкка, практически гарантированы от захвата. Когда они созревают, их можно смело оставлять в земле на срок до двух лет и выкапывать понемногу по мере необходимости, — здесь не нужны овощехранилища, которые можно разграбить. Если армия или сборщики налогов хотят изъять ваш картофель, например, им придется выкапывать его клубень за клубнем. Измученные неурожаем и разорительными

закупочными ценами на культуры, рекомендованные бирманским военным правительством в 1980-е годы, многие крестьяне тайно выращивали сладкий картофель, что было строжайше запрещено. Выбор сладкого картофеля был обусловлен тем, что его урожай легче скрыть и практически невозможно изъять. Ирландцы в начале XIX века выращивали картофель не только потому, что так можно было обеспечить себе калорийное питание с небольших наделов земли: его нельзя было конфисковать или сжечь, его выращивали на небольших холмах, и английский всадник рисковал переломать своей лошади ноги, если бы пустил ее галопом через картофельное поле.

Опора на корнеплоды, особенно картофель, может оградить и государства, и безгосударственные народы от хищнических военных разграблений и присвоений урожая. Вильям Макнил связывает расцвет Пруссии в начале XVIII века с картофелем. Вражеские армии могли захватить или уничтожить зерновые поля, сельскохозяйственных животных и растущие над землей кормовые культуры, но были бессильны против скромного картофеля. Именно картофель обеспечил Пруссии ее уникальную неуязвимость перед лицом иностранных вторжений. В то время как выращивающему зерновые населению, чьи запасы зерна и урожай конфисковывались или уничтожались, не оставалось ничего иного, как разбежаться и умереть с голоду, специализирующееся на клубневых культурах крестьянство могло вернуться домой сразу после того, как военная угроза миновала, и выкопать свой главный в ту эпоху пищевой продукт (McNeill, 2007: 176-189).

При прочих равных сельскохозяйственные культуры, которые можно возделывать на приграничных территориях или больших высотах (например, кукуруза), способствуют бегству от государства, потому что предоставляют своим земледельцам больше возможностей для рассеяния и спасения. Культурные сорта, которые неприхотливы и/или быстро вызревают, также помогают ускользать от государства, поскольку гарантируют большую мобильность, чем трудоинтенсивные и долго вызревающие. Незаметные низкорослые культуры, которые сливаются с окружающей природной растительностью, государствам сложно заметить, а потому и присвоить. Чем шире разбросана культура по местности, тем труднее ее изъять, как и сложно захватить рассеянное население. В той степени, в какой подобные культуры формируют сельскохозяйственный набор подсечно-огневых земледельцев, последние оказываются недоступны для налогообложения государствами и разграбления бандитами и считаются «не заслуживающим внимания», т. е. безгосударственным пространством.

До завоза в Юго-Восточную Азию сельскохозяйственных культур из Нового Света несколько произрастающих на больших высотах зерновых обеспечивали жаждущим независимости от государства возможности для бегства и маневра. Овес, ячмень, быстрорастущее просо и гречиха хорошо переносили бедные

почвы, большие высоты и короткий вегетационный период, как капуста и репа, что позволяло селиться на более высоких горных склонах, чем в случае занятий рисоводством. Корнеплодные и клубневые культуры Старого Света, таро и ямс, как и саговая пальма, тоже благоприятствовали расселению безгосударственных народов.

Сельское хозяйство беглецов претерпело радикальные трансформации с начала XVI века после завоза растений из Нового Света. Прежде всего, как и многим другим «экзотическим растениям», перенесенным в абсолютно новые экологические условия, первоначально им не угрожали те вредители и болезни, от которых они страдали в своих домашних природных нишах, поэтому они стали буйно разрастаться. Данное преимущество, наравне с другими, объясняет, почему эти культуры с таким рвением стали возделывать в большинстве регионов Юго-Восточной Азии, особенно те, кто стремился жить за пределами досягаемости государств. Так, сладкий картофель быстро распространился по всей голландской Ост-Индии к 1670 году, чему способствовали такие его достоинства, как высокие урожаи, устойчивость к болезням, питательная ценность и хороший вкус. Но его значение как сельскохозяйственной культуры бегства определялось тремя другими характеристиками: он быстро вызревал, давал более высокую калорийность в пересчете на затраты труда, чем местные сорта съедобных корнеплодов и клубневых культур, и, что сыграло решающую роль, его можно было выращивать на больших высотах, чем ямс и таро. Сладкий картофель способствовал бегству от государства тем, что повысил численность населения в высокогорных районах, где его выращивание часто (как и в Новой Гвинее) сочеталось со свиноводством. Его роль как сельскохозяйственной культуры беглецов оказалась еще более очевидна на Филиппинах, где испанцы видели в нем причину кочевого образа жизни игоротов, которых они не могли ни сосчитать, ни заставить вести оседлую жизнь. Любая сельскохозяйственная культура, которая позволяет людям перемещаться в прежде недоступные районы и гарантирует их выживание там, по определению стигматизируется государством.

Однако нельзя забывать, что сколь бы обособленную жизнь ни вели горные народы или сообщества маронов, они никогда не могли полностью обеспечить себя всем необходимым. Практически все эти группы выращивали, охотились или собирали ценные продукты, которые можно было обменять или продать на рынках равнинных государств. Они стремились использовать все возможности торговли и обменов, сохраняя при этом политическую независимость. В исторической перспективе в список подобных ценных товаров входили хлопок, кофе, табак, чай и прежде всего опиум. Эти культуры требовали значительного труда и некоторой степени оседлости, но если выращивающие их сообщества находились вне пределов досягаемости государства, то вполне сочетались с политической автономией.

Для любой сельскохозяйственной культуры можно примерно рассчитать ее пригодность для бегства от государства. Построить порядковую шкалу по критерию «способствования бегству» вряд ли возможно, поскольку такие показатели, как трудоинтенсивность, зимостойкость и срок сохранности, не поддаются однозначной оценке. Однако учитывая особенности конкретной агроэкологической ниши, можно осуществить некоторое условное сравнение и объяснить, почему две сельскохозяйственные культуры, кукуруза и кассава (также известная как маниока или юкка), завезенные из Нового Света, стали цениться — за их способствующие бегству от государства характеристики. Если бы вам нужно было придумать сельскохозяйственную культуру беглецов, вряд ли вам в голову могло прийти что-то лучше, чем кукуруза: она не только обеспечивает большую калорийность урожая в пересчете на единицу вложенного труда и возделываемой земли, чем горный рис, но и дает более стабильные урожаи, выдерживая более сложные погодные условия. Кукурузу можно высаживать среди других культур, она быстро вызревает, ее можно использовать в кормовых целях, будучи высушена, она хорошо хранится и по питательным характеристикам превосходит горный рис. Самое главное для нас, что ее можно выращивать в районах, которые расположены слишком высоко или на слишком засушливых и непригодных для горного риса почвах. Эти характеристики позволяли и горным народам, и жителям равнин осваивать новые территории, которые прежде считались непригодными для проживания. Теперь можно было селиться в самых верховьях рек, на высоте в тысячу двести метров и выше, получив в свое распоряжение надежную продовольственную культуру. В труднодоступных местах, где сопротивление расстояния обеспечивало некоторую сохранность поселений, теперь можно было вести почти оседлый образ жизни вне сферы досягаемости государства. На плоскогорьях, где прежде в течение длительного времени сообщества занимались ирригационным рисоводством, они получили возможность осваивать близлежащие холмы за пределами центра рисового государства. Причины оставления государственных пространств могли быть различны — религиозная рознь, война, барщина, технологии земледелия, насильно навязываемые колониальными властями, эпидемии, рабство — но всегда кукуруза оказывалась ценной культурой для потенциальных беглецов (Diamond, 1995; Fiskesjö, 1999).

Несомненно, чемпионом среди сельскохозяйственных культур беглецов Нового Света была кассава. Как и кукуруза, она быстро распространилась по всей морской и материковой Юго-Восточной Азии, потому что может расти практически везде в поражающих своим разнообразием условиях. Этот крупный корнеплод столь вынослив и самодостаточен, что сдержать его распространение сложнее, чем культивировать. Кассава идеальна для открытия новых земель, устойчива к засухам, может произрастать на почвах, на ко-

торых не выживают никакие иные культуры; как и у других завезенных из Нового Света сортов, у нее мало природных врагов; в отличие от таро и сладкого картофеля, ее не любят дикие свиньи. Недостаток у кассавы один — она не растет на больших высотах, в отличие от кукурузы и картофеля, и никаким другим образом не ограничивает возможности расселения и территориальной мобильности кочевого народа.

Кассава обладает всеми характеристиками корнеплодных и клубнеплодных сельскохозяйственных культур беглецов. Хотя она не созревает так же быстро, как, скажем, сладкий картофель, ее можно оставить дозревать в земле и выкапывать по мере необходимости. Сочетание повсеместности произрастания и выносливости с тем фактом, что только надземная часть кассавы может быть уничтожена огнем, снизили ей звание *farina de guerra* — «продукт/мука войны» — в испаноговорящем мире: партизаны в данном случае представляют собой предельный случай бегущего от государства мобильного населения. Еще одно важное достоинство кассавы — после сбора урожая ее можно переработать в некое подобие муки (тапиоку) и хранить некоторое время. И сами клубни, и муку можно продавать на рынке.

Впрочем, самым удивительным свойством кассавы, видимо, является ее общепризнанный статус сельскохозяйственной культуры, для получения максимального урожая которой нужно минимальное количество труда. По этой причине ее очень ценили кочевые народы, которые могли высадить кассаву, уехать, а затем вернуться практически в любое время через год или два и выкопать урожай. В то же время у кассавы и съедобные листья. Она позволяет земледельцам занять практически любую экологическую нишу, вести более или менее кочевой образ жизни и обходиться без огромных трудовых затрат. Благодаря своим удивительным достоинствам как сельскохозяйственной культуры кассава стала самым распространенным корнеплодом, вытеснив сладкий картофель, который, в свою очередь, ранее пришел на смену ямс.

Для рисовых государств — как доколониальных, так и колониальных — подобная общедоступная и трудосберегающая сельскохозяйственная культура, хотя и ценная в тяжелые времена как голодный продукт, представляла явную угрозу. Интересам политической власти наилучшим образом отвечало максимальное расширение рисовых полей или, если это было невозможно, выращивание иных, важных с финансовой точки зрения экспортных культур, таких как хлопок, индиго, сахарный тростник и каучук, нередко с использованием рабского труда. Сельскохозяйственные культуры беглецов, завезенные из Нового Света, сделали экономическую сторону безгосударственной жизни столь же соблазнительной, как и политическая. Колониальные чиновники стремились всячески стигматизировать кассаву и кукурузу как сельскохозяйственные культуры ленивых туземцев, любыми способами отлынивающих от работы.

И в Новом Свете те, чья задача состояла в вовлечении населения в систему наемного труда и его сгоны на плантации, клеймили те культуры, что позволяли свободному крестьянству сохранить независимость. Владельцы гасиенд/имений в Центральной Америке утверждали, что благодаря кассаве единственное, что было нужно крестьянину — ружье и рыболовный крючок, и он переставал регулярно работать по найму (Edelman, 1998).

Кассава, как многие другие корнеплодные культуры, оказывает серьезное влияние на социальную структуру, которая, в свою очередь, способствует ускользанию от государства. Это влияние поразительным образом противоположно тому, что оказывают зерновые культуры в целом и ирригационное рисоводство в частности (O'Connor, 1996). Специализирующиеся на выращивании поливного риса сообщества живут в одном ритме: посадка, пересадка и сбор урожая, и связанные с ними ритуалы требуют четкой координации усилий, как и контроль уровня воды. Сотрудничество в налаживании ирригации, наблюдение за вызреванием урожая и совместный труд всегда приносят плоды, но только в том случае, если не являются обязательно-принудительными. Иначе обстоит дело с корнеплодами, например, сладким картофелем и кассавой: посадка и сбор урожая производится на более или менее постоянной основе в соответствии с решениями и потребностями семейного домохозяйства. Агрономические особенности этих культур требуют незначительного или вообще никакого взаимодействия земледельцев. Сообщество, которое выращивает корнеплодные и клубнеплодные культуры, может рассеиваться на больших территориях и нуждается в меньшем уровне взаимодействия, чем зерновые земледельцы, а потому в первом случае возникает социальная структура, устойчивая к поглощению государством и, видимо, к формированию иерархий и отношений подчинения.

Социальная структура беглых сообществ

Социальная структура, как и сельскохозяйственные технологии, не является данностью — это всегда выбор, особенно в исторической перспективе. В значительной степени этот выбор является и политическим. Периферийные политические структуры в материковой части Юго-Восточной Азии всегда приспосабливались к государственным системам в своем ближайшем окружении. При определенных условиях эти структуры, вернее, составлявшие их живые акторы, могли регулировать свое взаимодействие с окружающими государствами таким образом, чтобы облегчить заключение с одними из них союзов или свое поглощение другими. В иных случаях периферийные политические структуры могли делать все возможное, чтобы избавиться от необходимости платить дань соседним государствам и выйти из их подчинения.

Социальную структуру следует рассматривать не как неизменную характеристику конкретного сообщества, но скорее как переменную величину, одна из задач которой — регулирование взаимоотношений с окружающим властным полем. Никто не смог обозначить эту ситуацию четче, чем Ф.К. Лиман в исследовании народа кая на востоке Бирмы. Отметив маятниковый характер изменений социальной структуры с течением времени, он обратил внимание на правила, которые проясняли логику этих трансформаций: «На самом деле невозможно понять смысл поведения кая или любого другого горного народа в Юго-Восточной Азии, не учитывая его социальной структуры... Похоже, это неотъемлемая черта подобных обществ: они меняют свою социальную структуру, а иногда и свою “этническую” идентичность, в ответ на периодические трансформации своих взаимоотношений с соседними цивилизациями» (Lehman, 1967: 59).

В целом если общество или его часть принимает решение избежать поглощения или захвата, то переходит в формат более простых, меньших по размерам и более пространственно рассеянных социальных единиц, т. е. к элементарным формам социальной организации. Самые устойчивые к поглощению социальные структуры, пусть и не способствующие коллективным действиям любого рода, — небольшие группы домохозяйств без руководящей верхушки («обезглавленные»). Подобные формы социальной организации, наряду со столь же устойчивыми к захвату видами сельского хозяйства и расселения, неизбежно считаются «варварскими», «примитивными» и «отсталыми» равнинными рисовыми «цивилизациями». Неслучайно оценка как более или менее цивилизованного сельского хозяйства или социальной организации отражает их пригодность, соответственно, к захвату и подчинению.

Одна из причин, почему племена часто оказываются стабильными, долговременными, генетически и культурно устойчивыми образованиями, заключается в том, что государства обычно заинтересованы в них и со временем во все большей степени влияют на их базовые характеристики. Племя может внезапно возникнуть как результат политической предприимчивости или формирования политических идентичностей и «миграционных траекторий», которые государство регулирует, распределяя награды и наказания. В любом случае существование племени зависит от его взаимоотношений с государством. Правители и институты государства нуждаются в стабильной, надежной, иерархической, «постижимой» социальной структуре, с которой можно договариваться или управлять. Им необходим собеседник, партнер, которого можно использовать в собственных интересах, от кого можно требовать верности, через кого можно транслировать свои распоряжения, кого можно назначить ответственным за политический порядок, кто может поставлять им зерно и дань. Поскольку племенные народы, по определению, находятся за пределами прямого контроля

государства, ими следовало управлять, если это в принципе было возможно, через их лидеров, которые могли выступать от лица своих племен и, в случае необходимости, стать заложниками. Те образования, что мы называем «племенами», редко обладают той устойчивостью, что им приписывает государственническое воображение. Это искажение действительности обусловлено не только официальными моделями идентичности, изготавливаемыми государством, но и стремлением этнографов и историков получить в свое распоряжение социальные идентичности как внутренне согласованный объект описания и анализа. Очень сложно всесторонне охарактеризовать, не говоря уже о том, чтобы им управлять, социальный организм, который все время то попадает, то исчезает из фокуса.

Когда безгосударственные народы (известные также как племена) сталкиваются с принуждением к политическому и социальному инкорпорированию в государственную систему, их реакции могут быть различны. Племя или его отдельная часть может быть мягко или жестко поглощена в качестве данника с назначенным лидером (косвенное управление). Конечно, племя может бороться за независимость, особенно если речь идет о военизированных скотоводах. Племя может самоустраниться. И, наконец, оно способно посредством разделения, рассеяния и/или изменения своих жизненных практик стать невидимым или непривлекательным для поглощения объектом.

Последние три стратегии — формы сопротивления и уклонения от государства. Вариант военного противостояния крайне редко, за рядом исключений, был доступен безгосударственным народам Юго-Восточной Азии. Самоустранение часто предполагало переход к подсечно-огневому земледелию или собирательству. Последняя стратегия — социальной реорганизации. Она предполагает разбиение на минимальные единицы, чаще всего домохозяйства, и нередко сопровождается использованием хозяйственных практик, оптимальных для выживания небольших рассеянных групп. Эрнест Геллнер характеризует подобный осознанный выбор берберов с помощью девиза «разделяйся, чтобы не подчиняться». Этот блестящий афоризм показывает, что римский лозунг «разделяй и властвуй» перестает срабатывать при определенном уровне атомизации. Описывающий ту же стратегию уклонения от государства термин Малкольма Яппа *медузообразные племена* столь же удачен: он подчеркивает, что в результате разукрупнений потенциальный правитель получал в свое распоряжение аморфную и неструктурированную человеческую массу, в которой отсутствовали точки воздействия и рычаги управления (Gellner, 1969; Yapp, 1980). Османы полагали, что легче иметь дело со структурированными общинами, пусть даже христианскими и иудейскими, чем с еретическими сектами, не обладающими властной верхушкой и четкой организационной структурой. Наибольшие их опасения вызывали

такие формы автономии и инакомыслия, как, например, мистические дервишеские ордена, которые, видимо, целенаправленно избегали любых коллективных поселений и однозначно идентифицируемого лидерства, чтобы ускользнуть от османского полицейского контроля (Varkey, 2008). Сталкиваясь с подобными ситуациями, государство, как правило, стремится найти союзника и создать институт вождей. Хотя обычно кто-то заинтересованный обязательно использовал эту возможность в своих интересах, ничто не могло помешать его потенциальным подданным его игнорировать.

Элементы племенной структуры похожи на кирпичи: они могут быть разбросаны или лежать кучами без малейших признаков структуры, а могут быть соединены вместе, чтобы образовать крупную, иногда огромную племенную конфедерацию. Социальная структура в значительной степени является одновременно эффектом государства и политическим выбором, и один из возможных его вариантов — формирование невидимой и/или непонятной для государственных органов социальной структуры. Так, аморфный характер монгольской социальной структуры и отсутствие в ней «нервных центров» рассматривались Оуэном Латтимором как факторы, предотвратившие китайскую колонизацию (Lattimore, 1962: 415). В этнических, миграционных осколочных зонах идентичности многообразны: местное население не столько постоянно меняло свою идентичность, сколько подчеркивало тот или иной аспект культурного и лингвистического самоопределения, который допускал формирование различных идентичностей. Неопределенность, множественность и взаимозаменяемость идентичностей и социальных единиц обладали рядом явных политических преимуществ, допуская разнообразные форматы взаимодействия и дистанцирования от государств и других народов (Schwartz, Salomon, 1999). Исследования кочевых скотоводческих групп, таких как туркмены на ирано-российской границе или калмыки в России, подтверждают их способность распадаться на части или небольшие независимые элементы, если вдруг это оказывалось выгодно: «их политическая форма может сохранить черты примитивного организма — будучи защищена экзоскелетом верховной власти, она остается простейшей и сегментированной под этим прикрытием» (Sahlins, 1968: 64).

Ряд характеристик подобных сообществ, видимо, способствовал, а в некоторых случаях и требовал создания социальной структуры, которая могла быть разбита на множество элементов, а затем вновь собрана воедино. Наличие такой общественной собственности, как пастбища, охотничьи угодья и пригодные для подсечно-огневого земледелия территории, позволяло группам выживать и в то же время препятствовало формированию крупных и устойчивых различий в уровне благосостояния и статусных позициях, которые характерны для наследуемой частной собственности. Столь же важен был и пестрый набор хозяйственных стратегий — собирательство, подсечно-огневое земледелие, охота, торговля, разведение домаш-

него скота и оседлое сельское хозяйство. Каждая из них порождала конкретные формы социального взаимодействия, определяла численность групп и параметры поселений. В совокупности эти стратегии обеспечивали особый тип практического опыта или устойчивый порядок целого ряда вариантов социальной организации. Смешанный набор хозяйственных технологий порождал и смешанный набор социальных структур, которые легко актуализировались, если гарантировали политическую, как, впрочем, и экономическую выгоду (Ericson, 1997).

Отказ от государственности и устойчивых иерархий

Любое государство с амбициями контроля частей Зомии — ханьские чиновники в провинциях Юньнань и Гуйчжоу, тайский двор в Аюттайе и бирманский в Аве, шанские князья (собва), британский колониальный режим и независимые национальные правительства — стремились заручиться поддержкой местных вождей или же, в случае отсутствия таковых, сформировать институт вождей, с которыми оно могло иметь дело. Британский колониальный режим, как и другие государства, как правило, навешивал на демократичные, анархические народы ярлыки «диких», «примитивных», «сырых» в противовес их «покоренным», «приготовленным», «культурным» аристократическим соседям, даже если последние говорили на том же языке и имели схожую культуру. Устойчивое косвенное управление анархическими «медузообразными» племенами было практически невозможно. Даже усмирение их было задачей сложной и никогда полностью нерешаемой. Главный комиссар Британской Бирмы с 1887 по 1890 год отмечал, что завоевание территорий качинов и палаунгов происходило «холм за холмом», поскольку эти народы «никогда не подчинялись какому бы то ни было централизованному контролю». Чины для него стали столь же большим разочарованием. «Единственной их системой управления были старосты деревень или, в лучшем случае, небольшой группы деревень, вследствие чего переговоры с чинами как народом были невозможны» (Crosthwaite, 1912: 236, 287).

Опасаясь непокорных и ненадежных чинов, британцы начали вводить институт вождей в «демократических» чинских районах, полагаясь на них как гарантов выполнения своих распоряжений. Колониальная поддержка позволяла вождям организовывать роскошные общинные празднества, которые в подобных «обществах пиршеств» подкрепляли их относительно высокий статус по сравнению с остальными. В результате возник новый синкретический культ, который отверг прежние общие праздники, но развил традицию индивидуальных пиршеств, призванных повышать личный статус, хотя и не только его. Культ Пау Чин Хау за короткое время распространился по всему Занниату (демократичной племенной

зоне), охватив более четверти чинского населения в этом административном районе (Kirsch, 1973: 32).

Ва, считавшиеся самым жестоким горным народом с репутацией похитителей голов, как и «демократичные» чины и качины со своей системой гумлао, обладали исключительно эгалитарной социальной структурой. Они подчеркивали равенство доступа к празднованиям и конкурентной борьбе за статусы, запрещая тем, кто уже достиг почета или богатства, приносить дальнейшие жертвы, за исключением случая, когда человек добивался позиции вождя. Как отмечает Магнус Фискесейо, подобный эгалитаризм конструировался как стратегия ускользания от государства: «эгалитаризм ва, ошибочно истолковываемый как свойство “примитивного” общества в китайской и иных эволюционных моделях, следует воспринимать как способ избежать краха собственной автономии под давлением угроз со стороны великих держав, что возникли на горизонте: тех (того) государств(а), которые стремились обложить ва данью или налогами, что уже было сделано ими в промежуточной буферной зоне (играла роль «антиварварской» оборонительной стены, которые распространены повсеместно в Китае)» (Fiskesjö, 2000: 217).

Другим возможным ответом на принуждение к политическому структурированию, посредством которого государство могло осуществлять контроль и управление, было лицемерие — внешнее соответствие требованиям, создание подобия верховной власти, которая по сути таковой не являлась. Видимо, именно так поступили лису в Северном Таиланде. Потемкинский характер института управления здесь очевиден благодаря тому факту, что старостой в деревне неизменно оказывался человек без какой-либо реальной власти, а не уважаемый пожилой мужчина, богатый и обладающий способностями вождя (Dessaint, 1998: 29). Схожая ситуация неоднократно фиксировалась и в горных деревнях колониального Лаоса, где фиктивные местные чиновники и знать «предоставлялись» колониальной администрации по первому требованию, а уважаемые в обществе фигуры продолжали решать все местные вопросы, включая и назначение фиктивных чиновников (Dournes, 1973). В данном случае речь идет не столько о «социальной структуре избегания государства» как социальном изобретении, предназначенном для ускользания от него, сколько о сохранении существующей эгалитарной системы посредством сложного театрализованного изображения якобы наличия властной иерархии.

Самое знаменитое этнографическое описание жизни горных народов по всей Зомии представлено в работе Эдмунда Лича, посвященной качинам, — «Политические системы горной Бирмы» (Leach, 1968). В центре этнографического анализа Лича находится социальная структура беглецов — форма социальной организации, спроектированная, чтобы помешать своему захвату и поглощению как шанскими княжествами, так и мелкими качинскими вождями

Дж. Скотт

Бегство от государства и предотвращение государства: роль размещения, сельского хозяйства и социальной структуры

дува, пытающимися имитировать шанские властные и иерархические модели. Лич утверждает, если изложить его аргументацию кратко и схематично, то на территориях качинов сложилось три типа политической организации: шанская, гумса и гумлао. Шанская модель предполагает схожую с государством структуру собственности и социальной иерархии, во главе которой стоит наследный (в принципе) вождь и которая базируется на систематическом налогообложении и барщинном труде. Абсолютно противоположна шанской модель гумлао: она в целом отвергает наследственный характер власти и классовых различий, но не отрицает его в случае индивидуальных статусных позиций. Деревни гумлао не признавались англичанами, были независимы, обычно обладали ритуальной организацией и верили в божеств-охранителей, поддерживающих социальное равенство и автономию. Продвижение в «шанском» направлении предполагало более четкую иерархическую и ритуальную структуру и все большее сходство с государственными форматами социальности. Предпочтение модели гумлао, наоборот, означало дистанцирование от шанского государства и его практик. В исторической перспективе зафиксированы постоянные перемещения между двумя этими моделями.

Третья социальная форма — гумса — представляет собой некий смягченный вариант крайне жестких и стратифицированных типов передачи социального статуса по наследству, где берущий женщину в жены род считался социально и ритуально превосходящим род, отдающий ее в жены, что и определяло разделение на простолюдинов и аристократов. Лич убежден, что эта модель особенно нестабильна. Глава самого знатного рода в системе гумса фактически всегда был готов превратиться в мелкого шанского правителя. В то же время его усилия по приданию своему правящему статусу постоянства и превращению низкостатусных кланов в своих слуг могли породить восстания и бегство населения, а потому гумса склонна трансформироваться в направлении свойственного гумлао равенства.

Существует немало доказательств того, что множество горных народов использовали одновременно две или даже три модели социальной организации: одна копировала качинские деревни гумлао, другая скорее походила на стратифицированную гумсу, иногда возникали и аналоги мелких шанских княжеств. Складывается впечатление, что горные народы в материковой части Юго-Восточной Азии имели в своем распоряжении не только сельскохозяйственные культуры и технологии, способствующие бегству от государства, но и, как правило, включали в свой политический репертуар социальные модели, исключающие возможность становления государственности. При этом большинство горных народов создали «теневые», или «зеркальные», по отношению к государствам социальные системы: форматы их политического, культурного, экономического, а часто и религиозного позиционирования целенаправленно кон-

струировались как полная противоположность институциям и ценностям похожих на государственные образования соседей.

В результате три темы вновь и вновь возникали в нарративах и позиционных автопортретах горных народов: равенство, автономия и мобильность, но ни одна из них не имеет однозначной трактовки, хотя все три закодированы в материальной жизни в горах — в расположении поселений достаточно далеко от равнинных государств, в рассеянии населения, в общей собственности, в подсечно-огневом земледелии и выборе сельскохозяйственных культур. Например, поскольку формирование гумлао качинов связано с поддержанием эгалитарных социальных отношений посредством свержений или убийств превысивших свои полномочия вождей, исторические нарративы качинов были предостерегающими назидательными историями, призванными отрезвлять наследственных вождей с автократическими амбициями.

Свобода горных народов от устойчивых внутренних иерархий и процессов формирования государственности полностью зависела от пространственной мобильности, поэтому восстания гумлао были исключением, которое лишь подтверждало правило. Бегство, а не бунт, было фундаментом свободы в горах; куда больше эгалитарных поселений было основано беглецами, чем революционерами. Именно эта способность и реальная практика перемещений горных народов без колебаний и по малейшему поводу сводила с ума колониальные режимы и независимые государства в Юго-Восточной Азии. Дурной знак, серия заболеваний или смертей, политический раскол, принуждение платить дань, зарвавшийся староста, мечта, призыв почитаемого религиозного лидера — любая из названных причин могла породить миграционные процессы. Так, многочисленные попытки государства заставить каренов вести оседлый образ жизни и использовать их в своих интересах заканчивались неудачей, поскольку их поселения постоянно распадались на все более мелкие и меняли свое местоположение. Все, что мы знаем о горных каренах — их исторически обусловленный страх попасть в рабство, их самопозиционирование как преследуемых сирот, — позволяет предположить, что их социальная организация и подсечно-огневое земледелие были спроектированы таким образом, чтобы удержаться на безопасном расстоянии от любых попыток захвата, что также требовало формирования подвижных социальных структур. Обычно горных каренов описывают как народ, создавший независимое и слабо стратифицированное общество, которое легко распалось на части по экономическим, социальным, политическим или религиозным основаниям (Walker, 1992: 50).

Сложно переоценить исключительную пластичность социальной организации, свойственной наиболее демократичным безгосударственным горным народам. Изменения социальной структуры, распад на части, разукрупнение, пространственная мобильность, восстановление прежнего облика, трансформация хозяйственных

Дж. Скотт

Бегство от государства и предотвращение государства: роль размещения, сельского хозяйства и социальной структуры

практик здесь столь головокружительны, что само существование столь любимых антропологами социальных единиц — сел, родов, племен и деревушек — можно поставить под сомнение. Те социальные элементы, на которых историк, антрополог или, если уж на то пошло, чиновник должны фокусировать свое внимание, обретают почти метафизический характер. Видимо, особенно полиморфны низкостатусные горные народы, которые используют широкий спектр языковых и культурных практик, чтобы быстро адаптироваться к множеству разнообразных ситуаций. Таким образом, мы имеем дело не только с «медузообразными» племенами, но и с «медузообразными» системами родства, деревнями, институтами вождей и в некоторой степени медузообразными домохозяйствами. Вместе с кочевым земледелием этот полиморфизм прекрасно обеспечивал уклонение от поглощения государственными структурами. В случае опасности горные сообщества отступали, рассеивались, растекались, как мельчайшие капли ртути, будто действительно следуя правилу «разделяйся, чтобы не подчиниться».

Перевод с англ. И.В. Троцук

Библиография

- Barfield T.J. (1993) *The Nomadic Alternative*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
- Barker G. (2008) *Footsteps and Marks: Transitions to Farming in the Rainforests of Island Southeast Asia*. Paper prepared for the Program in Agrarian Studies. Yale University.
- Barkey K. (2008) *Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge University Press.
- Boserup E. (1972) *The Conditions of Agricultural Growth*. Chicago: Aldine-Atherton.
- Burns T. (2003) *Rome and the Barbarians, 100 bc — ad 400*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Christian D. (2004) *Maps of Time: An Introduction to Big History*. Berkeley: University of California Press.
- Clastres P. (1987) *Society Against the State: Essays in Political Anthropology*. Trans. by R. Hurley. N.Y.: Zone.
- Conklin H. (1957) *Hanunoo Agriculture: A Report on an Integral System of Shifting Cultivation in the Philippines*. Rome: FAO.
- Crosthwaite C. (1912) *The Pacification of Burma*. London: Edward Arnold.
- Dessaint A. (1998) Lisu world view. *Contributions to Southeast Asian Ethnography*. no 2, pp. 27-50.
- Diamond N. (1995) Defining the Miao: Ming, Qing, and contemporary views. *Cultural Encounters on China's Ethnic Frontier*. Ed. by S. Harrell. Seattle: University of Washington Press.
- Dournes J. (1973) Sous couvert des maîtres. *Archive Européen de Sociologie*. no 14, pp. 185-209.
- Edelman M. (1998) A Central American genocide: Rubber, slavery, nationalism, and the destruction of the guatusos-malekus. *Comparative Studies in Society and History*. no 40, pp. 356-390.
- Erickson C. (1997) *Archeological Approaches to Ancient Agrarian Landscapes: Prehistoric Raised-Field Agriculture in the Andes and the Intensification of Agricultural Systems*. Paper presented to the Program in Agrarian Studies. Yale University.

- Fiskesjö M. (1999) On the "raw" and the "cooked" barbarians of imperial China. *Inner Asia*. no 1, pp. 139-168.
- Fiskesjö M. (2000) *The Fate of Sacrifice and the Making of Wa History*. Ph.D. thesis. University of Chicago.
- Geertz C. (1980) *Negara: The Theatre State in Nineteenth-Century Bali*. Princeton University Press.
- Gellner E. (1980) *Saints of the Atlas*. L.: Weidenfeld and Nicholson.
- Holmberg A.R. (1950) *Nomads of the Longbow: The Siriono of Eastern Bolivia*. N.Y.: Natural History.
- Irons W. (1974) Nomadism as a political adaptation: The case of the Yomut Turkmen. *American Ethnologist*. no 1, pp. 635-658.
- Jenks R.D. (1994) *Insurgency and Social Disorder in Guizhou: The "Miao" Rebellion, 1854-1873*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Khazeni A. (2005) *Opening the Land: Tribes, States, and Ethnicity in Qajar Iran, 1800-1911*. Ph.D. diss. Yale University.
- Kirsch A.T. (1973) *Feasting and Society Oscillation*. A Working Paper on Religion and Society in Upland Southeast Asia no 92. Ithaca: Southeast Asia Program.
- Lattimore O. (1962) On the wickedness of being nomads. *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928-1958*. L.: Oxford University Press.
- Leach E. (1968) *The Political Systems of Highland Burma: A Study of Kachin Social Structure*. Boston: Beacon Press.
- Lehman F.K. [Chit Hlaing] (1967) Burma: Kayah society as a function of the Shan-Burma-Karen context. *Contemporary Change in Traditional Society*. Ed. by J. Steward. Urbana: University of Illinois Press. Vol.1.
- Mann C.C. (2005) *1491: New Revelations of the Americas Before Columbus*. N.Y.: Knopf.
- Mclean Stearman A. (1984) The Yukui connection: Another look at Siriono deculturation. *American Anthropologist*. no 83, pp. 630-650.
- McNeill W. (2007) Frederick the Great and the propagation of potatoe. *I Wish I'd Been There: Twenty Historians Revisit Key Moments in History*. Ed. by B. Hollinshead, T.K. Rabb. L.: Pan Macmillan.
- O'Connor R. (1996) Rice, rule, and the Tai state. *State Power and Culture in Thailand*. Ed. by E.P. Durrenberger. New Haven: Yale Southeast Asian Council.
- Rambo A.T. (1988) Why are the Semang? Ecology and ethnogenesis of aboriginal groups in peninsular Malaysia. *Ethnic Diversity and the Control of Natural Resources in Southeast Asia*. Ed. by A.T. Rambo, K. Gillogly, K. Hutterer. Ann Arbor: Center for South and Southeast Asia.
- Sahlins M. (1968) *Tribesmen*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
- Sahlins M. (1974) *Stone Age Economics*. L.: Tavistock.
- Schwartz S., Salomon F. (1999) New peoples and new kinds of people: Adaptation, adjustment, and ethnogenesis in South American indigenous societies (colonial era). *The Cambridge History of Native Peoples of the Americas*. Ed. by S. Schwartz, F. Salomon. Cambridge: Cambridge University Press.
- The Man Shu (Book of the Southern Barbarians) (1961)*. Trans. by G.H. Luce, ed. by G.P. Oey. Data paper no 44, Southeast Asia Program. Cornell University.
- Tribal Communities and the Malay World: Historical, Cultural, and Social Perspectives (2002)*. Ed. by G. Benjamin, C. Chou. Singapore: Institute for Southeast Asian Studies.
- Walker A.R. (1992) North Thailand as a geo-ethnic mosaic: An introductory essay. *The Highland Heritage: Collected Essays on Upland Northern Thailand*. Ed. by A.R. Walker. Singapore: Suvarnabhumi.
- White R. (1991) *The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650-1815*. Cambridge University Press.
- Yapp M. (1980) *Tribes and States in the Khyber, 1838-1842*. Oxford: Clarendon.

State evasion and state prevention: Geographical location, agriculture, and social structure

ТЕОРИЯ

James C. Scott, Professor of Political Science and Anthropology at Yale University and Co-Director of Yale Program in Agrarian Studies; Yale University, Box 208209, New Haven, USA, CT 06520-8206; e-mail: james.scott@yale.edu.

The comparative study of the zones of refuge conducted by James Scott shows that despite their geographical, cultural, and temporal dispersion, they share a few common, diagnostic characteristics. If they were of any historical depth, most shatter zones to which various groups have repaired over time display something of the ethnic and linguistic complexity and fluidity. Aside from being located in remote marginal areas that are difficult of access, such peoples are also likely to have developed subsistence routines that maximize dispersion, mobility, and resistance to appropriation. Their social structure as well is likely to favor dispersion, fission, and reformulation and to present to the outside world a kind of formlessness that offers no obvious institutional point of entry for would-be projects of unified rule. Finally, many groups in extrastate space appear to have strong, even fierce, traditions of egalitarianism and autonomy both at the village and familial level that represent an effective barrier to tyranny and permanent hierarchy. Geographical remoteness, mobility, choice of crops and cultivation techniques, and, frequently, a "nohandles" acephalous social structure, are, to be sure, measures of state evasion. But it is crucial to understand that what is being evaded is not a relationship per se with the state but an evasion of subject status. What hill peoples on the periphery of states have been evading is the hard power of the fiscal state, its capacity to extract direct taxes and labor from a subject population. They have, however, actually sought relationships with valley states that are compatible with a large degree of political autonomy. In particular, a tremendous amount of political conflict has been devoted to the jockeying for advantage as the favored trading partner of one lowland emporium or another. Hills and valleys were complementary as agro-ecological niches. This meant in effect that adjacent valley states typically competed with one another to acquire hill products and populations.

Key words: state evasion; state prevention; geographical location; mobility; agricultural crops; egalitarian social structure; agro-ecological niches; political autonomy

Теоретические подходы к изучению реформы местного самоуправления в России

И.В. Копотева

Инна Викторовна Копотева, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82/5. E-mail: inna.kopoteva@gmail.com

После окончательного разрушения советской системы Россия запустила механизм реконструкции институциональных основ социальной регуляции. Практически все рыночные и политические институты после крушения Советского Союза, Коммунистической Партии СССР и государственной плановой экономики создавались заново. Поскольку постсоциалистические трансформации требовали серьезнейшей институциональной перестройки всей общественной системы, новый институционализм может выступить теоретическим основанием для изучения хода реформирования местного самоуправления в России. Институционализм — особый подход к исследованию социальных, экономических и политических феноменов. Он применим для анализа местного самоуправления и его акторов, поскольку их поведение определяется набором правил, сложившихся и в советский, и в постсоветский периоды. Изменения в этом наборе правил (и соответствующих институтов) на муниципальном уровне имеют принципиальное значение для понимания реформы в общероссийских масштабах (как ее успехов, так и негативных аспектов). Развитие местного самоуправления в России зависит от состояния институтов (формальных и неформальных), регулирующих поведение социальных акторов. Автор определяет суть этих институтов и способы их взаимодействия, рассматривает местное самоуправление как одновременно политический, экономический и социальный институт. Кроме институционального подхода в статье используется и так называемый «governance»-подход (переход от управления сверху к практикам регулирования и самоуправления), который считает любую систему управления устойчивым во времени социальным институтом. Таким образом, изменения институтов порождают новую модель управления и новые типы социальных взаимодействий внутри системы местного самоуправления и его институтов — именно они становятся ключевыми факторами успешного (хорошего) управления.

Ключевые слова: местное самоуправление, институты, институционализм, governance, система управления, акторы, правила и ограничения

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-4-31-55

В развитых демократиях местное самоуправление является основной и неотъемлемой частью политических систем. Это не только первый и ближайший к людям уровень власти, обеспечивающий благосостояние граждан, но и главная составляющая гражданского общества. Местные органы самоуправления играют роль «дви-

жущей силы» суверенной демократии, обеспечивая адаптацию государственной политики, политических и экономических моделей.

В Российской Федерации в последние десятилетия постоянно обсуждались вопросы местного самоуправления: его роль в системе властных отношений, законодательная база, ее реализация на местном уровне и проблемы соответствия конституционным принципам. Эти дебаты были инициированы реформой местного самоуправления.

Муниципальная реформа на этапе становления

После распада СССР 31 марта 1992 года был подписан Федеративный договор как часть Конституции Российской Федерации. Согласно договору, местное самоуправление находится в совместном ведении федеральных и региональных органов власти. Края, области, автономные области, автономные округа, а также города федерального значения приобрели права на регулирование вопросов местного самоуправления в соответствии с федеральным законодательством. Республики в составе Российской Федерации получили право принимать законы и иные правовые акты по вопросам местного самоуправления.

Термин «местное самоуправление» был введен в Российскую Конституцию в 1993 году. Согласно статье 12, «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти». Это положение поддержали приверженцы социальной теории местного самоуправления в России. Однако его критиковали сторонники государственной теории за «искусственное разделение двух полномочий» и «возбуждение необоснованных претензий к местной автономии» (Wollmann, Butosova, 2003: 13).

Согласно статье 12, единая структура власти была разделена на две части: государственную власть и органы местного самоуправления. Государственная власть функционирует на федеральном и региональном уровнях, а местное самоуправление выведено из системы государственной власти и действует на муниципальном уровне. Это означает, что местное самоуправление и государственное управление (федеральное и региональное) являются двумя формами единой публичной власти в Российской Федерации.

Муниципальный уровень, будучи несамостоятельным уровнем, зависящим от центральных органов власти в советское время, должен был стать политически и административно независимым. Конституция установила только общие рамки: организационное разделение государственной и муниципальной сфер, отсутствие возможности формирования совместных «государственно-муниципальных» органов. Выбор конкретных характеристик муниципальной организации Конституция оставила на усмотрение законодателей. В результате на протяжении последующих почти 25 лет непрерывно шли изменения законодательства в сфере местного самоуправления.

Россия начала восстановление институциональной базы социального регулирования после полного уничтожения прежней системы. Почти все институты, управляющие рынком и политикой, нужно было реконструировать (McFaul, 1999), поскольку без соответствующих институтов функционирование рынка невозможно (Coase, 1992: 718).

Поскольку постсоциалистические преобразования являются глубокими институциональными изменениями, мы считаем новый институционализм полезной теоретической концепцией при исследовании развития местного самоуправления в России. Институционализм — это особый подход к изучению социальных, экономических и политических явлений (DiMaggio, Powel, 1991: 1).

Структура местного самоуправления и конкретное поведение вовлеченных акторов являются результатом набора правил (введенных в советский и постсоветский периоды), которые регулировали поведение акторов, поэтому способ внесения изменений в эти правила (или институты) на местном уровне имеет центральное значение для понимания реформы, ее успехов и неудач. Таким образом, можно сказать, что развитие местного самоуправления в России зависит от институтов (как формальных, так и неформальных), регулирующих поведение акторов.

Другим подходом, применимым для исследования местного самоуправления в России, является подход «governance». Система управления относится к прочным социальным институтам (Tiiponen, 2004: 35). Изменения в институтах приводят к новому режиму управления и новым типам социальных взаимодействий в рамках местного самоуправления. Эти изменения и могут рассматриваться в рамках подхода «governance» (from government to governance) с институтами в качестве ключевых факторов успеха (good governance) (Ibid.: 85).

Институционализм как теоретический подход

Институционализм как теоретический подход сложился в конце XIX — начале XX века. Интерес к институтам проявлялся в разных дисциплинах внутри социальных наук, но существует ряд различных вариантов институционализма, которые имеют сходства и различия. Их фундаментальное сходство — это акцент на институтах («институты имеют значение») и институциональных факторах как отправной точке социального анализа (основное отличие — интерпретация института). Второе сходство — это центральная роль структур в анализе: считается, что структуры определяют поведение, а также результаты процессов (хотя существуют различия в том, как различные подходы институционализма относятся к этой

И.В. Коптева
Теоретические
подходы к изучению
реформы местного
самоуправления
в России

центральной роли). Наконец, все версии нового институционализма подчеркивают парадокс институтов, определяемых человеческими агентами и сдерживающими факторами (есть разные объяснения, почему акторы принимают ограничения институтов (Peters, 2005: 155-160)). Список различий между подходами намного длиннее, и мы не будем обсуждать его здесь. Мы используем новый институционализм как основу «для выбора в рамках ограничений» (choice-within-constraints), которая объединяет экономические и социологические подходы (Nee, Brinton, 1998: XV).

Институт

Научная концепция институтов использовалась широко и различными способами. Так, можно определять институты как системы установленных и распространенных социальных правил: язык, деньги, закон, системы весов и мер, правила этикета — всё это институты (Hodgson, 2006: 2). Наиболее распространенное определение институтов было предложено Д. Норсом (North, 1990: 3): «Институты — это правила игры в обществе, или, что более формально, человечески обусловленные ограничения, которые структурируют человеческое взаимодействие». По мнению Норса, институты выполняют ряд задач: уменьшают неопределенность, обеспечивают регулярность и стабильность (но не обязательно эффективность) в повседневной жизни, обеспечивают «руководство по человеческим взаимоотношениям», определяют структуру стимулов и помогают людям расшифровывать социальный контекст, «определять и ограничивать набор вариантов» и принимать решения (Ibid.).

Институты представляют собой набор формальных и неформальных ограничений. Первые — это четко определенные правила, созданные людьми, такие как конституции, законы, права собственности и т. д., в частности, «они включают в себя политические (и юридические), экономические правила и контракты» и обеспечивают иерархию «от ограничений к уставу и общим законам, конкретным подзаконным актам и, наконец, индивидуальным контрактам» (Ibid.: 47). Неформальными ограничениями являются конвенции, нормы поведения, самоналоженные кодексы поведения, разработанные в разных сообществах. Неформальные культурные ограничения связывают прошлое с настоящим и будущим и обеспечивают «ключ к объяснению пути исторических изменений» (Ibid.: 6).

Норс определил неформальные нормы «не как правила, а как нормы поведения, которые имеют разные характеристики исполнения/правоприменения, в отличие от официальных правил. Формальные правила применяются судами и другими подобными структурами. Неформальные нормы соблюдаются вашими сверстниками или другими лицами, которые будут наказывать вас, если

вы не соблюдаете установленные нормы» (цит. по: Hodgson, 2006: 20-21). Таким образом, поскольку формальные и неформальные ограничения имеют разные характеристики исполнения, Норс не считает их правилами в том же смысле, что и официальные правила. Это объясняет использование им разных терминов, таких как *правило* и *ограничение*. Норс часто пишет «формальные правила» и «неформальные ограничения», но не использует определение «неформальные правила». Он дифференцирует правила и ограничения с помощью характеристик принудительного исполнения.

Ученые, критически анализировавшие исследования институтов, проведенные Норсом, подчеркивают, что нет четкого различия между формальными правилами и неформальными ограничениями. В общем, формальные и неформальные ограничения демонстрируют отличительную дихотомию, но разные акторы определяют эту дихотомию по-разному.

- Если формальное означает юридическое, то неформальное должно означать незаконное или неправовое (не установленное законом).
- Формальное/неформальное различие — это противопоставление явных или негласных правил.
- Официальные институты разработаны, неформальные сформировались спонтанно (Hodgson, 2006).
- Государственное/общественное различие: официальные институты относятся к государственным органам (судам, бюрократиям) и государственным правилам (конституциям, законам, нормативным актам), а неформальные институты — к гражданским, религиозным, родственным и другим «общественным» правилам и организациям (Helmke, Levitsky, 2003: 8).

Мы определяем формальные правила как «созданные», «письменные», преднамеренные; неформальные ограничения — как «развивающиеся», «неписанные», культурные нормы.

Как взаимодействуют институты

Отношения между формальными и неформальными ограничениями двунаправлены, первое влияет на второе, и наоборот. Норс четко определил однонаправленные ограничения: «от табу, обычаев и традиций на одном конце к письменным конституциям на другом» (North, 1990: 47). Неофициальные ограничения являются основами формальных правил; этот порядок логичен и исторически одобрен («от менее сложных обществ к более сложным»). Ученый отдает приоритет неофициальным ограничениям и определяет роль формальных правил как «небольшую (хотя и очень важную) часть суммы ограничений, которые определяют выбор» (Ibid.: 36). Существует также обратное направление: «неофициальные ограничения постепенно эволюционировали как расши-

ТЕОРИЯ

	Эффективные формальные институты	Неэффективные формальные институты
Совместимые цели	Дополнительные Как правило, заполняют пробелы, оставленные официальными институтами, повышают эффективность соответствующих официальных институтов	Замещающие Сосуществуют со слабыми или неэффективными формальными институтами, созданными или используемыми акторами, стремящимися достичь результатов, ожидаемых от официальных институтов, но которые те не смогли обеспечить
Конфликтные цели	Приспосабливающиеся «Вторая хорошая» стратегия для участников, которая модифицирует эффекты формальных правил	Конкурирующие Сосуществуют со слабыми или неэффективными формальными институтами, объединяют слабые формальные институты с антагонистическими целями, несовместимыми с формальными правилами

Источник: Helmke, Levitsky, 2003: 12

рение прежних формальных правил» (Ibid.: 91). Таким образом, наблюдаются влияния обеих групп ограничений: неписанные кодексы поведения лежат в основе и дополняют формальные правила (North, 1990: 4), а, в свою очередь, формальные правила могут дополнять и повышать эффективность неофициальных ограничений (Ibid.: 46).

Другое исследование взаимодействия формальных и неформальных институтов было проведено Г. Хелмке и С. Левицки (Helmke, Levitsky, 2003). Основываясь на работе Х.-Г. Лаус (Lauth, 2000), они построили типологию неформальных институтов по двум аспектам: эффективность соответствующих формальных институтов и степень совместимости между целями участников и их ожиданиями относительно результатов официальных институтов (см. табл. 1).

Авторы считают, что *дополнительные* и *приспосабливающиеся* институты могут существовать в стабильных институциональных условиях, характерных для промышленно развитых стран, в то время как *замещающие* и *конкурирующие* неформальные институты характерны для слабых и нестабильных условий развивающихся и постсоциалистических стран (Helmke, Levitsky, 2003: 15).

Неформальные и формальные ограничения имеют разную динамику: первые меняются медленно, а вторые, наоборот, быстро. Со-

хранение культурных тенденций в условиях изменения цен, формальных правил или политического статуса затрудняет изменение неофициальных ограничений по сравнению с формальными правилами (North, 1990: 87). Отсюда следует, что общий процесс институциональных изменений является последовательным сосуществованием двух периодов трансформации, взаимно связанных с типами ограничений (Fiore, 2002: 1029).

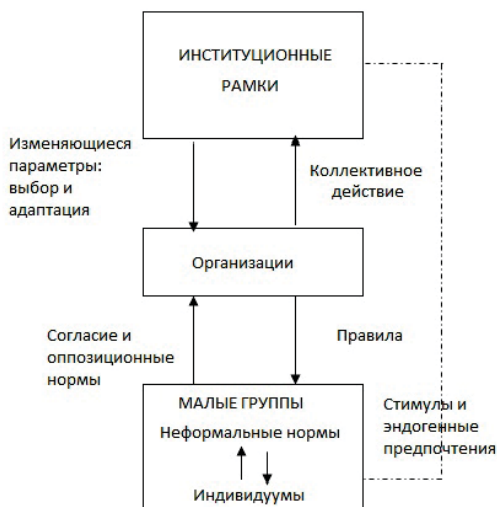
Кроме того, в некоторых случаях формальные правила меняются, а неформальные ограничения — нет. Таким образом, существует постоянная напряженность между неформальными ограничениями и формальными правилами (North, 1990: 91). В России, особенно в 1990-е годы, формальные правила менялись практически во всех сферах жизни, но по-прежнему широко использовались неформальные нормы из прошлого. Некоторые из них имеют большую выживаемость, поскольку помогают решать основные проблемы обмена между участниками: социальные, политические или экономические (Ibid.: 91).

Новый институционализм

В. Нии и М. Ингман (Nee, Ingman, 1998: 30-33), ссылаясь на новую институциональную экономику О. Уильямсона (Williamson, 1994), построили собственную модель институционализма в социологии — модель встроенности институтов и их групповой эффективности. Они предполагают, что акторы являются рациональными (но не гиперрациональными) и принимают решения в соответствии с критериями затрат-выгод в ситуации отсутствия информации и неопределенности, вызванной институциональными изменениями, которые характерны не только для развивающегося, но и для промышленно развитого общества (North, 1998).

Авторы рассматривают формальные и неформальные ограничения на разных уровнях анализа для построения иерархии и оценке неформальных ограничений в сфере взаимодействия индивидов, которые определяют неформальные нормы. Формальные правила создают институциональную структуру, в которой взаимодействуют акторы. Такое разделение формальных и неформальных ограничений на разных уровнях помогает анализировать формирующие институты.

Организации — это группы лиц, объединенные общим стремлением к достижению целей. Организации могут быть политическими, социальными и экономическими. В ситуации с реформой местного самоуправления — это местные власти, депутаты, местные школы, центры культуры, женские клубы, местные предприятия и предприниматели, фермеры и т. д. На то, какие организации появляются и как они развиваются, существенно влияют институциональные рамки. В свою очередь, организации влияют на развитие институциональной структуры (North, 1990: 5).

Можно выделить два типа причинно-следственных связей в рамках модели нового институционализма (рис. 1). Иерархически более высокий уровень определяет стимулы и, таким образом, устанавливают цели для социальных единиц на более низких уровнях. Подчиненные социальные единицы влияют на правила на высших уровнях и учитывают эффективность на них (Nee, Ingman, 1998: 32). Стрелки в нисходящем направлении указывают на влияние формальных правил на организации, небольшие группы и неформальные нормы. Институты также влияют на деятельность индивидов через эндогенные предпочтения. Стрелки вверх указывают, что иерархически более высокие уровни попадают под влияние низших уровней. Отдельные лица и небольшие группы создают и обеспечивают соблюдение неформальных ограничений. Правила определяются группами внутри организаций по соглашению (Knight, Ensminger, 1998), а функционирование организации зависит от ее групповой эффективности. Организации, в свою очередь, влияют на формальные нормы посредством политических акций, в то же время их деятельность определяет макроуровень (Nee, Ingman, 1998: 32).

Как мы видим, существует сложное взаимодействие между государством как разработчиком формальных правил и обществом, связанным неформальными ограничениями (Boliari, 2007). Изучая реформу местного самоуправления необходимо рассматривать институциональные процессы на двух уровнях — государственном и местном. С одной стороны, необходимо сфокусироваться на правовой структуре (в которой функционирует местное самоуправление), находящейся на иерархически превосходящем уровне, и ее влиянии на социальные единицы на более низких уровнях. С другой стороны, также необходимо изучить местный уровень, который должен

соответствовать формальным правилам, согласно которым он должен себя вести, взаимодействовать, реагировать и влиять на иерархически более высокие уровни. Такие микро(макро)взаимодействия оказываются основной проблемой для новой институциональной парадигмы (Nee, 1998: 3). Взаимодействие формальных и неформальных институтов для успеха наций часто более важно, чем наличие ресурсов и факторов дохода. Качество институтов и их управление являются важнейшим источником успеха (Tiihonen, 2004: 102-103).

Институциональный анализ может проводиться в двух формах. Во-первых, анализ института как структуры с ее собственными функциями и ролями (он является статичным), во-вторых, анализ процесса институционализации: создания, функционирования и изменения института. Для исследования реформы местного самоуправления в России необходимо использовать как анализ текущих структур и функций местного самоуправления, так и историю его развития. Следует отметить, что в России процесс институционализации местного самоуправления был экзогенным.

Местное самоуправление как институт

Местное самоуправление (МСУ) наиболее близкий к гражданам уровень публичной власти: в демократическом обществе это означает, что люди могут выбирать сферы местной общественной деятельности и общую модель управления. Предполагается, что МСУ будет удовлетворять местные нужды, предоставляя необходимые общественные услуги: муниципальный транспорт, школы, детские сады, местную инфраструктуру (дороги, мосты, колодцы) и т. д.

Европейская хартия местного самоуправления (1985 год)¹ определяет МСУ следующим образом:

1. Под местным самоуправлением понимается право и способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ими, действуя в рамках закона, в соответствии со своей компетенцией и в интересах местного населения.
2. Это право осуществляется советами или собраниями, состоящими из членов, избранных путем свободного, тайного, прямого, равного и всеобщего голосования. Советы или собрания могут располагать подотчетными им исполнительными органами. Это положение ни в коей мере не исключает обращения к собраниям граждан, референдуму или любой другой форме прямого участия граждан там, где это допускается по закону.

В академических дискуссиях встречаются разные толкования характера местного самоуправления, его роли и места в системе общественных отношений, которые опираются на несколько теорий:

1. Совет Европы <http://conventions.coe.int/treaty/en/Treaties/Html/122.htm> (04.10.17)

теорию свободного сообщества, общественную и государственную теории (Велихов, 1928; Vucinich, 1960). Они различаются в основном отношением к способу организации государственно-общинных (центр-периферия) отношений².

Теория свободного сообщества (теория коммуны: Neusala, 2005; Салов, 2008) разделяет классическую либеральную идеологию. Согласно А. Токвилю, самоуправление есть основное условие политической свободы и демократии и действует как механизм политической социализации и формирования гражданского сознания. В своей работе «Демократия в Америке», опубликованной в 1835 году, он рассматривал общинную жизнь как настоящую школу политической свободы. По его представлению, общинные учреждения относятся к школе политической свободы, как начальные школы относятся к науке. Без общинных учреждений нация может выбрать себе свободное правительство, но в ней не будет духа свободы, поскольку без муниципальных институтов невозможно реализовать эту свободу (Токвиль, 2000). Одна из основных идей теории Токвиля заключается в том, что первоначальным источником власти является не государство и не народ, но добровольные объединения людей, преследующих свои собственные цели. Теория свободного сообщества доказывает, что право сообщества на управление своей жизнью имеет тот же естественный и неотъемлемый характер, что и личные права и свободы, потому что сообщество исторически возникло раньше государства, которое и должно уважать свободу общественного управления. Токвиль признает сообщество как естественную корпорацию, независимую от государства. Права сообщества на самоуправление определяются характером сообщества как такового. Чтобы доказать свободу и независимость сообщества, теория рассматривает историю средневековых общин (свободные города, их борьбу за независимость от феодального государства) (Там же).

Общественная теория (социальная теория) (Neusala, 2005), как и теория свободного сообщества, во многом основана на идее оппозиции государства и местных общин. Согласно ей, самоуправление в основном регулирует жизнь и экономику местного сообщества.

Общественная теория была популярна в российском дореволюционном праве. Ее последователь князь А.И. Васильчиков (1869) утверждал, что интересы общества не всегда совпадают с интересами государства (а иногда и противоположны), поэтому местные учреждения должны иметь право самостоятельно управлять всеми местными экономическими и общественными делами. По словам Васильчикова, самоуправление является не только определенной сферой публичной власти, но и способом самоорганизации территориального сообщества. Согласно Н. Коркунову (1901), сущность самоуправления состоит в обеспечении местного общества правом преследовать свои

2. Некоторые авторы считают, что есть только две противоположные друг другу теории: государственная и социальная. См. например: Ross, 2009.

собственные интересы, а правительство должно заботиться только о государственных делах. Таким образом, теория предполагает оппозицию местного общества государству, а общественных интересов — политическим, и требует, чтобы общество и государство учитывали только свои собственные интересы. В целом социальная теория оказала большое влияние на земские реформы 1860-х годов в России.

Государственная теория самоуправления была разработана немецкими учеными Лоренцем фон Штайном и Рудольфом фон Гнейстером в XIX веке. Согласно ей, местные органы власти являются государственными органами; их компетенции не являются ни оригинальными, ни естественными, поскольку они полностью регулируются государством. Но самоуправление обязательно должно действовать как в общественных, так и в государственных интересах. Некоторые идеи западных ученых, придерживавшихся государственной теории о природе местного самоуправления, серьезно повлияли в дореволюционный период на российские представления о самоуправлении, на поиск баланса между государственной и местными властями.

Эти полярные позиции кажутся далекими от возможности их практического воплощения (Gelman, 2004: 87). Данные теории подчеркивают двойственную природу местного самоуправления: с одной стороны, это независимый институт гражданского общества под контролем и ответственностью людей; с другой — это государственный институт. В зависимости от того, что — общество или государство — служит основой для развития самоуправления, существуют различные научные толкования этого явления и его реальное функционирование в политической системе той или иной страны. Дискуссии между сторонниками теорий продолжались более двух столетий, ведь каждая имеет рациональное зерно. Н. Лазоревский (1910: 37) заметил, что каждая теория верна в том смысле, что «подчеркивает некоторую ключевую особенность самоуправляющихся единиц и воспринимает их как важную ценность, но каждая из этих теорий неверна, поскольку они считают эту особенность основной и исключительной».

Существуют не только разные теории, но и разные модели местного самоуправления, отличающиеся балансом между государственными органами и органами местного самоуправления. *Англосаксонская модель*, или двойственная система МСУ (Великобритания, США, Канада, Австралия), предполагает, что местное самоуправление отделено от государственных органов и в какой-то мере противопоставлено им, поскольку оно формируется непосредственно населением (Сысуев, 2004). Эта модель основана на социальной теории местного самоуправления и подчеркивает необходимость ограничить вмешательство государства в дела сообщества. Местные советы здесь автономны в пределах своей правовой области, у мэра нет особой власти.

Европейская континентальная модель, французская или объединенная система (Франция, Италия, Испания, Бельгия, некоторые страны Латинской Америки), основана на государственной теории местного самоуправления, которая, с одной стороны, объявляет его от-

ответственным за решение местных вопросов, с другой — считает его частью государственной власти. Таким образом, в данной модели сочетаются наличие местного совета и сильный централизованный контроль.

Скандинавская модель, или система разделения полномочий, смешанная модель (Норвегия, Швеция, Дания, ряд других стран, например, Австрия, Германия, Нидерланды и Япония, которые имеют различия в некоторых ключевых элементах, но все равно формируют особую группу), является своего рода компромиссом между англосаксонской и европейской континентальной системами. Центральное правительство обладает здесь значительной властью над местными органами и назначает в них своих представителей, но местные советы автономны в своих областях и следуют коллективному способу принятия решений (Bennett, 1997: 4).

Теоретически постсоциалистические страны могли свободно выбрать любые модели местного самоуправления, но на практике они реализовали комбинацию западных и своих традиционных моделей (Ibid.: 4). Закон СССР «Об общих принципах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» 1990-х годов, а затем закон «О местном самоуправлении в РСФСР» в 1991 году и Конституция РФ 1993 года использовали англосаксонскую модель местного самоуправления. Таким образом, институциональный подход к изучению местного самоуправления в России, где произошли радикальные изменения официальных институтов — новое законодательство в сфере развития местного самоуправления, приватизация, появление частной собственности, административная реформа и т. д., оказывается весьма актуальным.

Местное самоуправление как политический институт

В. Гельман (2002), Д. Салов (2008) и некоторые другие исследователи считают МСУ политическим институтом. По словам Гельмана, политическая основа МСУ является существенной, хотя и недостаточной предпосылкой для развития местной автономии и местной демократии. Значительную роль играют также общественное мнение, ценностные ориентации и политическое поведение акторов.

По словам Гельмана (2002), развитие местного самоуправления как автономного института имеет двойной эффект. С одной стороны, в нормативном смысле это должен быть эффективный институт, обеспечивающий равные права для всех политических акторов и граждан. С другой стороны, это институт, который перераспределяет ресурсы между федеральным, региональным и муниципальным уровнями. В результате институциональные изменения противоречат друг другу; все заинтересованы в эффективном институте и его автономии, но никто не хочет делиться ресурсами. Исследование Гельмана касается главным образом проблемы автономии муниципалитетов, являющихся региональными центрами (например, конфликты между губернаторами и мэрами). Он рассматривает другие территории как периферийные и полупериферийные зоны. В таких зонах

(сельские районы как один из представителей) развитие местной автономии и демократии сильно зависит от ситуации на региональном уровне: так, в 1990-е годы Карелия была одним из ведущих регионов в развитии института местного самоуправления, в то время как Республика Саха в поисках суверенитета ограничивала этот процесс.

Местное самоуправление как экономический институт

Местное самоуправление можно считать экономическим институтом, поскольку формирование и развитие местного самоуправления невозможно без сильной финансовой и экономической основы. МСУ как экономический институт участвует в местном экономическом развитии. Согласно Г. Свинбург (Swinburn et al., 2006: 1), «местное экономическое развитие — это наращивание экономических возможностей локальной территории для укрепления своего экономического будущего и улучшения качества жизни населения. Это процесс, при котором общественные, деловые и неправительственные партнеры работают совместно для создания более благоприятных условий экономического роста и появления новых рабочих мест».

Местные органы власти в качестве экономических институтов отвечают за финансовое планирование и управление, разработку и реализацию местной экономической политики, развитие малого и среднего предпринимательства, рынка труда, земельного рынка и инфраструктуры. В таком случае местные органы власти должны иметь возможность стимулировать местную экономику, играть роль ключевой движущей силы экономического развития территории. Кроме того, местные органы власти как экономические институты отвечают за улучшение качества жизни населения на подчиненной им территории. Что касается создания новых рабочих мест, строительства жилья или обеспечения какими-либо услугами, их основная цель — это предоставить всему сообществу равные возможности для повышения благосостояния, которые и ведут к росту и развитию (The role of local government, 2007).

Местное самоуправление как социальный институт

По мнению И. Мироновой (2007), социальный институт местного самоуправления есть «организованная система отношений, функций и социальных норм», которая включает в себя несколько элементов:

- сочетание формальных правил, определенных законами и другими законодательными актами государства, которые регулируют отношения в местном самоуправлении, то есть это юридический институт местного самоуправления как часть социального института;
- система организаций, действующих в сфере теории и практики местного самоуправления (органы власти, научные организации, ассоциации, фонды и т. д.);
- общественно-гражданские структуры, посредством которых граждане могут реализовать свои конституционные права на авто-

номное решение местных проблем (индивидуально или в пределах местного сообщества);

- система ценностей, традиций, статусов, ролей, неписаных правил граждан, включая представителей органов власти на всех уровнях функционирования местного самоуправления в России (Миронова, 2000).

Согласно этому списку, автор приравнивает понятия «институт» и «социальный институт». Однако позже она писала, что «социальный институт является точкой опоры при определении активности общества, фокусируясь на социальной активности населения». Развитие активности населения, социальная интеграция, развитие гражданского общества, участие населения в принятии решений на местном уровне, повышение доверия граждан к власти и друг к другу также являются элементами социального института местного самоуправления. Этот аспект актуален в российском случае, где институт местного самоуправления формировался сверху на основе формальных правил.

Другое понимание МСУ акцентирует социальную роль местного самоуправления как поставщика услуг (Torjman, Leviten-Reid, 2003; Назина, 2007). Местные органы власти должны повышать свою осведомленность о социальных потребностях сообщества, они могут способствовать осознанию ответственности за социальное благосостояние у бизнеса, местного сообщества и на других уровнях власти; местные органы власти могут помогать налаживать контакты между различными организациями и группами, составляющими сообщество; местные органы власти могут сделать более эффективными предоставляемые ими услуги (Torjman, Leviten-Reid, 2003: 6). Иными словами, местные органы власти должны удовлетворять любые интересы и потребности местного населения.

Эти разные точки зрения на местное самоуправление как социальный институт отражают различия в понимании характера местного самоуправления, о котором говорилось выше. Интерпретация Мироновой природы местного самоуправления отражает принципы социальной теории; вторая точка зрения скорее близка к теории социальных услуг (или экономической теории).

Природа местного самоуправления в академических и политических дебатах России

Обсуждения характера местного самоуправления шли и в академических, и в политических кругах. В *академических дискуссиях* можно найти как сторонников государственной и общественной теорий, так и теории муниципального дуализма. Например, В. Балытников (1998), заместитель начальника отдела социально-политических исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения, подчеркивал государственный характер местного самоуправления и определил государство как всеобъемлющую политическую организацию, а следовательно, «если публичная (го-

сударственная) власть может осуществляться через местные органы власти, тогда местное самоуправление по определению является государственным институтом» (Балытников, 1998: 2).

В постсоветский период идея двойственного характера местного самоуправления поддерживалась многими российскими учеными (см., например: Авакян, 1993; Подовжная, 1998; Широков, 1997 и т. д.). Они разрабатывали идею о том, что местное самоуправление основано на сочетании двух принципов — государственного управления и самоуправления — и представляет собой «баланс между местной автономией и стремлением государства к централизации» (Авакян, 1993: 145). Однако Г. Подовжная, (1998: 29) считала невозможным определять местное самоуправление только как элемент государства или как только элемент гражданского общества, поскольку оно объединяет их в себе. Таким образом, местное самоуправление и государственное управление являются дополняющими друг друга в регулировании современного общества.

Однако в теории двойственной природы местного самоуправления существуют разные отношения к ключевой части дуализма. Например, А. Назина (2007), фокусируясь на специфике учреждения местного самоуправления и его двойственном характере, подчеркивает общественный характер МСУ в качестве его основы, «потому что попытки государства создать МСУ без поддержки местного сообщества не могут привести к формированию института» (Назина, 2007: 13). Х. Ибрагимов (1997), в свою очередь, обращает внимание на преобладание государственного подхода в муниципальном проекте в России.

Политические дебаты

В российском политическом сообществе также распространены разные взгляды на характер местного самоуправления. А. Гельман (Gelman, 2004) выделяет четыре группы федеральных субъектов, участвующих в реформе местного самоуправления. Первая группа — «*управленцы*» — были в основном федеральные бюрократы, которые стремились обеспечить использование административной власти для контроля над местным правительством. Эта группа поддерживала государственную теорию местного самоуправления и рассматривала централизованный контроль над местными органами власти как важнейший критерий эффективности реформы местного самоуправления.

«*Утилитаристы*» были сильными политиками, стремящимися создать относительно сильные местные органы, автономные от региональных властей. Они определяли местное самоуправление как инструмент перераспределения политических и экономических ресурсов в рамках политической реформы. Как видим, их идеология основывалась на социальной теории.

«Re-Sovietizers»³ были представителями коммунистов и их союзников, которые после 1993 года пытались использовать идеи «возрождения Советов», однако их программа не подразумевала автономию местного самоуправления и призывала к возрождению вертикально интегрированных корпораций, в отличие от «исполнительной вертикали». Тем не менее из-за их оппозиции правящей группе, вопреки логике собственных приоритетов, находящихся в русле государственной теории местного самоуправления, они иногда поддерживали решения, ориентированные на общество.

Последняя группа — «самоуправленцы» — рассматривают местное самоуправление как часть проекта развития и укрепления гражданского общества, и создания сильного местного самоуправления на основе принципов разделения власти и представительного правительства (Gelman, 2004: 87-89).

Таким образом, теория местного самоуправления в российской историко-политической науке, с одной стороны, разрабатывалась под влиянием жесткой полемики между сторонниками различных теоретических подходов, с другой стороны, оказалась концептуально эклектична из-за «удивительной смеси всех этапов генезиса» (Голенкова, 1999: 61). Отсутствие единой концептуальной основы реформы МСУ предопределило несогласованность и противоречивость законодательства о местном самоуправлении как на федеральном, так и региональном уровнях, а также различия в представлениях о характере и направлениях реформы среди представителей федеральных и региональных элит. Как отметил С. Рыженков (1997), и центральные, и региональные власти пытались укрепить свое политическое влияние, применяя различные принципы организации местного самоуправления. Предполагалось, что местные власти будут иметь некоторые федеральные полномочия, а также большую часть региональных, поэтому центр попытался ослабить региональные правительства, вынудив их поделиться своими полномочиями с местными властями, в то время как региональные власти пытались противостоять этим попыткам, ограничивая местные органы власти.

Governance как теоретический подход

Что такое «governance»?

«Governance»⁴ становится популярной концепцией как в науке и политике, так и в общественных кругах в рамках обсуждения перехо-

3. Термин В. Гельмана.

4. Данная теоретическая концепция основана на исследованиях французского ученого М. Фуко; см., например, книгу Burchell et al. (1991). The Foucault effect: studies in governmentality, в которой опубликованы три статьи Фуко по данной теме.

да к более широкой и гибкой системе управления (from government to governance). В политических дискуссиях термин «governance» обычно используется для определения стабильных взаимосвязей и сотрудничества между субъектами-партнерами, имеющими различные цели. Среди этих субъектов — государство и другие политические акторы, бизнес, гражданское общество и транснациональные корпорации. Многие функции местных органов власти, которые ранее считались их собственной зоной ответственности, оказались в области компетенции не только политических институтов, но и некоторых других акторов (Pierre, 2000: 4).

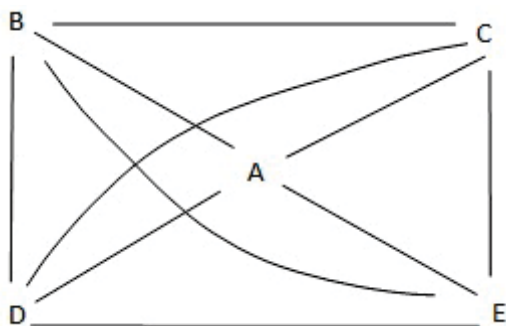
По мнению Р. Родеса (Rhodes, 1996), «governance» не является синонимом «government» (правительство), оно гораздо шире и его появление означает, что происходит изменение собственно понятия «government»: «governance» относится к *новым* процессам управления; или *измененным* формам устоявшихся правил; или *новым* методам управления обществом. Далее он продолжает: термин прост, но проблема появляется при определении этих новых процессов, условий или методов (Rhodes, 1996: 652-653)⁵.

Работы по тематике «governance» можно разделить на две группы. В первой переход к новой системе правления («governance») связан с неолиберальным политическим контекстом. Это в основном государственно-ориентированный подход, изучающий государственные функции и эффективность того, в какой степени государство обладает политическим и институциональным потенциалом «управлять», каким образом роль государства увязана с интересами других влиятельных акторов (см., например: Jessop, 2002; Geddes, 2006). Это так называемое политическое управление (political governance), которое относится к процессам и институтам на макроуровне, и при котором государство является главным действующим лицом.

Другая группа исследований не связывает переход к «governance» с каким-либо политическим содержанием. По словам Г. Стокера (Stoker, 1997), «governance» означает совместную работу правительственных и неправительственных организаций. Ученый определяет его с точки зрения институтов и институциональных отношений, что не приводит к какому-либо конкретному политическому содержанию. Он утверждает, что «его ценность заключается в *организационной структуре*. Перспектива открывается из его способности обеспечить *основу для понимания* меняющегося процесса управления» (Stoker, 1998: 18; курсив мой. — И.К.). Согласно Дж. Розенау (Rosenau, 2000: 171), «governance» — это система правил, таких как целенаправленная деятельность любого коллективного актора, которая, в свою очередь, поддерживает разработанные механизмы для обеспечения процветания, стабильности, безопасности, последовательности и устойчивости. Таким образом, кон-

5. Критический анализ данных проблем можно найти в статье Rodin (2017).

ТЕОРИЯ

цепция управления может использоваться в качестве *инструмента анализа* различных систем правил и политики или в качестве *основы для анализа* изменений в управляющем режиме страны (Tiihonen, 2004: 51; курсив мой. — И.К.). Эта группа исследований сохраняет ориентированный на общество подход и фокусируется на координации и самоуправлении, наблюдаемых в различных типах сетей и партнерских отношениях. Такое понимание рассматривает трансформацию прежней вертикальной модели управления «сверху вниз», командного и авторитарного использования силовых приемов, в «governance» как инициативу снизу с элементами переговорного процесса, сотрудничества и партнерских отношений (Tiihonen, 2004: 43). Это именно то, что можно назвать также местным САМОУправлением.

В данной работе мы придерживаемся второй интерпретации, где «governance» не связана с политическим контекстом, а воспринимается только как организационная структура. «Governance» выступает инструментом регулирования взаимоотношений акторов на местном уровне. В исследованиях по реализации реформы местного самоуправления на местах «governance» является локальным; традиции, нормы, неформальные соглашения оказывают очень сильное влияние на отношения. Чтобы понять суть концепта «governance», нужно представить его идеальный тип. «Governance» в сельских районах можно рассматривать как многомерную комбинацию взаимодействия участников (рис. 2). Не только власть (А) несет ответственность за местное развитие, «governance» касается правительственных и неправительственных организаций, работающих вместе (Stoker, 1997). В него включены государственный сектор, местное сообщество, добровольные организации и бизнес-структуры (В, С, D, E в качестве других акторов). В такой системе правительство становится лишь одним из участников управления на конкретной территории.

Очень важно, чтобы в работе местного самоуправления принимали участие разные акторы, которые бы взаимодействовали

друг с другом. Любой отдельный актор, общественный или частный, не обладает достаточными знаниями и возможностями для эффективного решения проблем. Взаимозависимость между акторами может стать важной составляющей развития, поскольку каждый актор привносит конкретные специфические навыки и ресурсы в партнерские отношения (Goodwin, 1998). «Governance» означает изменения в отношениях — от вертикальных к горизонтальным, сетевым. Партнерство становится важным элементом «governance» — новой системы самоуправления (Jones, Little, 2000).

Территориальный аспект концепта «governance»

Территории — это не только место локализации населения, различных ресурсов и бизнеса. Территория является активным элементом местного развития, ее можно определить как систему акторов. Территориальный аспект «governance» — это организация и координация, позволяющая территориям на разных уровнях действовать как «коллективные участники» (Davoudi et al., 2008). Любой регион или деревня имеют свои особенности, ресурсы, эндогенный потенциал, которые можно оценить, разработать и использовать через понятие «территориальный капитал». Территориальный аспект «governance» можно рассмотреть, используя подход, основанный на «ощущении места», эмоциональной связи с ним (Toward better territorial governance, 2014).

Территориальный аспект «governance» означает не только переход от нисходящего централизованного развития к восходящему локализованному. Это означает также переход к более широкому территориальному подходу, способному исследовать местные ресурсы, потенциал и возможности с целью привлечения к участию в управлении заинтересованных в местном развитии сторон. Сети акторов укореняются на местах, они заинтересованы в местных ресурсах и конкурентных преимуществах (Davoudi et al., 2008). Кроме того, территориальный аспект «governance» представляет собой сочетание и координацию действий между местными, субнациональными, национальными и международными акторами в рамках более широкой системы управления, т. е. территориальный аспект «governance» сочетает горизонтальные и вертикальные отношения. Вертикальная координация обычно основана на формальных институциональных отношениях, политике и принципе субсидиарности. Горизонтальная может опираться на формальные/институциональные и неформальные/неинституциональные отношения. Неформальные институты, обычаи, традиции, нормы, религия, наследие прошлого играют важную роль в горизонтальной координации. Включенность (embeddedness) является одной из характеристик территориального капитала, поэтому территориальный аспект «governance» заключается также в максимизации вертикальной и горизонтальной координации и сотрудничества, поощрении участия и содей-

ствия территориальному развитию (Davoudi et al., 2008). Кроме того, территориальный аспект «governance» означает расширение прав и возможностей местных сообществ и имеет социальное измерение.

Governance в политических и научных дебатах в России

К сожалению, понятие «governance» в России до недавнего времени понималось и переводилось как «управление», «государственная администрация», «руководящий орган», «власть» или вообще не переводилось. В российских публицистических и научных работах можно найти такие выражения, как «good governance», «IT governance», «business governance» без перевода, обычно они связаны с так называемыми «западными моделями» администрирования и управления, а «local governance» считалось синонимом местного самоуправления. Однако, несмотря на то что термин «governance» непопулярен в научных и политических дискурсах современной России, он может стать инструментом анализа изменений последних десятилетий для понимания их сущности и результатов.

Итак, отправными точками исследования реформы местного самоуправления в России были выбраны две теоретические концепции: институционализм, в частности новый институционализм и governance. Институционализм был выбран в качестве теоретической основы, так как структура местного самоуправления и специфическое поведение вовлеченных акторов являются результатом набора правил (институтов), регулирующих поведение акторов. Таким образом, можно сказать, что развитие местного самоуправления в России зависит от институтов (как формальных, так и неформальных), регулирующих поведение акторов.

Изменения в институтах приводят к новому режиму управления и новым типам социальных взаимодействий в рамках местного самоуправления. Концепция «governance» обеспечивает основу для понимания меняющегося режима управления в России.

Библиография

- Авакян А.С. (1993). Местное самоуправление в России // Теория и практика. Государство и право. №6.
- Балытников В.В. (1998). Государственная природа местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. №1.
- Васильчиков А.И. (1869–1871). О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных учреждений. СПб. Т. 1.
- Велихов Л. (1928). Основы городского хозяйства. М.-Л.
- Гельман В. (2002). Введение // Гельман В., Рыженков Р., Белокурова Е., Борисова Н. Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России, 1991–2001. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Говоренкова Т.М. (1999). Читаем Велихова вместе. М.

- Ибрагимов Х.И. (1997). Критерии становления и условия спонтанного развития субъекта самоуправления // Городское управление. №5. С.11-14.
- Коркунов Н.М. (1901). Русское государственное право. СПб.
- Лазоревский Н.И. (1910). Лекции по русскому государственному праву. Т. 11. СПб.
- Миронова Н. (2000). Местное самоуправление как социальный институт: генезис, становление, основные тенденции развития. Автореферат канд. дисс. М.
- Миронова Н. (2007). Местное самоуправление и муниципальная реформа. http://www.riku.ru/confs/vrem_cul/mironova-25-05.html (25.03.09).
- Назина А.С. (2007). Местное самоуправление в представлении сельских жителей. Пермь.
- Подовжня Г.Г. (1998). Реформа местной власти в России: проблемы самоуправления и демократии. Автореферат канд. дисс. Уфа.
- Рыженков С. (2007). Органы государственной власти субъектов Российской Федерации в реформе системы местного самоуправления (1994–1997 годов) // Местное самоуправление: теория и практика / Под ред. Г. Люхтерхандта. М.
- Салов Д. (2008). Местное самоуправление как фактор политического развития современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук (рукопись).
- Сысоев О. (2004). Страсти по 12-ой статье // Стратегия России. №1. Январь.
- Токвиль А. (2000). Демократия в Америке. М.: Весь мир.
- Широков А.Н. (1997). Местное самоуправление в политической системе современной России. Особенности и проблемы становления. Обнинск.
- Bennett R. J. (1997). Local government in post-socialist cities. Discussion Paper 2. Local government and public service reform Initiative. Opens Society Institute. Budapest.
- Boliari N. (2007). Conceptualising institutions and organisations: a critical approach // Journal of Business and Economic Research. Vol.5. №1. P. 1-10.
- Burchell G., Gordon C., Miller P. (1994). The Foucault effect: studies in governmentality. The University of Chicago Press, Chicago.
- Coase R. (1992). The institutional structure of production // American Economic Review. Vol.82. №4. P. 713-719.
- Davoudi S., Evans N., Governa F., Santangelo M. (2008). Territorial governance in the making. Approaches, methodologies, practices // Boletín de la A.G.E. №46. P. 33-52.
- DiMaggio P.J., Powell W.W. (1991). Introduction // The New Institutionalism in Organizational Analysis / W.W. Powell, P.J. DiMaggio (eds.). University of Chicago Press. P. 1-38.
- Fiori S. (2002). Alternative vision of change in Duglass North's new institutionalism // Journal of Economic Issues. Vol. 36. №(4). P. 1025-1042.
- Geddes M. (2006). Partnership and the limits to local governance in England: institutionalist analysis and neoliberalism // International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 30. №1. P. 76-97.
- Gelman V. (2004). Federal policies toward local government in Russia // The Politics of Local Government in Russia / A.Evans, V.Gelman. Rowman & Littlefield Publishers.
- Goodwin M. (1998). The governance of rural areas: some emerging research issues and agendas // Journal of Rural Studies. Vol. 14. P. 5-12.
- Helmke G., Levitsky S. (2003). Informal institutions and comparative politics: a research agenda. The Kellogg Institute Working Papers. WP 307, September.
- Heusala A-L. (2005). The transition of local administration culture in Russia. Helsinki: Kikimora Publications.
- Hodgson G. (2006). What are institutions? // Journal of Economic Issues. Vol.11. № 1. P.1-25.
- Jessop B. (2002). Liberalism, neo-liberalism and urban governance: a state-theoretical perspective // Antipode. Vol. 34. P. 452-72.
- Jones O., Little J. (2000). Rural challenge(s): partnership and new rural governance // Journal of Rural Studies. №16. P.171-183.
- Knight J., Ensminger J. (1998). Conflict over changing social norms: bargaining, ideology, and enforcement // The New Institutionalism in Sociology / M. Briton, V.Nee (eds.). Stanford University Press. P. 105-126.

И.В. Копотева
Теоретические подходы к изучению реформы местного самоуправления в России

- Lauth H-J.* (2000). Informal institutions and democracy // *Democratisation*. Vol. 7. №4. P. 21-50.
- McFaul M.* (1999). Institutional design, uncertainty, and path dependency during transitions: cases from Russia // *Constitutional Political Economy*. Vol.10. P. 27-52.
- Nee V.* (1998). Sources for the new institutionalism // *The New Institutionalism in Sociology / M.Briton, V.Nee (eds.)*. Stanford University Press. P. 1-16.
- Nee V., Brinton M.* (1998). Introduction // *The New Institutionalism in Sociology / M.Briton, V.Nee (eds.)*. Stanford University Press. P. xv-xix.
- Nee V., Ingman P.* (1998). Embeddedness and beyond: institutions, exchange, and social structure // *The New Institutionalism in Sociology / M.Briton, V.Nee (eds.)*. Stanford University Press. P. 19-45.
- North D.* (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge University Press.
- North D.* (1998). Economic performance through time // *The New Institutionalism in Sociology / M.Briton, V.Nee (eds.)*. Stanford University Press.
- Peters G. B.* (2005). *Institutional Theory in Political Science. The "New Institutionalism"*. London: Continuum.
- Pierre J.* (2000). Introduction: understanding governance // *Debating Governance. Authority, Steering, and Democracy / J. Pierre (ed.)*. Oxford: Oxford University Press. P.1-10.
- Rhodes R.* (1996). *The New Governance: Governing without Government*. // *Political Studies*. Vol. XLIV. P. 652-667.
- Rodin L.* (2017). Studies on Governmentality: Six Epistemological Pitfalls. // *Russian Sociological Review*. Vol.16. №2. P. 9-28.
- Rosenau J.* (2000). Governance in a globalizing space // *Debating Governance. Authority, Steering, and Democracy / J.Pierre (ed.)*. Oxford: Oxford University Press. P. 167-200.
- Ross C.* (2009). *Local politics and democratisation in Russia*. BASEES Routledge series on Russian and East European Studies.
- Stoker G.* (1997). *Public-private partnerships and urban governance // Partners in Urban Governance: European and American Experience* Palgrave Macmillan. P. 1-21.
- Swinburn G., Goga S., Murphy F.* (2006). *Local Economic development: A primer developing and implementing local Economic development strategies and action plans*. Washington. The World Bank.
- The role of local government in local economic development (2007). A step-by-step approach developed by VNG International. VNG.
- Tiihonen S.* (2004). *From governing to governance. A process of change*. Tampere University Press.
- Torjman S., Leviten-Reid E.* (2003). *The social role of local government*. March 2003. Caledon: Institute of Social Policy.
- Toward better territorial governance (2014). A guide for practitioners, policy and decision makers based on contributions from the ESPON TANGO Project. European Union. file:///C:/Users/ACNXMS4ED002/Desktop/ESPON_Governance_Handbook.pdf (09.12.2017)
- Vucinich A.* (1960). *The state and the local community // The Transformation of Russian Society / C.Black (ed.)*. Cambridge: Harvard University Press.
- Williamson O.* (1994). Transaction costs economics and organisation theory // *The Handbook of Economic Sociology / S. Neil, R. Swedberg (eds.)*. New York: Russell Sage Foundation.
- Wollmann H., Butosova N.* (2004). Local self-government in Russia: precarious trajectory between power and law // *Local Democracy in Post-Communist Europe. / H.Baldersheim, M.Illner, H. Wellmann (eds)*. Wiesbaden: Opladen, Leske and Budrich, Urban Research International. Series 2.

Theoretical approaches to the study of local self-government reform in Russia

53

Inna Kopoteva, PhD (Geography), Senior Researcher, Centre for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: inna.kopoteva@gmail.com.

И.В. Копотева
Теоретические
подходы к изуче-
нию реформы мест-
ного самоуправле-
ния в России

Russia started the reconstruction of the institutional bases of social regulation after the complete destruction of the former system. Almost all market and political institutions were to be designed after the collapse of the Soviet Union, Communist Party and planned economy. As the post-socialist transformation is a profound institutional change new institutionalism can be a theoretical framework for the study of local self-government reform in Russia. Institutionalism is a specific approach to the study of social, economic and political phenomena. The structure of local self-government and behaviour of its actors are determined by a set of rules developed in the soviet and post-soviet period; thus, the changes in this set of rules (or institutions) at the local level are of central importance in understanding the reform (with emphasis on both successes and failures). The development of local self-government in Russia is fundamentally dependent on institutions (both formal and informal) governing actors' behaviour. The article considers the nature of institutions and the ways they interact, and the local self-government as a political, economic and social institution. The author also applies the governance approach (from government to governance) to the governing system as a long-lasting social institution. Thus, changes in institutions lead to a new regime of governing and to new types of social interactions within local self-government and institutions as its key success factors (good governance).

Key words: local self-government, institutions, institutionalism, governance, management system, actors, rules and restrictions

References

- Avakyan A.S. (1993) *Mestnoe samoupravlenie v Rossii* [Local self-government in Russia]. *Teoriya i praktika. Gosudarstvo i pravo*. Moscow. no 6.
- Balytnikov V.V. (1998) *Gosudarstvennaya priroda mestnogo samoupravleniya* [The state nature of local self-government]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*, no 1.
- Bennett R. J. (1997) *Local Government in Post-Socialist Cities*. Discussion Paper 2: Local Government and Public Service Reform Initiative. Budapest: Open Society Institute.
- Boliari N. (2007) Conceptualising institutions and organisations: A critical approach. *Journal of Business and Economic Research*, vol. 5, no1, pp. 1-10.
- Burchell G., Gordon C., Miller P. (1991) *The Foucault effect: Studies in governmentality*. Chicago: University of Chicago Press.
- Coase R. (1992) The institutional structure of production. *American Economic Review*, vol. 82, no 4, pp. 713-719.
- Davoudi S., Evans N., Governa F., Santangelo M. (2008) Territorial governance in the making. Approaches, methodologies, practices. *Boletín de la A.G.E.*, no 46, pp. 33-52.
- DiMaggio P.J., Powell W.W. (1991) Introduction. In: Powell W.W., DiMaggio P.J. (Eds.) *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. University of Chicago Press, pp. 1-38.
- Fiori S. (2002) Alternative vision of change in Douglas North's new institutionalism. *Journal of Economic Issues*, vol. 36, no 4, pp. 1025-1042.
- Geddes M. (2006) Partnership and the limits to local governance in England: Institutional analysis and neoliberalism. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 30, no 1, pp. 76-97.

- Gelman V. (2002) Vvedenie [Introduction]. In: Gelman V., Ryzhenkov R., Belokurova E., Boriso-va N. *Avtonomiya ili kontrol? Reforma mestnoj vlasti v gorodah Rossii, 1991–2001*. Saint Petersburg.
- Gelman V. (2004) Federal policies toward local government in Russia. In: Evans A., Gelman V. *The Politics of Local Government in Russia*. Rowman & Littlefield Publishers.
- Govorenkova T.M. (1999) *Chitaem Velikhova vmeste* [Let Us Read Velikhov's Works Together]. Moskva.
- Goodwin M. (1998) The governance of rural areas: some emerging research issues and agendas. *Journal of Rural Studies*, no 14, pp. 5-12.
- Helmke G., Levitsky S. (2003) *Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda*. The Kellogg Institute Working Papers 307.
- Heusala A-L. (2005) *The Transition of Local Administration Culture in Russia*. Helsinki: Kikimora Publications.
- Hodgson G. (2006) What are institutions? *Journal of Economic Issues*, vol. 11, no 1, pp. 1-25.
- Ibragimov K.I. (1997) Kriterii stanovleniya i usloviya spontannogo razvitiya sub'ekta samoupravleniya [Criteria of formation and conditions for spontaneous development of the self-government subject]. *Gorodskoe upravlenie*, no 5, pp.11-14.
- Jessop B. (2002) Liberalism, neo-liberalism and urban governance: a state-theoretical perspective. *Antipode*, no 34, pp. 452-472.
- Jones O., Little J. (2000) Rural challenge(s): partnership and new rural governance. *Journal of Rural Studies*, no 16, pp. 171-183.
- Knight J., Ensminger J. (1998) Conflict over changing social norms: Bargaining, ideology, and enforcement. In: Briton M., Nee V. (Eds.): *The New Institutionalism in Sociology*. Stanford University Press, pp. 105-126.
- Korkunov N.M. (1901) *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian Public Law]. Saint Petersburg.
- Lauth H-J. (2000) Informal institutions and democracy. *Democratisation*, vol. 7, no 4, pp. 21-50.
- Lazorevsky N.I. (1910) *Lektsii po russkomu gosudarstvennomu pravu* [Lectures on the Russian Public Law], vol. 11. Saint Petersburg.
- McFaul M. (1999) Institutional design, uncertainty, and path dependency during transitions: cases from Russia. *Constitutional Political Economy*, no 10, pp. 27-52.
- Mironova N. (2000) *Mestnoe samoupravlenie kak socialnyj institut: genezis, stanovlenie, osnovnye tendentsii razvitiya*. [Local Self-Government as a Social Institution: Origins, Formation, and Main Trends of Development]. Avtoreferat diss. k.s.n. Moscow.
- Mironova N. (2007) Mestnoe samoupravlenie i municipalnaya reforma [Local self-government and municipal reform]. http://www.riku.ru/conf/vrem_cul/mironova-25-05.html (Accessed on 25.03.09).
- Nazina A.S. (2007) *Mestnoe samoupravlenie v predstavleniyah selskih zhitelej* [Local Self-Government in the Perception of Rural Residents]. Perm.
- Nee V. (1998) Sources for the new institutionalism. In: Briton M., Nee V. (Eds.) *The New Institutionalism in Sociology*. Stanford University Press, pp. 1-16.
- Nee V., Brinton M. (1998) Introduction. In: Briton M., Nee V. (Eds.): *The New Institutionalism in Sociology*. Stanford University Press, pp. xv-xix.
- Nee V., Ingman P. (1998) Embeddedness and beyond: institutions, exchange, and social structure. In: Briton M., Nee V. (Eds.) *The New Institutionalism in Sociology*. Stanford University Press, pp. 19-45.
- North D. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press.
- North D. (1998) Economic performance through time. In: Briton M.C., Nee V. *The New Institutionalism in Sociology*. Stanford University Press.
- Peters G.B. (2005) *Institutional Theory in Political Science. The "New Institutionalism"*. London: Continuum.
- Pierre J. (2000). Introduction: Understanding governance. In: Pierre J. (Ed.) *Debating Governance. Authority, Steering, and Democracy*. Oxford: Oxford University Press, pp. 1-10.

- Podovzhnaya G.G. (1998) *Reforma mestnoj vlasti v Rossii: problemy samoupravleniya i demokratii* [The Local Government Reform in Russia: Problems of Self-Government and Democracy]. Dissertatsiya k.p.n. Ufa.
- Rhodes R. (1996) The new governance: Governing without government. *Political Studies*, vol. XLIV, pp. 652-667.
- Rodin L. (2017) Studies on governmentality: Six epistemological pitfalls. *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 2, pp. 9-28.
- Rosenau J. (2000) Governance in a globalizing space. In: Pierre J. (Ed.) *Debating Governance. Authority, Steering, and Democracy*. Oxford: Oxford University Press, pp. 167-200.
- Ross C (2009) *Local Politics and Democratization in Russia*. BASEES Routledge series on Russian and East European Studies.
- Ryzhenkov S. (2007) Organy gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii v reforme sistemy mestnogo samoupravleniya (1994-1997 godov) [The role of state authorities of the subjects of the Russian Federation in the local self-government reform (1994-1997)]. In: G. Lyuhterhandt (Ed.) *Mestnoe samoupravlenie: teoriya i praktika*. Moscow.
- Salov D. (2008) *Mestnoe samoupravlenie kak faktor politicheskogo razvitiya sovremennoj Rossii* [Local Self-Government as a Factor of Political Development of Contemporary Russia]. Dissertatsiya k.p.n. Moscow.
- Shirokov A.N. (1997) *Mestnoe samoupravlenie v politicheskoy sisteme sovremennoj Rossii. Osobennosti i problemy stanovleniya* [Local Self-Government in the Political System of Contemporary Russia. Features and Development Problems]. Obninsk.
- Stoker G. (1997) Public-private partnerships and urban governance. In: *Partners in Urban Governance: European and American Experience*. Palgrave Macmillan, pp. 1-21.
- Swinburn G., Goga S., Murphy F. (2006). *Local Economic Development: A Primer Developing and Implementing Local Economic Development Strategies and Action Plans*. Washington: The World Bank.
- Sysuev O. (2004) Strasti po 12-oj stat'e [Fierce debates about the Article 12]. *Strategiya Rossi*, no 1.
- The Role of Local Government in Local Economic Development. A Step-by-Step Approach Developed by VNG International (2007).
- Tiihonen S. (2004) *From Governing to Governance. A Process of Change*. Tampere University Press.
- Tocqueville A. (2000) *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Ves' mir.
- Torjman S., Leviten-Reid E. (2003) *The Social Role of Local Government*. Caledon: Institute of Social Policy.
- Toward Better Territorial Governance (2014). A guide for practitioners, policy and decision makers based on contributions from the ESPON TANGO Project. European Union. file:///C:/Users/ACNXMS4ED002/Desktop/ESPON_Governance_Handbook.pdf (Accessed on 09.12.2017).
- Vasilchikov A.I. (1869-1871) *O samoupravlenii: Sravnitelnyj obzor russkikh i inostrannykh zemskih i obschestvennykh uchrezhdenij* [Self-Government: A Comparative Analysis of Russian and Foreign Zemstvos and Public Institutions]. Saint Petersburg. Vol. 1.
- Velikhov L. (1928) *Osnovy gorodskogo hozjajstva* [Foundations of Urban Economy]. Moscow-Leningrad.
- Vucinich A. (1960) The state and the local community. In: Black C. (Ed.): *The Transformation of Russian Society*. Cambridge. Harvard University Press.
- Wellmann H., Butosova N. (2003) Local self-government in Russia: Precarious trajectory between power and law. In: Baldersheim H., Illner M., Wellmann H. (Eds.): *Local Democracy in Post-Communist Europe*. Wiesbaden: Opladen, Leske and Budrich, Urban Research International Series 2.
- Williamson O. (1994) Transaction costs economics and organisation theory. In: Neil S., Swedberg R. (1994): *The Handbook of Economic Sociology*. New York: Russell Sage Foundation.

The neglected roots of Switzerland's national economy: The key role of peasantry

G.Vallet

Guillaume VALLET, Associate Professor in economics and sociology, Department of Economics, University of Grenoble Alpes, Grenoble, BP 47, 38040.

E-mail: guillaume.vallet@univ-grenoble-alpes.fr

The article aims to identify the role of peasantry in the Swiss national production system and in the Swiss society in general. There is an evident paradox when considering the peasantry in Switzerland: though its economic power has been decreasing over time, its political power remains. The author uses the archival data to resolve this paradox and prove the key role of the Swiss peasantry in Switzerland from the historical and institutional perspectives in creating the “Swiss model” based on money. Therefore, the Swiss peasantry has always been involved in the national decision-making and represents the cultural basis of the local scale (centripetal forces) in this small open economy (centrifugal forces). The article focuses on the Swiss case to reveal the relationship between the peasantry as a social group with specific functions and the national production system. The latter refers to the system of different sectors of the national economy, which requires a “glue” in the form of monetary policies that are consistent with economic and social structures. According to Schumpeter, “nothing demonstrates so clearly what a people is made of than how it conducts its monetary policy... everything that a people desires, does, suffers, is reflected in a people’s monetary system” (Schumpeter, 2014: xiv). The article aims to explain the extent to which peasants as a social group matter in the Swiss national production system. The author believes that this group has also participated in developing a strong economic system in Switzerland relying on the Swiss franc, therefore the term “peasantry” implies both economic and cultural features in the historical context. The first part of the article identifies current characteristics of Swiss peasants as a social group; the second part describes their role in the 1930s, i.e. in the development of the strong national production system; and the third part sums up the first two by explaining the key role of peasantry in Switzerland in a broad sense.

Key words: Switzerland; peasantry; national history; national production system; economic and social model; social and economic institutions

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-4-56-69

Although the role of agriculture in the economic growth of the developed countries is low according to the today’s standards, agriculture still benefits from a high social status for it refers to culture in both productive and social senses. The population of developed countries can be considered a historical “legacy” of the people for whom the cultivation of land was the basis of individual and collective identities. Thus, many scholars emphasize the economic and social consequences

of the transition from peasantry to agriculture in the developed countries (Mendras, 1967): becoming a big farmer means primarily a market orientation and seeking profit instead of being socially involved in the life of a small community and informal economy.

However, agriculture is still a major concern for the developed countries. Its survival depends on its ability to offer attractive prices and quality products. Although the added value in agriculture is low per se, it entails a significant growth of productivity as well as spill-over effects for the national economy. That is why its competitiveness depends on the exchange rates: to support exports of food and raw materials the central bank should manage the exchange rates according to the country's productive specialization, which determines the importance of agriculture for the national economy.

Swiss peasants: an overview

As in other developed countries, the role of the peasantry in Switzerland has sharply declined over time, especially over the last fifty years. Table 1 presents this declining trend in comparison to industry and service sectors in Switzerland for the period of 1960–2000.

Moreover, as Table 2 shows, in agriculture there are fewer enterprises than in other sectors.

According to the international data, Switzerland belongs to the group of countries with the lowest share of farmers considering the total number of workers (Graph 1).

Several factors determine this trend, such as the increasing role of the service sector in the national economy, the growth of productivity, and the internationalization of trade. In general, today the contribution of the primary sector to GDP is extremely low (Graph 2).

Moreover, some products have suffered more than others. As Graph 3 shows, “pure” agricultural production declines though the Swiss agriculture still relies on “safe-haven” production (mainly milk, cheese, and beef products). The national economy compensates for this decline by services related to agriculture (Graph 3).

Though the agricultural sector does not seem important for Switzerland due to the apparently low impact on GDP and employment, it has some economic “spillover effects” for the country. It should be mentioned that agriculture has many relationships with other sectors, especially with the service sector as the previous graph indicates; there are also many ties between agriculture and industry considering machinery, chemistry, and so on (see Ponsot & Vallet, 2013). Switzerland differs from other countries by the high subsidies it allocates to peasantry despite its lower productivity than in other countries, certainly, because the Swiss peasantry benefits from protectionism. Moreover, the Swiss Federal Council has always supported the peasantry either by subsidies or by incentives to export. Thus, the annual subsidies allo-

Table 1. **Employment in the economic sectors of Switzerland (%), 1960–2000**

Sectors	1960	1970	1980	1990	2000
Agriculture	14.5	8.5	6.9	4.2	4.5
Industry	46.5	46.2	38.1	32.2	26.4
Services	40	45.3	55.0	63.6	69.1
Total	100	100	100	100	100

Source: Author's calculations based on the data of Office Fédéral de la Statistique (2017).

Table 2. **Distribution of enterprises and jobs in Switzerland in 2015**

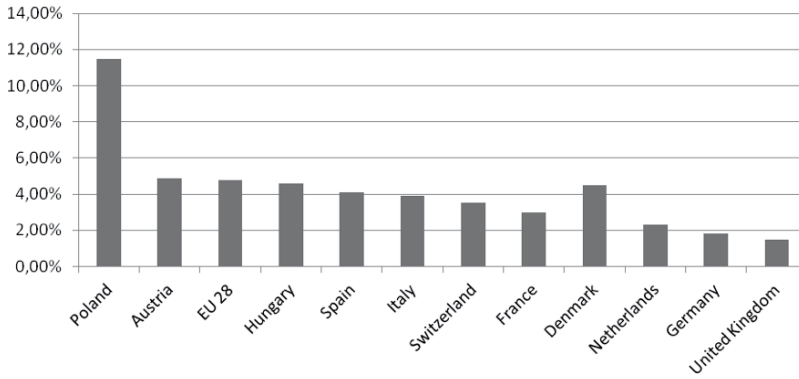
Enterprises	Agriculture	Industry	Services	Total
0–9	54,963	74,236	390,498	519,697
10–49	318	12,671	22,224	35,213
50–249	21	2,631	4,351	7,003
More than 249	0	448	817	1,265
Total	55,302	89,986	417,890	563,178
Total number of jobs	159,923	1,098,391	3,045,006	4,303,320

Source: Author's calculations based on the data of Office Fédéral de la Statistique (2015)

cated to peasantry by the Swiss government is 2.8 billion Swiss francs, which is a specific measure for the relatively non-interventionist country (Schoenenberger & Zarin-Nejadan, 2001). Among other reasons, this explains why Switzerland was so reluctant to join the World Trade Organization or the European Union despite being an open economy depending on external markets, especially European markets (Vallet, 2012).

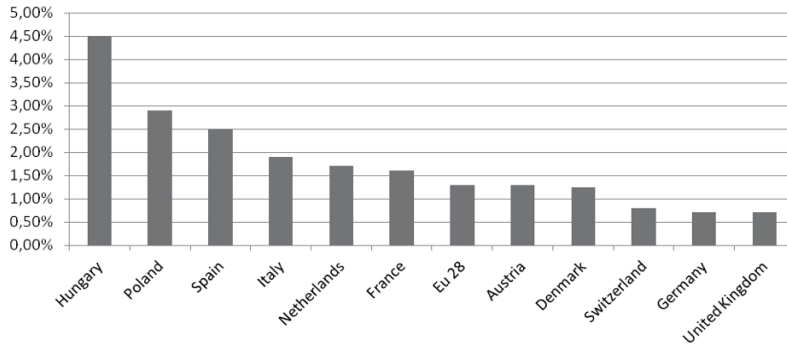
However, this public support for agriculture has been an integral geographical feature of the country: only 20% of the land in Switzerland is suitable for production. Nevertheless, in the nineteenth century Swiss farmers succeeded in turning these constraints into advantages with the cooperatives model. The latter allowed them to become stronger in the internal market, and then to increase exports. In other words, the Swiss economic model relies on cooperation (Church & Head, 2013), such as strong alimentary cooperatives (Migros, for instance). That is why the Swiss peasants became an important social group capable of influencing national policies in their favor despite their economic weakness. To understand such a paradox, we should consider the historical roots of both the strength of the Swiss peasantry and the national production system.

Graph 1. **The share of farmers in the total number of jobs in 2014**

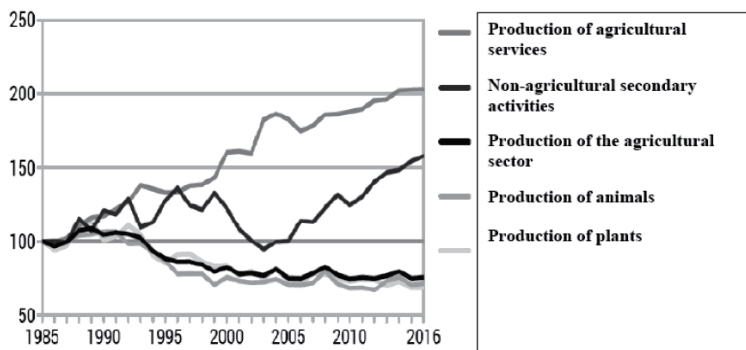
Source: Author's calculations based on the data of the European Commission, 2016

Graph 2. **Contribution of the agricultural added value to the national added value in 2014**

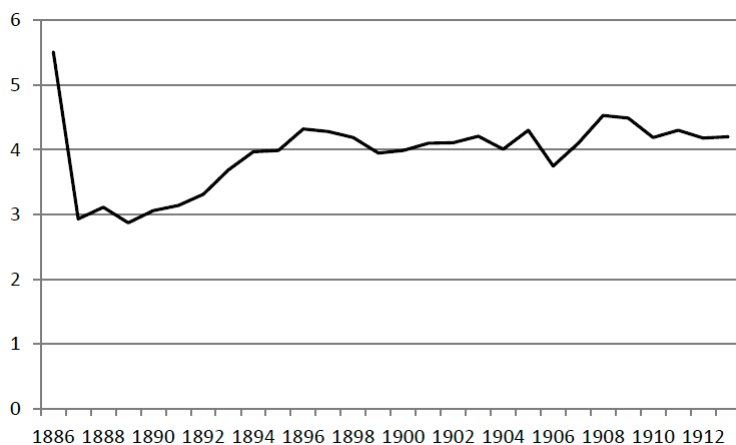

Source: Author's calculations based on the data of the European Commission, 2016

Graph 3. **Value of production in agriculture**

Source: Author's calculations based on the data of the European Commission, 2016

Graph 4. **Average tariffs (1886–1913), in %**

Source: Statistique du Commerce de la Suisse avec l'Étranger

The “peasant era” in the history of Switzerland (1920s–1930s)

Although this part of the article mentions the end of the nineteenth century, when the key institutions of the Swiss peasantry were established, it focuses on the 1920s–1930s, i.e. the “peasant era” in the Swiss history, when this social group was undoubtedly at the summit of its power. Such strength was to a large extent the result of the fight of the Swiss Union of Peasants (SUP) that ensured the key role of the Swiss peasants to be recognized in the country, for instance, in the 1920s the SUP determined the custom policies (Humair, 1992). During this decade, the SUP was among the most important actors of the Swiss foreign policy (Dérobert, 1926).

Nevertheless, it is noteworthy that there was no peasant power in the previous decades and especially in the previous century, in which living in Switzerland was considered a kind of a “malediction” for several reasons. First, some significant European crises in the 1880s negatively affected the Swiss agriculture. Swiss peasants were weak and disunited: for instance, the Peasant Union created in 1893 broke up quickly. Second, the Swiss external policy was guided by the interests of industry and by the powerful “Vorort” as its representative institution. Even under the protectionism of the second half of the nineteenth century, which ensured the development of industry, the “Vorort” supported free trade in the interests of industry. In general, there was a “moderate and selective” protectionism in Switzerland (Humair, 2004). It should be noted that at the end of the nineteenth century the Swiss protectionism was called “protectionism of combat” (Humair, 2004) for it allowed the fixed costs of exports to be minimized to secure outlets. Graph 4 shows the development of the average trade tariffs.

Such a tax policy helped the Swiss economy to take off under the starting globalization, and Switzerland became the second in the world after Argentina in terms of the economic growth rate, which explains the emergence of the concept “Swiss miracle” in the nineteenth century. However, it is important to emphasize that though the average taxes were lower in Switzerland than in the rest of Europe, there were significant differences between products. For instance, foreign industrial goods were taxed higher to protect the Swiss “infant” industry, while agricultural products were not — taxes were low and were declining from the late 1880s to the early 1900s compared to other products (Table 3). This trend persisted in the 1900s and 1910s (Table 4).

Tables 2 and 3 reveal that the peasantry was not a unified group capable of defending its collective interests. Thus, the sectors of dairy and cattle production were interested in exports, while others such as wine production demanded protection. There was also a split between sectors connected to the agro-alimentary industry (dairy products) and others that were more isolated or internal-market-oriented (fruits, vegetables, wine). The Federal Council sometimes benefited from this split when implementing its policies for it believed that the peasantry as a social group did not play an important role in Switzerland at that time (Laur, 1919), which is why it focused in the development of industry.

The creation of the Swiss Union of Peasants in 1897 changed the situation. The SUP was a unified and well-organized political organization. For instance, it established the journal *Le Paysan Suisse*, which helped to disseminate information about the Swiss peasantry throughout the whole country. The SUP was able to bargain with the government, that is how in 1903 it got the right to assist the government in every commercial treaty. The SUP became powerful in ensuring protectionism and offsetting the free-trade intentions of industry, which was useful under the new legislative conditions for protectionism in 1903. The charismatic leader of the SUP from 1898 to 1939, Ernst Laur, played the key role in this fight and managed to convince the Federal Council to maintain and even raise tariffs to ensure permanent income for the Confederation. The SUP's role was reinforced under the World War I, when the SUP and the Swiss peasantry in general benefited from the positive public opinion. According to the Swiss population, the peasantry succeeded in feeding the country¹ and ensuring revenues from exports of the Swiss agricultural products to the belligerents. Moreover, the latter did not break the principle of neutrality as one of the key political ideas of Switzerland (Vallet, 2010).

1. For instance, the Union Centrale des Producteurs Suisses de Lait was to provide the Swiss cities with milk and cheese.

Table 3. **Swiss external tariffs on some products (1888–1905), in %**

ИСТОРИЯ

Products	1888	1892	1905
Waste and fertilizers	0.23	0.73	0.52
Chemicals	2.39	3.38	4.45
Glass	20.57	23.74	23.08
Wood	3	5.12	5.77
Agricultural products	1.79	0.71	0.76
Leather	2.10	2.80	3.48
Books	0.54	1.31	1.55
Machinery	30.67	3.69	3.82
Metal	3.00	2.20	2.57
Minerals	2.02	2.47	2.19
Food products	4.37	5.80	7.67
Oil and fats	1.70	2.73	2.77
Paper	6.95	9.32	12.21
Textiles	0.93	1.55	2.60
Animals	0.93	2.42	2.29
Pottery	9.84	11.47	13.48
Other	2.26	5.53	7.93

Source: Statistique du commerce de la Suisse avec l'Étranger

The Swiss industrial bourgeois realized that it was no longer possible to ignore the peasantry, especially as a source for preventing workers from being too revolutionary. Therefore, the industry turned to the peasantry stressing its positive role for Switzerland from both economic and cultural perspectives. For instance, Laur's perception of external tariffs was helpful for the bourgeois in defending the lower taxation of capital: the bourgeois increasingly interested in free trade in the first decades of the twentieth century accepted the growth of some external tariffs provided the decrease of capital inflows. The so-called "peasants-bourgeois bloc" was created.

However, this did not deprive the Swiss peasantry from a certain degree of independence as being an ally of workers on some issues, for instance, on fighting bank secrecy in the 1920s to increase national revenues instead of decreasing trade tariffs. Furthermore, Laur suggested import and export taxes for Swiss industry (ranging from

Table 4. **Swiss external tariffs on some products (1906–1913), in %**

Products	1906	1910	1913
Food products	6.41	7.46	6.86
Animals	4.13	3.47	2.70
Leather	3.55	3.61	3.58
Seeds, plants	0.41	0.30	0.28
Wood	5.92	6.11	6.15
Paper	5.95	7.15	7.11
Textiles	2.31	1.89	2.67
Minerals	0.83	0.55	0.49
Clay, sandstone, pottery	13.86	13.40	12.72
Glass	19.23	19.09	17.05
Ores and metals	2.07	2.66	2.57
Machinery and vehicles	5.84	5.79	5.43
Clocks, watches	3.49	3.47	3.20
Chemicals	4.13	4.33	3.89
Other	6.33	6.35	6.54

G. Vallet

The neglected roots
of Switzerland's
national economy:
The key role of
peasantry

Source: Statistique du commerce de la Suisse avec l'Étranger

o to 2%) to increase the prices of foreign imports. Considering the issue of inflation, Swiss peasants were generally supporting workers rather than the bourgeois for they believed that the growth of prices guaranteed then regular profits. Finally, in 1921 a tariff on trade in peasantry's interests was introduced, which can be considered the backbone of peasants' power in this and the following decades. Thus, Switzerland was one of the less protectionist European countries before the WWI, but it became the most protectionist European country a decade later.

The Swiss peasantry devised a strategy that played a significant role in developing the national economy. In the 1920s, characterized by international turmoils, especially in the monetary and financial domains, Switzerland succeeded in winning a sustainable specialization in banking and financial sectors (Laurent & Vallet, 2014). The sectors previously associated with industry have been increasingly determining the Swiss production system since that time. The Swiss industry could no longer rely on weak wages and low costs of production to become competitive: on the one hand, it required a high amount of

capital, in particular inflows from abroad; on the other hand, it sought social peace to avoid costly strikes. Therefore, the Swiss banking and financial sector supported this new system to attract international capital for its own sake and for the industry.

However, the inconvenient truth is that the government developed economic policies that were not always in the interests of peasantry. In the 1930s, when it became clear that the government aimed to ensure efficient productive specialization by supporting the industry, finance and banking sectors, the monetary orthodoxy became inevitable as a necessary condition to attract foreign capital (Laurent & Vallet, 2014; Vallet, 2017). Although the orthodox monetary policies under the Great Depression was a too high price in the short run (Bordo & James, 2007), it was decisive in developing a stable national production system in the long run. Thus, in 1929 the Swiss National Bank introduced the Gold Standard in the law as a strict rule for monetary policy (SNB). Similarly, the bank secrecy was officially introduced in 1934 to reinforce Switzerland's attractiveness for foreign capital (Laurent & Vallet, 2014). However, the Gold Standard as a necessary condition for deflation was not in the interests of the Swiss peasantry that needed higher prices. Once again Laur opposed the policy that he called "the island of safe money" and took the side of "the island of prices" (Humair, 1992). He claimed that the negative impact of deflation on the agricultural production would not be alleviated by the decrease of labor costs: "Abroad, the capitalists lost their fortune and the peasants were able to repay their debts by means of depreciated money. Today, farmers pay back interest and debt service using paper, while in Switzerland their colleagues do so in gold-value. We cannot conclude that Switzerland should sacrifice its currency, but rather that Swiss debtors must obtain prices that are in harmony with the nature and level of their burdens" (Laur, 1932).

However, the position of Laur and of the peasantry in general was not clear. Laur, who in the 1930s worked in the Committee of the Bank of the SNB, supported the Gold Standard, as the economic and political leader of that time Schulthess confirms: "For agriculture also no gain would result from devaluation. Indeed, the optimist Laur in particular acknowledged that it would be difficult to maintain support to the peasantry after the devaluation" (Schulthess, 1943). This quote reveals that the Swiss peasantry succeeded in the 1930s. Thus, this social group agreed to support the choices of the economic, monetary and political authorities that served the creation of the national production system. However, this support was determined by the belief that the resulting revenues would help peasants to gain their own economic and political advantages. In other words, the long-term global economic advantages of the greater attractiveness of the country were to be shared with the peasantry through subsidies and legislative protection. Moreover, the Swiss peasantry had its first polit-

ical representative in the Federal Council in 1929 — Rudolf Minger, which helped to bargain for advantages.

The above mentioned explanations show the extent to which the economic and political authorities had to take into account the demands of peasantry in the 1920s and 1930s because this social group possessed a significant political power. It should also be remembered that the Swiss peasantry was an important labor force because the number of workers in agriculture increased between the two world wars: in 1930, there were 12,000 local associations of the SUP with 670,000 peasants. According to Laur, “a Swiss economy as more agricultural and poor” is better than “a Swiss economy as more industrial and rich” (Landmann, 1928: 57), which was accepted by the political and economic authorities of the country. Edmund Schulthess officially confirmed this position at the International Conference of Agricultural Associations in September 1925 (Landmann, 1928).

Thus, the Swiss peasantry played the key role in developing a strong and diversified economy, and more widely a sustainable democracy, especially with respect to the ability to become smallholders (Landmann, 1928). The economic period of the 1920s and 1930s, the “Peasant Era” in Switzerland, created conditions for the strength of this social group that is still evident today albeit in a different form.

Why the peasantry still matters in Switzerland

The focus on the peasantry, particularly in historical perspective, is relevant for understanding the development of Swiss capitalism and democracy. Although the Confederation was officially established in 1848, it became a real nation state only when the Swiss National Bank was created (1907) (Vallet, 2017). From the economic perspective, the Swiss franc enabled the Swiss economy to become a unified internal market, and money was a significant factor in building a strong productive economy. However, these conditions were determined by the Swiss authorities and people success in establishing relationships between all actors of production: banks and financial institutions, industry, workers, and peasants. Even though the peasants were becoming less and less important from the economic perspective (in terms of contributing to GDP), they remained an important social group for the country in which money “matters”. On the one hand, the Swiss peasantry has increasingly participated in industry, particularly in the agro-alimentary industry (Quartier, 1978). On the other hand, peasants constituted the Swiss national basis, especially through their role in the monetary system: money have positive effects provided their connection with productive economic structures forming a system consistent with the nature of monetary policies.

Money played the key role in the Swiss economic and political project that relied on the conflicts between social actors and thus ob-

G. Vallet

The neglected roots of Switzerland's national economy: The key role of peasantry

tained the status of a “social anchor”. The political leader Musy in the 1930s summed this up well: “One said with a reason that our Swiss franc is the main column on which our national political building is based. We have to preserve it... With such an economic structure as ours one can consider money as the one big financial enterprise in which all Swiss people, whatever economic groups they belong to, are interested” (Musy, 1933: 571). Therefore, money possess the status of an institution due to the framework that “coerces” (Vallet, 2017); however, it is an organic institution, because it evolves through the actions of its users (Dodd, 2014).

In Switzerland, money became the core of both economy and society to enhance prosperity, and peasants played their role by benefiting from it for two reasons. First, by playing the key role in developing the national production system the peasants increased acceptability and legitimacy of money: the users of money accept it because they believe in it and in the monetary institutions (Vallet, 2016). The peasants confidence in the SNB and the Federal Council was decisive for the Swiss franc: for instance, peasants were strong opponents of the policy of the Gold Standard in the 1930s, which allowed the Swiss franc not to be perceived as a weak institution for the country. Second, by defending their needs and political will by both consent and conflict, peasants played the crucial role in improving the Swiss democracy for they participated in national compromises. One should remember the regulative nature of conflicts within democracy (Touraine, 1994).

The mentioned developments emphasize the paramount point of the Swiss economic system: although it relies on liberal economy regarding the weak state interventionism, it supports the idea of regulation in which every economic group including peasantry plays a significant role. Federal or national institutions such as the Federal Council or the SNB (in charge of implementing the Swiss policies) consult with representatives of economic sectors before making decisions. For instance, Laur was a member of the SNB committee, which is still typical for representatives of the Swiss industry.

Thus, Switzerland succeeded in transforming its economic structures through different industrial revolutions moving from a “Manchester capitalism” to the “regulated capitalism” (Humair et al., 2012). However, the regulated capitalism in Switzerland does not mean state interventionism; rather, it refers to the system in which the state protects the economic trade only by law, and different organizations have the right to advise and influence the government in their own interests. From this perspective, the structure of the Swiss economy proves the diversity of types of capitalism despite its main features: pursuit for profit, rationalization (Boyer, 2015), and money to finance entrepreneurial projects. These features can take several forms according to cultural, sociological and historical conditions. The Swiss case indicates the extent to which economic issues must be embed-

ded in social concerns to understand “the tricks of the trade” and social life in general.

Therefore, more broadly, the Swiss peasants have improved — and are still improving — the democratic functioning of the economy and society by maintaining local culture. The Swiss social and political basis consists of direct democracy, neutrality, and federalism that allows the Swiss peasantry to play a decisive role with its cultural patterns. The peasant culture supports local economic and social networks that reinforce federalism and democracy. It should be noted that local associations of the SUP are established within the cantons (there are still around sixty local associations in the country). Although the SUP is a federation, it supports independent peasantry and, contrary to some countries such as France, primarily small peasants: the average size of an agricultural enterprise is about 14 hectares, less than in the European Union (16 ha). This creates an equilibrated agricultural structure within the country, in which culture, norms and values prevent conflicts due to centrifugal forces.

In other words, even though the country relies on hyper-globalization regarding its productive structures, it also benefits from centripetal forces such as local cultures maintaining the internal specificities of the country, and the peasants play here a significant role. The political system enables Swiss peasants to have power through its legislation which resembles the American system. In Switzerland, there are two legislative bodies: the so-called “Conseil national” that represents Swiss citizens (1 deputy per 20,000 people), and the “Conseil des Etats” (2 deputies per canton and 1 per demi-canton) (Bouquet, 1995). The Conseil des Etats allows cantons with small populations, mainly rural, to defend their interests. They can benefit from about 10-15% of seats, which is far more than their economic weight. This disproportionate political power is an advantage for the whole country.

Switzerland is both a small, open and internally diversified country. Its internal functioning relies on decisions made by cantons and cities, and such a decision-making process corresponds to other two Swiss basic principles — direct democracy and federalism (Vallet, 2010). By participating in both national prosperity and national identity, the Swiss peasantry helps to prevent external shocks and to reinforce social links between different parts of the country. Certainly, the main challenge for the Swiss peasantry is to maintain its cultural and economic significance while facing serious environmental issues such as climate changes and organic production. The Swiss law (Article 104 of the Constitution) mentions three main objectives of the peasantry: providing food for the Swiss population, conservation of natural resources and landscapes, and the decentralized settlement.

G. Vallet

The neglected roots of Switzerland's national economy: The key role of peasantry

In Switzerland, peasantry has often been neglected as a social group. Although there are some works on historiography or sociology of peasantry, none have highlighted their role and status in the Swiss economy and society. Based on the historical data, I have proved that the Swiss peasantry form the core of the “Swiss model” relying on the Swiss franc as the backbone of the national economy. This group has always been politically involved — directly or indirectly — in decision-making, though its economic impact decreased over time. From the cultural perspective, the Swiss peasantry reinforced local communities (centripetal forces) in a small open national economy (centrifugal forces). Thus, the Swiss case is insightful for the economic analysis within sociological and historical perspectives. The latter help to understand what being a Swiss peasant means from both individual and national points of view. Such an approach is useful for the study of the Swiss society development under the hyper-globalization process through the lens of the “Swiss peasant”.

References

- Bordo M., James H. (2007) *De 1907 à 1946: enfance heureuse ou adolescence difficile? Banque Nationale Suisse 1907–2007*. Zürich.
- Bouquet J.J. (1995) *Histoire de la Suisse*. Paris.
- Boyer R. (2015) *Economie Politique des Capitalismes*. Paris.
- Church C., Head R.C. (2013) *A Concise History of Switzerland*. Cambridge.
- Dérobot E. (1926) *La Politique Douanière de la Confédération Suisse*. PhD dissertation. Geneva.
- Dodd N. (2014) *The Social Life of Money*. Princeton.
- Humair C. (1992) L'influence de l'Union Suisse des Paysans sur la politique douanière de la Confédération Suisse durant les années 1920. *Société Suisse d'Histoire Économique et Sociale*, no 10, pp. 219-241.
- Humair C. (2004) *Développement Économique et État Central (1815-1914): Un Siècle de Politique Douanière Suisse au Service des Élités*. Bern.
- Humair C., Guex S., Mach A., Eichenberger P. (2012) Les organisations patronales suisses entre coordination économique et influence politique. Bilan historiographique et pistes de recherche. *Vingtième Siècle. Revue d'Histoire*, no 115, pp. 115-127.
- Landmann J. (1928) *Die Agrarpolitik des Schweizerischen Industriestaates*. Jena.
- Laur E. (1919) *Politique Agraire*. Lausanne.
- Laurent A., Vallet G. (2014) La construction progressive de l'avantage compétitif financier suisse (1914-1936). *Revue d'Économie Financière*, no 113, pp. 259-273.
- Mendras H. (1967) *La Fin des Paysans*. Paris.
- Musy J.-M. (1933) Déclaration au Conseil Fédéral. *Conseil Fédéral*, September 26th.
- Ponsot J.-F., Vallet G. (2013) Small is beautiful ? La souveraineté monétaire de la Suisse en question. *Revue Française de Socio-Économie*, no 12, pp. 27-50.
- Quartier C. (1978) *Paysans Aujourd'hui en Suisse*. Lausanne.
- Schoenenberger A., Zarin-Nejadan M. (2001) *L'Économie Suisse*. Paris.
- Schumpeter J.A. (2014) *Treatise on Money*. Aalten.
- Schulthess E. (1943) Procès verbal de la conférence économique du 23 avril 1943.
- Touraine A. (1994) *Qu'est-ce Que la Démocratie?* Paris.
- Vallet G. (2010) La Suisse et la zone euro: Une zone monétaire optimisée? *Revue du Marché Commun et de l'Union Européenne*, no 543, pp. 624-635.

- Vallet G. (2012) Should I stay or should I go? Switzerland and the European economic and monetary integration process. *Journal of Economic Integration*, vol. 27, no 3, pp.366-385.
- Vallet G. (2016) A local money to stabilize capitalism: the underestimated case of the WIR. *Economy and Society*, vol. 45, no 3-4, pp. 479-504.
- Vallet G. (2017) Think twice: Using economics and sociology to understand monetary issues: The case of Switzerland. *International Review of Sociology*, vol.27, no 1, pp. 160-178.

G. Vallet

The neglected roots of Switzerland's national economy: The key role of peasantry

Забытые истоки швейцарской экономической системы: ключевая роль крестьянства в ее историческом развитии

Гильом Валле, доцент, преподаватель экономики и социологии Департамента социологии, Университет Гренобль Альпы, Гренобль, BP 47, Франция, 38040.
E-mail: guillaume.vallet@univ-grenoble-alpes.fr.

В статье показана роль крестьянства в становлении швейцарской производственной системы и общества в целом. По мнению автора, как только речь заходит о крестьянстве в Швейцарии, очевидным становится следующий парадокс: хотя со временем экономическое значение крестьянства снижалось, оно сохраняло свое политическое влияние. На основе архивных данных этот парадокс в статье разрешается, поскольку они подтверждают ключевую историческую и институциональную роль крестьянства в создании так называемой «швейцарской модели», основанной на финансах. Швейцарское крестьянство всегда участвовало в принятии важных политических решений и выполняло значимую культурную функцию поддержания локальных сообществ (центростремительные силы) в рамках небольшой открытой экономики (центробежные силы). Швейцарский кейс призван продемонстрировать взаимосвязь крестьянства как особой по своим функциям социальной группы и национальной производственной системы. Под последней поднимается совокупность секторов национальной экономики, которая требует особого «клея» в виде денежной политики, соответствующей экономическим и социальным структурам. Согласно Й. Шумпетеру, «ничто не показывает столь же ясно, что представляет из себя народ, как его денежная политика... все, чего люди хотят, что они делают и от чего страдают, отражено в национальной денежной системе» (Schumpeter, 2014: xiv). Автор стремится показать значение крестьян как социальной группы в швейцарской производственной системе, утверждая, что они участвовали в создании мощной экономической модели, основанной на швейцарском франке, а потому термин «крестьянство» несет в себе одновременно экономические и культурные черты в заданном историческом контексте. В первой части статьи обозначены нынешние черты швейцарского крестьянства как социальной группы; во второй части описана ее роль в 1930-е годы, период становления мощной национальной производственной системы; в третьей части подытожены выводы относительно ключевой роли швейцарского крестьянства в широком смысле.

Ключевые слова: Швейцария, крестьянство, национальная история, национальная производственная система, социально-экономическая модель, социальные и экономические институты

Крестьяне и Гражданская война: дискурс новеллистики¹

В.Г. Виноградский

Валерий Георгиевич Виноградский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

Автор делает попытку истолкования крестьянских устных историй и, в частности, тех сюжетов, в которых так или иначе воссоздаются события Гражданской войны 1917–1922 годов. Записи соответствующих воспоминаний были сделаны в 1991–1993 годы в рамках Первой крестьяноведческой экспедиции Теодора Шанина, когда в селах еще можно было встретить живых очевидцев военных событий тех лет. Фрагменты нарративов анализируются в некой комбинационной проекции, где присутствуют философский, социолингвистический и фольклористический подходы к рассматриваемому материалу. В статье рассматривается следующий перечень сюжетов: что и как крестьянские старики рассказывают о событиях Гражданской войны в России? насколько подобного рода информация, взятая из устных семейных историй может послужить в качестве исторического источника? какие именно мизансцены военных событий врезались в память респондентов? какова основная тональность повествований о том времени? каковы, наконец, «литературно-дискурсивные краски» крестьянских устных повестей о Гражданской войне?

Ключевые слова: устные семейные истории, Гражданская война в России, историческая память, жанр бытовой сказки, крестьянские жизненные практики, крестьянские миры, социология села, дискурс новеллистики и бытийного приключенчества

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-4-70-85

В мемуарной литературе можно обнаружить весьма значительный объем публикаций (дневников, воспоминаний, записок), где так или иначе представлены живые, документальные свидетельства событий Гражданской войны в России (см.: Венус, 1925; Воспоминания, 1921; Воспоминания, 1925; Дедушка, 1924; Левин, 2007; Москвичи, 1960; Эфрон, 1998). Случилось так, что в исследовательской практике полевого социолога я тоже получил возможность прикоснуться к этой важной теме через голоса прямых очевидцев. Вхождение в соответствующий материал носило в моём случае достаточно спе-

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Гражданская война в России. Историческая семантика и борьба дискурсов», № 17-81-01028 а(ц).

цифический характер, а его результаты оказались несколько неожиданными. Далее речь пойдет о круге задач, о перечне процедур и о некоторых итогах предпринятых познавательных усилий.

Итак, в начале 1990-х годов мне и моим коллегам довелось поработать в качестве полевых исследователей — «полевых» в прямом смысле этого профессионального термина социологической науки. Тогда мы надолго и основательно погрузились в настоящие «поля», в деревни и сёла — глубинные и придорожные, крохотные и многонаселенные, старинные и недавно появившиеся. В каждой из трёх разнотипных деревень, изучаемых одной и той же экспедиционной группой, социологи безвыездно жили по одному календарному году, передвигаясь затем в очередное село. По окончании основного поля был предпринят «контрольный» объезд мест дислокации — уточнить собранную информацию, узнать об изменениях, поддержать и закрепить социологические контакты и просто добрые знакомства. Так продолжалось около четырёх лет. Это было уже ставший легендарным Первый крестьяноведческий проект Теодора Шанина.

Одной из ключевых подпрограмм этого, информационно весьма насыщенного, проекта была «История крестьянской семьи». В выборку включались крестьянские семьи, где присутствовала живая память о коллективизации конца 1920-х—начала 1930-х годов: важно было из первых рук получить свидетельства о событиях, перевернувших устройство сельских миров России. Нам решительно повезло: в те годы еще можно было отыскать памятливых и разговорчивых дедушек и бабушек, которым в годы коллективизации было по 15–18 лет. По деревенским меркам — это уже вполне взрослый народ. Гораздо реже можно было встретить очевидцев более раннего времени — событий Гражданской войны и Революции 1917 года. Но и в этом случае мы не остались с пустыми руками: таких семейных историй хотя и оказалось немного, но они были аккуратно записаны и сохранены в архиве крестьяноведческого проекта.

Попробуем посмотреть, что и как наши крестьянские собеседники — простые, как правило, малограмотные, но сообразительные и проницательные люди, — рассказывают о событиях Гражданской войны в России? Насколько подобного рода сюжеты семейных историй могут послужить в качестве исторических источников? Какие мизансцены военных событий врезались в память рассказчиков? Как именно повествуется о том времени? Каковы, если можно так выразиться, «дискурсивные краски» крестьянских устных повестей, когда в них прихотливо оживает тогдашняя, как выразилась одна из наших деревенских рассказчиц, «бешеная жизнь»?

Строго говоря, развёрнутыми «повествованиями», сколько-нибудь подробными рассказами эти фрагменты семейных историй назвать трудно. Старые крестьяне рассказывают о том, что им помнится, что особенно ярко просвечивает сквозь дымку семидесяти лет.

Поэтому мы, записывая крестьянские нарративы, могли наблюдать не полнокровные сюжетные движения, а, как правило, точечные событийные вспышки. Вот как выглядят подобного рода «типовые», если так можно выразиться, воспоминания о событиях того времени:

«...В 1921 году бандиты тут были, в наших краях. Они скотину отбирали. С утра идут красные, верховые, на лошадях. А потом и бандиты приходили. Был такой случай в то время. Приехали они в Серёвку и хотели скотину забирать у деда Тихона. А его сын Андриан заступился за него. Так его плетками отстегали. А потом к стенке поставили. Хотели расстрелять, а может, просто пугали. Они поставили его, и один из них выстрелил, около уха пуля попала... Эти банды не только лошадей отнимали у крестьян. Тогда праздник был какой-то, с иконами ходили, молебен читали. Так бандиты на лошадях приехали и двух стариков убили. Ни за что убили. Тогда ведь такое творилось, что не приведи бог. И никакой управы не было на них» (Афоница Зоя Андриановна, 1910 г.р., Тамбовская обл.).

«...Ну, это когда тут банды были. Ездил банда. Кто их знает, зовут их «банда» и всё. Они тут верхами ездили. Я бедная, они ко мне не заезжают, а кто побогаче... Заходят в хату. А одетые в фуфайки. Че там поймешь, какие это? И спрашивают: «Ты, батя, за кого?» — «Да я, сынки, ни за кого...» — «Нет! Отвечай, за кого!..» (Матвеева Мария Васильевна, 1906 г.р., Белгородская обл.).

«...Вот, Якова родной дед — он ведь ускакал от красных. Пару лошадей запряг и удрал от большевиков. А мой дед никуда не уехал. Вот, значит, ворота у нас были. Зашел один и кричит: «Дед, отворяй ворота!..» Он открыл, заезжают... Говорят: «Ну, ты чего же не ускакал от нас-то? Ведь мы красные. И еще сюда красные идут!..» А он: «Тю! Ну и чё?! Две смерти не быть, а уж одной не миновать...» И нигде не отступал. А Якова дед — умчался. Старый-старый, а ускакал. Угнал лошадей. Вообще, от красных много народу отступали у нас... Красные пришли и пару лошадей у нас взяли. Лошадей добрых. А плохих оставили... И что только отец не делал с этими лошадьми! И шелком их тер, и белой глиной белил! Но всё же вылечил их. И они долго у нас были, работали. А добрых лошадей красные забрали... Один дед им сказал: «Когда вы бросите дурачиться?! Что ж вы дурачитесь, что ж вы воюете?..» И ка-ак они этого деда хлопнули! Застрелили, прямо на улице. Тогда и красные шли, людей били, и белые тоже. Белые — они поглубже были как-то...» (Шаронова Елена Логиновна, 1913 г.р., Волгоградская обл.).

В архиве проекта можно отыскать ещё несколько микроновелл, очень похожих на эти — и по содержанию, и по интонации. Что перед нами? В сущности, мы различаем здесь молекулы време-

ни, наблюдаем крохотные просветы в темноте минувшего, которые (если взять весь массив семейных крестьянских повествований) представляют собой некий своего рода событийный протокол, ряд мгновенных картинок. Припоминая, старый рассказчик видит их глазами деревенского подростка, каким он был в ту пору и — как это было отчетливо заметно в ходе самой записи — старательно, добросовестно пытается воссоздать, адекватно выстроить композиционное целое. Оно волнует, на него неизбежно накладываются оценки, эмоциональные реакции. Но размах их скромен, даже скуп. Зато высвечивается иное — дискурс хозяйственно-дворовых, именно «житейских» переживаний (лошади, скотина, провизия) заметно пересиливает моральные, общественные, политические, социально-исторические настроения и резоны. И это понятно — тот далёкий деревенский подросток воочию наблюдал эти сцены, был плотно включён в повседневные «рабочие» обстоятельства и вдобавок к этому непосредственно слышал, как именно они оцениваются роднёй, удрученной внезапным разорением порядка текущей жизни.

Наряду с подобными, как правило, краткими, похожими на отдельные фотографические кадры, зарисовками в крестьянских нарративах встречаются и более пространные сюжеты, своего рода документальные видеозаписи. В них мы видим не только мгновенные вспышки ярких мизансцен. Здесь старательно воссоздается некое связанное движение фактов, ткётся обширное событийное полотно. В таких рассказах явно присутствует лично окрашенная драматургия. Рассказчик будто бы «разбирается» с минувшим, мысленно входит в гущу событий, отбирает наиболее важное. И именно это обстоятельство интересно — селективная работа человеческой памяти содержит в своем арсенале орудия, позволяющие и навести на резкость, и загуманить, и в конечном счете воссоздать настроение времени, расслышать мелодию давно минувших событий. Не исключено, что сама тональность подобного рода воспоминаний, сама специфическая окрашенность клочков событийной ткани времен Гражданской войны позволят добавить некие новые проекции в её облик, в её социально-историческую оценку.

Вот один из немногих, но достаточно выразительных примеров подобного рода крестьянских воспоминаний. Перед нами отрывок из нарратива девяностолетней, весьма памятливей крестьянки Ольги Семеновны Литвиновой (1902 г.р., хутор Атамановка, Волгоградская область).

Инт.: «А в революции или в Гражданской войне кто-нибудь из вашей семьи участвовал?»

О. Литвинова: «Мой муж, Павел, участвовал немножко, но так — дежурил гоняли его. На быках. Кадеты (местное именование белогвардейцев. — Прим. авт.) зайдут, они велят: «Подводу давай!» И свёкр тоже так... Заставят куда-нибудь ехать. В Михайлов-

ку или еще куда. Гонят туда — что-нибудь везти. А там, глядишь, красные пришли. И они тоже велят дежурить... То кадеты, то красные... И все заставляли на них работать. Вот моего мужа загнали дежурить. В Михайловке он дежурил-дежурил, а приехал — его на станцию погнали. Он там еще две недели, тоже с быками. Патроны возил и всё-всё делал, что заставляли. А потом как красные нажали на кадетов, они удирали через Даниловку куда-то. И скотина туда попала — она ж ведь пушек боится... А он дежурил. Рассказывает: приехал ночью к себе домой (а мы тогда с ним еще неженатые были) — надоело ему сюда-туда мотаться. Ведь одни гонят его туда, а другие — сюда. И каждый старается наказать: «Запрягай и гони, мол!» Он приехал домой и говорит: «Мама, давай с тобой яму вырою и колеса туда похоеваю, чтоб кадеты не забрали... Они ведь отступают и могут подводу забрать. А быков в лес отгоним...» Ну, отогнали быков, пришли, выкопали ямку, колеса зарыли и метлой так замели, что ничего не видно, незаметно. А когда он ехал до дому, ночью, он в балку спустился. А в балке скотины много: она же пуганая, бежит, боится всего. И с повозками вместе туда падает, в эту самую балку. Он рассказывает: «Подъехал я к балке, свел туда быков. А скотина некоторая уже хрипит — подушилась. Я ножик вынул, поосвободил скотину. Какую на ноги поднял, какую зарезал...» Ну, спасал он скотину... А это скотина таких же, дежурных. Всех тогда гоняли: и лошадей, и быков. И кадеты гоняли, и красные гоняли. Ну, управился Павло и на русскую печку полез, лег. Но, похоже, соседи доказали, что он приехал ночью. Кто-то его увидал. И главарю кадетскому сообщил. Ну возили их трое, с плетками. Спрашивают мать: «Говори, где сын?!» А она: «Сыночки, його нема дома... Его погнали кадеты, и уже две недели его нема...» А они около нее с плеткой: «Говори, где?!.. Где быки? Где сын?» Она опять им то же: «Не знаю...» Они на печку глянули, а он на печке лежит. Накрытый тряпкой. Кричат: «Вставай, хохленок!» Это они на мужика моего — он еще тогда парень был. Он поднялся, а тот его плеткой как стеганул — с рубашки сразу кровь засочилась. А мужик мой: «Ах ты чигоман!..» «Чигоман» — это так дразнили казаков, ну кадетов. Хохлы их так обзывали... И с русской печки ка-ак прыгнет на плечи тому кадету, через него перепрыгнул и на двор. А потом побежал. Осень стояла, на дворе уже холодно было. И — к ихнему двору. Он и сейчас стоит, перестроенный, — вот так вот улица идет, и вот так, и еще с третьей стороны. А он все ходы знает: и у соседей, и у всех. И катухи, и сараи — всё знает. А кадеты — они ж бог знает откуда. Они за ним выскочили, а он сперва в свои катухи, а уж оттуда — в другой двор перепрыгнул. А раньше ведь конопля были. Их сеяли, потом молотили, в воде мочили, с воды вытаскивали (а они дней десять-двенадцать мочили), сушили и потом снопами связывали. Потом домой возили, просушивали и начинали мять, обрабатывать. А какие лишние, те в катухи складывали до вес-

ны, чтоб они были в сухом месте. И он к этим соседям запрыгнул на сарай. А конопли там по самую крышу были наложены — и он туды, в конопли, залез. Кадеты во двор зашли, ходят, матеряются, ругаются... А он дрожит — вот-вот найдут. Но не нашли, он спасся. А то б они его б убили со зла...»

Что здесь любопытно? Сама мелодия, тон повествования. Вслушайтесь — вместе и наряду с вязкой, порой утомляющей (по причине неожиданного и стремительного переключения регистров наблюдения жизненных перипетий), реалистичностью повествования Ольги Семеновны Литвиновой в её рассказе отчетливо слышатся некие явные фольклорные нотки. Мир обрабатывается в традициях народного сказа. Перед нами не только достаточно точная, рельефная информация, но и натурально прорастающая сквозь историческую фактологию складная народная сказка — с её неперменной молодецкой удалью, хитрой ловкостью, чудесным спасением, скромной, но своевременной удачей. В любом случае реализм, выразительная детализация жизненных мизансцен удобно и естественно укладываются здесь в некий дискурс везения, сноровки и волшебства. Разумеется, этот фольклорный дискурс туго переплетён с реальной жизнью, щедро разбавлен реалиями крестьянской повседневности, и в нем уравновешены бытийные контрасты. Но в нем происходит и то, что можно назвать художественной «возгонкой бытия». Ведь реальные приключения хуторского хлопца Павла естественно соразмеряются с давно отчеканенными выводами народной мудрости. «Дома и стены помогают», «И неладно, да удачливо», «Иному всё с рук сходит», «Голову сняли, да шапку вынес» — вот репертуар основных настроений, накладывающихся и постепенно выстраиваемых в рассказе Ольги Семеновны Литвиновой. Эти же настроения типичны, характерны и для так называемых бытовых, новеллистических сказок (подробнее см.: Мелетинский, 2010; Пропп, 1989, 1999; Шинкаренко, 2005; Юдин, 2006).

Вот еще один фрагмент, записанный неподалёку, чуть юго-западной тех усть-медведицких мест, где жила Ольга Литвинова, на Белгородчине (Кудренко Павел Яковлевич, 1906 г.р., Белгородская обл., Вейделевский район, хутор Лаптиев, недалеко от с. Олейники).

Инт.: «Павел Яковлевич, помните вы Гражданскую войну? Были в этих местах её события?»

П. Кудренко: «А то як же? Всё было. И все были. И красны назывались, и билы назывались, и махновци и буденовци назывались. Сам черт там нэ разберэ, сынок. А хто за яку власть воював, так хрен их знае. Одна партия пройде, пытають:

— Булы тут военни?

— Булы.

Начинають тебе шомполамы пороть, щоб не казав, що воєнни булы. Друга партія еде. Таж пытають:

— Булы воєнни?

— Та мы не бачылы.

Едут дальши, — ци не бьютъ. Третья партія еде:

— Тут солдаты булы?

— Та мы не бачылы.

— Ах, вы не бачылы?! Воны через хутир ехалы, а вы не бачылы?!

Чертя куда деваться?! И правду скажи — беда, и збрэши — беда. Ну! Вот так жизнь была. А потом вже Ленин переборов на свою руку. И з нашего хуторка два добровольца на своих лошадях поехали в Красную Армию. И перешло всё на Красную Армию. Но мне воевать тогда не пришлось. Я мальчишкой тогда був».

Рассказчик другой, обстановка иная, но тональность повествования, манера захвата мира очень похожая. Перед нами — та же закругленная новелла, кратчайшая бытовая сказка, вправленная в реальную событийную раму Гражданской войны.

И, наконец, запись поволжского крестьянина (Цаплин Иван Васильевич, 1914 г.р., Саратовская обл., Новобурасский район, деревня Красная Речка).

«А в революцию году была власть такая — красные были и белые были. Я-то это не помню — это мне дядя рассказывал. Вот, говорит, иду по городу. Ага... Стоят. С этими, с дубинками. Наблюдатели-то. Спрашивают его: «Ты за каких?» — «Я за красных». А он, который стоял, — белый! Говорит: «Ну-ка, скидай штаны!» Он скидает штаны, и ему всю жопу напорол. Пустили его, побегал. Дальше бежит, там другой стоит. Спрашивает дядю: «Ты за каких?» — «Я за белых...» А он, этот, который спросил-то, — он красный. Опять его пороть, тур твою мать! Это было! Было!.. Ну, он опять бежит дальше. Опять кто-то стоит. Спрашивает его: «Ты за каких?» А он: «Ни за каких, ни за каких! Нате вот! Нате вот!» Скидает штаны: «Нате, нате — бейте! Только пустите!» Не поверишь ты мне?! Нет? Это мне дядя рассказывал. Нате, говорит, бейте меня, порите жопу — я ни за каких. Это было! Куды, говорит, ни ткнись — везде порют!»

Обратите внимание: Иван Васильевич Цаплин трижды по ходу этого, очевидно, выдуманного (либо весьма приукрашенного) повествования решительно настаивает как раз на подлинности этой истории. Здесь, вероятно, в полную силу разворачивается дискурс проектирующей угадки, дискурс бытийного режиссирования, присутствующий той тревожной и взвинченной атмосфере, которая явственно ощущалась в деревенском социуме начала 1990-х годов, когда эти нарративы фиксировались нами на магнитную ленту. Обвола-

квивающий дух вымысла смягчает и по-детски игрушечно разглаживает, наивно обустроивает картинку бытия. Этот воздух непрерывно веет над корневыми народными нарративами. Крестьянское «нерассуждение», беззаботное пренебрежение взвешивающей логикой и любыми рациональными резонами конвертируется здесь в сказочное происшествие с классическим троекратным повтором и благополучным исходом.

Как всё это понимать? Как и насколько верить этому? Что происходит здесь — с памятью, с языком, со словом? Разбираясь в этих вопросах, необходимо постоянно иметь в виду базовые проекции — философские и социолингвистические.

В курсе лекций «Язык философии», прочитанном в осенний семестр 1989 года на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова и изданном отдельной книгой в 1994-м, а потом в 2007 году, Владимир Бибахин развернуто формулирует одно, на первый взгляд несколько замысловатое, но очень важное правило понимающего принятия любых словесных высказываний. Чуть ниже мы изложим его, снабдив попутными комментариями. Но уже сейчас следует подчеркнуть, что если эту истолковывающую манеру понять и освоить как автоматическую сноровку, то читатель/слушатель любого текста невольно привыкает, что называется, видеть лес за деревьями. Иначе говоря, наблюдать обычно не показываемый в материале высказывания культурный объем, бытийный горизонт. То есть обнаруживать — наряду с явным, предметным, протокольным, «фактологически-изложенным» — нечто скрытое, сокровенное, интенционально-оценочное. Всё то, что порой плотно заслонено пёстрым (или же сереньким, монотонным — разница несущественна) информационным полотном.

Это правило-научение В. Бибахина одновременно и просто, и загадочно. Как он его излагает? Взяв за основу работы Людвиг Витгенштейна, который строил всю свою логику на том, что «высказывание есть мера мира» (*ein Maß der Welt*), и процитировав то место из дневника австрийского философа, где тот пишет, что «в предложении происходит пробное составление мира»², Бибахин подхватывает эти точные констатации и уже самостоятельно разворачивает цепь важных положений, которые в совокупности и образуют упомянутое выше правило чтения/слушания. Вот они, по порядку.

Первое. «Слово как проба мира, формула детского и первичного отношения к нему, угадывания, задействования отсутствующего и присутствующего целого» (Бибахин, 2007: 38). Произнесенное/написанное слово, высказывание каждый раз совершает акт изначально неискушенного, экспериментального «распробования» мира. Причем это первичное, пробное угадывание говорит столь-

2. «Im Satz wird eine Welt probeweise zusammengestellt» (Wittgenstein, 1979: 41; 7).

ко же о мире, сколько и о человеке, это слово произносящего/пишущего. Сюда же относится и произнесенное слово, слово-молчание. Таким образом, глубинное свечение мира начинается уже с первого — и словесного, и уклончиво-молчаливого — прикосновения к миру.

Второе. «Слово <...> не описывает части мира, а примеривается к нему в целом» (Бибихин, 2007: 38). Иначе говоря, даже сосредоточиваясь на фрагментах, повествуя и рассуждая о малых частичках мира, человек, хочет он этого или нет, имеет в виду всю широту проекции мира. Человек остается непрерывно подключенным ко всему объему своего опыта, буквально видящим его, ощущающим его гравитационную «земную» тягу.

Третье и самое важное. «Переход на реферативный тон означает одновременный отказ от присутствия в слове всего человеческого существа и от измерения мира. Человек перестает быть микрокосмом. В информирующем слове человек отсутствует» (Бибихин, 2007: 38). Получается, что в «информирующем слове» отсутствует главный индикатор человеческого присутствия — его «примитивание» к миру, модус опрокидывания мира на самого себя. В таком регистрационном слове мир является (причем в основном смысле этого глагола — «являет» себя) преимущественно в виде подчеркнуто холодной (или же нарочно доведенной чуть не до красного каления) нарезки фактов, принципиально готовых к любой их пересборке, перекомпозиции, «тасовке»³.

Современному человеку эта картина хорошо знакома. Так вышло, что современное медийно-коммуникативное пространство, до отказа переполненное разнообразными сведениями о фактах, происшествиях, событийных сгущениях, непрерывно пронзаемое мгновенными сигналами жизненных изменений, поворотов и скачков, превратилось в пестрый новостной конвейер, не знающий пауз и перебоев. «Лента новостей», «Новости онлайн», «Новости Лайф» и тому подобные машины подробнее описывают части и частички мира, исподволь приучая глаз и слух к перечислительно-фиксирующим повадкам. Мир летит над головой, мелькая и тут же скрываясь. Включиться в него — непосильная задача. Чтобы втиснуться, зарегистрироваться в ядерно-плотном списке вещей и вещей мира, нужно буквально выскочить из самого себя, исковеркав при этом координаты присутствия и загнув его уникаль-

3. Как же созвучно последнее словечко профессиональному термину «тасовка»! Это, на жаргоне журналистов, сообщение информационного агентства, некий полуфабрикат, ожидающий так называемого «расширения». Термин пришел из эпохи СССР — «тасовками» называли все сообщения единственного информационного агентства ТАСС. Кстати, уже укоренившаяся в словаре «тусовка» (свободное собрание для знакомства, обмена мнениями, мелькание лиц и поверхностная, необязательная коммуникация) также естественно встает в этот ряд.

ный тон. Примеров этому достаточно — стоит только присмотреться к типовым практикам фигурантов сетевых сообществ. Но это, что называется, себе дороже. Ведь, якобы расправляясь со своим социальным одиночеством, человек рискует утратить меру своего мира. И часто теряет его. Слово такого человека неизбежно конвертируется в дискурс «планетарной канцелярии». И он постепенно привыкает и к реферативному тону, и к осколочности «присутствующего целого», и к экстраординарной пестроте информационного пейзажа. В итоге он вынужден смириться и со своим собственным отсутствием, превращаясь в существо, у которого чуть ли не принудительно сорвана и засушена сеть капилляров присутствия. Ничего удивительного, так уж вышло. Вопрос в том, дано ли иное?

Вероятно, да. Одна из многих ситуаций, когда можно сознательно и результативно уклониться от этой, становящейся уже привычной, позиции, естественно складывается тогда, когда человек стремится овладеть искусством понимающего принятия мира. Когда, в частности, он намеревается полноценно, развернуто истолковать входящий в его мир словесный материал. Поэтому обозначенные выше, вполне отчетливо сформулированные Л. Витгенштейном, В. Библихиным и другими мыслителями догадки и правила очень важны в ходе понимания тех текстов и высказываний, где налицо не столько реферативное пиршество, сколько информационной голод, то и дело возникающие фигуры умолчания. Причем умолчания не намеренного, не заведомо и хитро сконструированного, а простодушно-инстинктивного, бесхитростно-детского. О чем же молчат наши крестьянские респонденты, вспоминая события Гражданской войны? Что именно скрывает здесь дискурс приключенчества и сказочности? И нет ли здесь какого-то умысла — не намеренно-плутовского, а инстинктивно-сберегающего?

Начнем с того, что сами рассказчики не сосредоточиваются, как это можно было ожидать, задавая соответствующие вопросы, именно на суровых, драматических реалиях Гражданской войны. В их воспоминаниях слышится, скорее, тон удивления и обескураженности, даже неправдоподобности тех мизансцен, которые рисуются в их памяти. В этом смысле характерна серия вопросительных восклицаний Ивана Цаплина (я, спустя даже тридцать лет, отчетливо помню несколько растерянного выражение его лица): *«Не поверишь ты мне?! Нет?! Это мне дядя рассказывал. Нате, говорит, бейте меня, порите жопу — я ни за каких. Это было! Куды, говорит, ни ткнусь — везде порют!»* Фактически та же растерянная удивленность фигурирует и в картинке Павла Кудренко: *«Чертя куда деваться?! И правду скажи — беда, и збрэши — беда. Ну! Вот так жизнь была...»*

Но и вправду — была ли такая жизнь на самом деле? Не ретушируют ли, робея, наши старики звериную, равнодушную же-

стокость тех своих соотечественников, родственников, знакомых, которые не столько алчно завоевывали, сколько рационально чистили жизненный мир, жестко пропальвая социально-классовое поле? Мне кажется, что за этим, в сущности, ярмарочным спектаклем, где отыскивается место и для показательной порки, и для злорадного зубоскальства, кроется, хранит себя в тишине, иная память, которую мы, всесторонне расспрашивая стариков, невольно растеребили. Вытащили на свет её основной объем. А в этой памяти спрессован и невыносимый опыт многолетней колхозной эксплуатации, и бытийного одиночества времен Второй мировой войны, и послевоенной налоговой каторги, и хрущевских экспериментов с крестьянским дворовым хозяйством и многих более мелких деревенских бед. И на фоне этой плотно слежавшейся, накопленной за всю жизнь, как правило, угрюмой памяти Гражданская война и её злодеяния как-то высветляются и смягчаются, кажутся скорее театрализованным действием. Причем не прихотливо мерещатся, а именно «кажутся», от глагола «казать». Они таким манером *показываются*. Дискурс бытийной режиссуры и на этот раз предусмотрительно выдвигается вперед. Его органический инструментализм искусно и бережно размечает диаграмму прожитой человеком жизни — Богу непременно Богово, а уж человеку земли всякое. А ближе любого «всякого» — облегченное, дурашливое, чуть ли не шутовское, забавная бытовая новелла, сказка.

Расширяя круг источников, приведу короткий рассказ, найденный в одном из «Живых журналов». Пишет человек, не претендующий на обобщения и поэтому доверчиво-простодушный:

«В детстве я любил расспрашивать деда про «старые времена», а поскольку тот работал сапожником, то руки его были во время работы заняты, голова же свободна. Вот и рассказывал. В его изложении всё было вроде таким веселым (в таком же соотношении, как «Неуловимые мстители» и настоящая Гражданская война). И только много лет спустя до меня стал доходить «юмор» ситуаций. Так вот, пристал как-то к деду — расскажи про Революцию.

«Ну саму-то Революцию я не помню — что мне тогда было-то пять лет всего, а вот Гражданскую-то помню... Я-то младшим был из братьев, седьмым, а старшие-то воевали, а как же! Второй по старшинству наш, Яшка, кличка у него была — Чикодан, тот лихой был — о-го-го! Сразу к красным подался. А первый — Колька, кличка у него была — Хайло, уж больно неть любил. Только слуха-то не было ни фиги! Так вот, Ростов-то невесть сколько раз переходил от красных к белым, от белых — к зеленым, потом — к махновцам... Приходят красные — приезжает Яшка на тачанке — красный бант на груди, в кожанке и пьяный в дым. Маузером в дверь колотит, орет: «Давай сюда этого белогвардей-

ского гада, Хайло, щас я его стрелять буду!» Ну поколотит мальца, мать выйдет, да ухватом его по хребту, да и погонит... Придут белые, приезжает Хайло на бричке, весь в португелях, пьяный в сосиску, колотит наганом в дверь, орет: «Где эта краснопузая сволочь, Чикодан, щас я его в расход пуцую!» Батяка выйдет, поговорит с ним, тот поворчит да уедет...

— Ну а потом что?

— А что потом! Закончилась война, оба вернулись. Хайло Яшка зуб выбил, а тот ему нас расквасил. На том и помирились. С ба-тей на промысел на баркасе ходили, а потом Яшка в милиционеры подался — так он всегда шепутной был. Все это чистая правда» (Дедушка, 1924).

Смотрите, те же уверения в правдивости воспоминания, то же удивление по поводу жизненной новеллистики, приобретающей порой опереточную тональность, какие мы наблюдали у наших деревенских рассказчиков. Вот еще пример крестьянской памяти, где сведено трагическое и сказочное, где человеческая участь вплетена в работу не только социальных, но и природных сил; участь по-своему закономерная и поэтому неудивительная. Рассказывает Павел Карасев, 80-летний житель хутора Атамановка.

Инт.: «Павел Петрович, а вы помните деда?»

П. Карасев: «Как же не помнить?.. Деда звали Никита, а по отчеству не помню. У него несчастье случилось — его банда зарезала. Единолично они работали, у них урожай был хороший... А тут банда налетела, его зарезали и урожай отняли. Это я еще был пацаном, мне было лет 8-9. Про это я чуть помню. Году, наверное, в двадцать первом-втором это было. Он был одиноличник-крестьянин. В то время еще не было никаких коммун. И колхозов не было... Он поехал в тот раз свою землю проверять, как было, в натуре. Посмотреть... На ночь. Коня запряг и поехал. Приехал туда, посмотрел — пора косить или не пора? И стало ему жалко коня — конь притомился. Взял его, привязал за вожжи. Конь ходит, пасется. А дедушка прилег отдохнуть. И вот что потом получилось — никто не знает. Никто! Только вот коня запрягли, навалили на него, на повозку, деда, подвязали ему повода... А конь знал, где дом-то. И он его привез домой... Уже мертвого. Зарезанного... Ой, целая история была...»

Этот рассказ основан, конечно, на реальных событиях. Но как он выстраивается в слове! Ведь перед нами явная бытовая небывальщина, в которой налицо атрибуты сказочного происшествия с трагическим концом. И даже если предположить, что «банда», укравшая урожай, не была вовлечена в противоборства Гражданской войны, а была просто шайкой грабителей, то вмиг украсть урожай, еще стоящий на коню, просто невымыслимо. Скосить, связать в сно-

пы, нагрузить, увезти и остаться незамеченными? Такого просто не бывает. В деревенских, дробно освоенных, пространствах любые видимые передвижения чуть ли не автоматически опознаются и атрибутируются. Далее, конь в этом рассказе — равный человеку персонаж. Это фольклорная тональность. Он вместе с человеком и притомился, он и аккуратно привез мертвого деда Никиту домой. «Прямо как в сказке!» — как принято говорить в подобных случаях. Между тем эта сказочность, эта «примысленность» вполне натурально вмонтированы в выстроенное рассказчиком информационное поле. Они не отторгаются. Они смягчают семейную трагедию. И не случайно Павел Карасев в конце этого рассказа чуть ли не как сторонний наблюдатель восклицает: «Ой, целая история была...» Здесь мы в полном развороте видим то самое словесное «примеривание к миру в целом», то «задействование отсутствующего и присутствующего целого», о котором писали Витгенштейн и Бибахин.

Поэтому-то в дискурсивном мире крестьянина Карасева нет прорех и нестыковок. Попадись этот рассказ на глаза историку или журналисту, они, вероятно, отбросили бы его как явный информационный брак, как плохой источник. Но в рассказе крестьянского старика всё на своих местах — забота и работа, добро и зло, правда и сказочный вымысел.

Продолжим наблюдения. Вчитываясь в обстоятельные воспоминания Ольги Литвиновой, можно вдобавок к уже сказанному выше увидеть следы небывальщины и прямо-таки волшебства. Молодой хлопец Павло в одиночку решительно управляет со скотиной, оказавшейся в балке. Надо сказать, что пространственно-географические обстоятельства названы здесь верно — я не однажды собственными ногами промерил и изучил тамошние места, когда жил в Атамановке и записывал рассказы Ольги Литвиновой. Пологие балки, в которых до сих пор пасут коров, в этих усть-медведицких краях в изобилии. Но чтобы зарезать нескольких, сгрудившихся в балке и застрявших в ярме быков, да еще в ночное время — это поистине труднейшая задача, посильная немногим мастерам по забою. Но для именно этого рассказа непременно нужно, чтобы Павло был ловок, умел и изворотлив во всём — и в работе, и в распорядительной предусмотрительности в хозяйственных делах (прятанье колес), и в изящно-кинематографическом побеге от жестокого врага. Здесь же и непременные злые силы в виде соседей-доносчиков. Рассказ Ольги Литвиновой победоносен, литературен, закруглён, что называется, ни убавить ни прибавить. Я хорошо помню то ощущение, которое поднималось в душе, когда я, не перебивая, слушал ее воспоминания. Повествовательная нить рассказчицы при этом не терялась, разворачиваясь и насыщаясь живописными деталями, но к ней постоянно подверстывались читанные мной в детстве и юности сказки — волшебные, героические, бытовые. Инерция продуктивного воображения спо-

собна была заразить и увлечь любого слушателя. Рассказчица инстинктивно убереглась от реферативного тона и ее повесть — совсем не информация, не описание частей мира, а именно первичное отношение к нему.

Подведем краткий итог. Почему же в крестьянских воспоминаниях о Гражданской войне так явно заметен дискурс фольклора и, в частности, новеллистической, бытовой сказки, часто опрокидывающей фактическую картину? Как могло случиться, что исторически выверенные специалистами и, с другой стороны, составленные простыми людьми картины могут быть такими разными? Что же, выходит, правы те философы, которые утверждают, что «различие <...> проходит раньше, чем в самом тексте: в навыке читающего» (Бибихин, 2007: 332)? И что «разница не в тексте, а в прочтении» (Там же)?

Нелегко однозначно ответить на эти вопросы. Однако часами и днями внимая рассказам деревенских людей, мы видели, что крестьянские старики, выстраивая событийную картину своей жизни, старательно, порой робея и запинаясь, производя устный текст, так или иначе, *прочитывают* и свою собственную жизнь. И «навык читающего» порожден исключительно опытом ежедневного бытия. И поэтому их «текст жизни» оказывается таким отрешенно-разным, разворачивающимся сам по себе, по законам воображения и пробы мира, — какой бы строгой и инвариантной ни являлась при этом базовая (историческая, фактологическая, информационная) жизненная канва.

Библиография

- Бибихин В.В. (2007). Язык философии. СПб.: Наука.
- Венус Г. (1925). Война и люди. Семнадцать месяцев с дроздовцами. Фихтенгрунд. <http://www.dk1868.ru/history/venus.htm>
- Воспоминания о Гражданской войне на Дону в 1917–1920 гг. Ф.К. Миронова (1921). РГВА Ф. 192. Оп. 6. Д. 1. Л. 81–116. Рукописный экземпляр. <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1012509>
- Воспоминания русских детей о революции и Гражданской войне (1925). Прага.
- Дедушка, воспоминания о Гражданской войне в России 1918–1924 гг. (1924). Ростов-на-Дону. <http://vitek-piterskiy.livejournal.com/41039.html>
- Левин Л. (2007). Записки о Гражданской войне. Чикаго. http://samlib.ru/l/lewin_leonid/zapiski.shtml
- Мелетинский Е.М. (2010). Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. М.: Изд-во РГГУ.
- Москвичи на фронтах Гражданской войны. Воспоминания (1960). М.: Московский рабочий.
- Пропп В.Я. (1999). Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М.: Лабиринт.
- Пропп В.Я. (1989). Фольклор и действительность. М.: Наука.
- Шинкаренко В.Д. (2005). Смысловая структура социокультурного пространства: миф и сказка. М.: Комкнига.
- Эфрон С. (1998). Записки добровольца. М.: Возвращение.

- Юдин Ю.И. (2006). Дурак, шут, вор и чёрт (исторические корни бытовой сказки). М.: Лабиринт.
- Wittgenstein L. (1979). Notebooks 1941–1916. Ed. G.H. von Wright and G.M. Amscombe. Oxford.

Peasants and the Civil War: The discourse of short stories

Valery Vinogradsky, DSc (Philosophy), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru.

The author develops a new approach to the interpretation of peasant oral stories, especially of those that somehow reconstruct the events of the Civil War of 1917–1922. The relevant short peasant stories were recorded in 1991–1993 during the first peasant expedition of Teodor Shanin. In those years in Russian villages, it was still possible to find direct witnesses of military events of 1917–1922. The fragments of peasant narratives were analyzed with a combination of philosophical, social-linguistic and folkloristic approaches to answer the following questions: what and how do old peasants reconstruct the events of the Civil War? What part of these oral stories can be considered a reliable historical source? What mise-en-scenes of military events remained in the memory of respondents? What is the dominant mode of peasant narratives? What are the discursive nuances of peasant oral stories about the Civil War? The article is intended for historians, ethnographers and sociologists interested in the peasant worlds of Russia.

Key words: oral history, civil war in Russia, historical memory, everyday “fairy tale”, peasant life practices, peasant worlds, rural sociology, discourse of short stories and fiction

References

- Bibikhin V.V. (2007) *Yazyk filosofii* [The Language of Philosophy]. Saint-Petersburg: Nauka.
- Venus G. (1925) *Vojna i lyudi. Semnadsat mesyatsev s drozdovtsami* [War and People. Seventeen Months with the Drozdovtsies]. Fihntengrund. <http://www.dk1868.ru/history/venus.htm>.
- Vospominaniya o grazhdanskoj vojne na Donu v 1917-1920 gg. F.K. Mironova (1921) [Memories of F.K. Mironov of the Civil War on the Don in 1917-1920]. RGVA F. 192. Op. 6. D. 1. L. 81-116. Rukopisnyj ehkzemplyar. <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1012509>.
- Vospominaniya russkih detej o revolucii i grazhdanskoj vojne (1925) [Memories of Russian Children about the Revolution and the Civil War]. Prague.
- Dedushka: vospominaniya o grazhdanskoj vojne v Rossii 1918-1924 goda (1924) [Granddad: Memories of the Civil War in Russia in 1918-1924]. Rostov-na-Donu. <http://vitek-piter-skiy.livejournal.com/41039.html>.
- Levin L. (2007) *Zapiski o Grazhdanskoj vojne* [Notes about the Civil War]. Chicago. http://samlib.ru/l/lewin_leonid/zapiski.shtml.
- Meletinsky E.M. (2010) *Istoricheskaya poetika folklor: ot arhaiki k klassike* [Historical Poetics of Folklore: From Archaism to Classics]. Moscow: Izd-vo RGGU.
- Moskvichi na frontah grazhdanskoj vojny. Vospominaniya (1960)* [Muscovites on the Fronts of the Civil War. Memories]. Moscow: Moskovskij rabochij.

- Propp V.Ya. (1999) *Problemy komizma i smekha. Ritualnyj smekh v folklore* [The Issues of the Comic and Laughter. Ritual Laughter in Folklore]. Moscow: Labirint.
- Propp V.Ya. (1989) *Folklor i dejstvitel'nost'* [Folklore and Reality]. Moscow: Nauka.
- Shinkarenko V.D. (2005) *Smyslovaya struktura sociokulturnogo prostranstva: mif i skazka* [Semantic Structure of Social-Cultural Space: Myth and Fairy Tale]. Moscow: Komkniga.
- Efron S. (1998) *Zapiski dobrovol'tsa* [Notes of a Volunteer]. Moscow: Vozvraschenie.
- Yudin Yu.I. (2006) *Durak, shut, vor i chyort (istoricheskie korni bytovoj skazki)* [Fool, Jester, Thief, and Devil (Historical Roots of Everyday Tales)]. Moscow: Labirint.
- Wittgenstein L. (1979) *Notebooks 1941–1946*. Ed. by G.H. von Wright, G.M. Amscombe, Oxford: Anmscombe.

В.Г. Виноградский
Крестьяне и Гражданская война: дискурс новеллистики

Симбиоз сельского и лесного хозяйства на староосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области¹

К.В. Аверкиева

Аверкиева Ксения Васильевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии РАН, Москва, 119017, Старомонетный пер., 29, xsenics@yandex.ru

Статья посвящена анализу социально-экономического уклада Тарногского района Вологодской области, отличающегося периферийным положением как в пределах Европейской России, так и в составе своего региона. Его особые черты — невысокие на фоне других районов Нечерноземья темпы убыли населения и рост показателей экономического развития — не укладываются в принятую в социальных и экономических науках центрально-периферийную логику организации освоенного пространства. На территории района развивается деревообработка, производится широкий ассортимент сложных изделий. Одновременно в районе функционируют 11 сельскохозяйственных предприятий и молокозавод, ежегодно увеличивающий объемы производства, что в периферийном Нечерноземье встречается нечасто. Причины этого кроются как в разумных мерах региональной политики в лесном и сельском хозяйстве, так и в личностных качествах жителей района, их социальном капитале. В статье показано, как долговременная территориальная изоляция в сочетании с продолжительной историей хозяйственного освоения территории (староосвоенности) сформировали жизнеспособную в современных условиях социально-экономическую систему. Также, вероятно, на формирование и сохранение тесных социальных связей повлияла «кустовая» (также называемая «гнездовой») форма сельского расселения, когда сельские населенные пункты располагаются «кустами», по 10–15 деревень, в пешей доступности друг от друга, а сами «кусты» отделены друг от друга обширными лесными массивами.

Ключевые слова: сельская местность, периферия, староосвоенная территория, сельское хозяйство, лесное хозяйство, социальный капитал

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-4-86-106

Тема центрально-периферийных контрастов в социально-экономическом развитии территорий, особенно сельских, многократно рассматривалась в научных трудах географов, экономистов и социологов. С учетом нарастающей сверхцентрализации во всех сферах организации жизни в современной России (Зубаревич, 2014)

1. Исследование выполнено в рамках программы Президиума РАН П13 «Пространственное развитие России: природа, общество и их взаимодействие» Проект 3.5. «Пространственное развитие агропромышленного комплекса и сельская местность России: новые вызовы и ответы».

ось центр–периферия становится ключевой в объяснении территориальных диспропорций большинства показателей и процессов. Близость к федеральному или хотя бы региональному центру предопределяет динамику населения, стабильность экономической базы, привлекательность для инвестиций. Периферийные территории оказываются заведомо обречены на депопуляцию и сжатие освоенного пространства.

Такая полярная картина не раскрывает всей полноты территориальных различий в развитии сельских территорий. Даже доработанная В.Л. Каганским (Каганский, 2012) за счет введения понятия внутренней периферии и разграничения понятий периферии и приграничных территорий концепция все равно дает довольно грубую картину. Исследования сельских территорий показывают, что помимо центрально-периферийных контрастов развитие сельской местности определяет также положение сел на осях «север–юг» (север заведомо проигрывает югу) и этнический состав населения (Нефедова, 2012). Но и в этом случае не все территории укладываются в предложенную учеными логику.

Встречаются территории, отличающиеся периферийным положением (и, по Л. Каганскому, находящиеся на классической внутренней периферии), удаленные от плодородного Черноземья и Юга, в целом с исторически сложившимся русским населением, но не переживающие фатальной депопуляции и не испытывающие необратимых процессов сжатия пространства. Пример жизнеспособной внутренней периферии можно наблюдать в Костромской области (Аверкиева, 2011). В этом случае не последнюю роль в развитии территории сыграли природные условия, т. к. расположенные на лессовых отложениях почвы отличались повышенным плодородием и способствовали более плотному заселению территорий. Другой фактор, влияние которого почти не исследуется в современной науке, — это продолжительность времени освоения.

Феномен староосвоенности географами (как и демографами, социологами и экономистами) предметно не рассматривается: зачастую староосвоенные регионы выделяются в противопоставлении районам нового освоения, их упоминание связано с желанием общенно назвать отдельные регионы Европейской части России (Мкртчян, Карачурина, 2006; Максимова, 2016) или подчеркнуть продолжительную историю хозяйственного освоения отдельного региона (Баринюв, 2007; Манаков, 2014). К ним относят практически все области Европейской части России, часть регионов Урала и даже юга Сибири (Географические проблемы..., 2017). Практически не выделяются староосвоенные территории в пределах регионов и даже отдельных районов, хотя для местного населения и местных властей продолжительность проживания на определенных местах важна. Так, власти староосвоенного Кологривского района Костромской области в ходе интервью четко разделяют деревни, исторически расположенные на территории района, со ста-

рым и давно сформировавшимся населением, и лесозаготовительные поселки послевоенного времени, заселенные одновременно жителями разных территорий. Чаще всего высказываются мнения, что жители лесных поселков отличаются иждивенческой позицией, не планируют самостоятельно обустроить свои дома, участки и поселок в целом, не питают любви к малой родине. Говорить о том, что жители исторических деревень всегда отличаются противоположными качествами, было бы слишком смело, исследований по этим вопросам очень мало.

Вопросами староосвоенности скорее занимаются историки. Так, истории вологодского крестьянства и деревень посвящены работы вологодского историка П.А. Колесникова (Колесников, 1976, 1993). Среди географов вопросами староосвоенности занимается М.Н. Куница, обратившая внимание на эволюцию сети сельского расселения Брянской области (Куница, 2012, 2017), и А.Г. Манаков, изучающий Псковскую область в рамках исторической географии (Манаков, 2015). Работ, сопоставляющих продолжительность освоения территории и современные социально-экономические процессы, практически нет.

В рамках проведенного нами исследования анализируется постсоветское развитие одного из районов Вологодской области, Тарногского. Его нетипичный для периферийного Нечерноземья путь развития отчасти объясняется общими институциональными условиями, сложившимися в Вологодской области, которые рассматриваются отдельно.

Вологодская область: особенности сельского расселения и региональные условия ведения хозяйства

Вологодская область, с одной стороны, известна как довольно успешный регион с несколькими крупными промышленными предприятиями (в первую очередь комплексом производств в Череповце и соседней Шексне) и крепким АПК². С другой стороны, на ее территории происходят типичные для Нечерноземья процессы депопуляции и сжатия освоенного пространства. Но эти негативные процессы идут не так активно, как в соседних областях, а опыт отдельных районов заслуживает пристального внимания.

Территорию Вологодской области трудно назвать однородной, что было бы странно ожидать от региона с такой обширной территорией. Экономическое районирование советского периода относит область к Северу, в современной сетке федеральных округов она входит в состав Северо-Западного федерального округа, также она входит в более обширное и не очень четко определяемое наукой Нечерноземье, является ядром культурного района Русский

2. АПК — агропромышленный комплекс.

Север — все это усложняет восприятие области как единой территории и проведение каких бы то ни было сравнений.

Если рассматривать область в целом, то с соседними регионами ее объединяет ряд черт. В первую очередь — негативная динамика численности населения и его территориальное перераспределение, проявляющееся в стягивании жителей к крупным городам и локальным центрам и депопуляции сельской периферии (Карачурина, Мкртчян, 2016). За постсоветский период (1991–2015 гг.) область потеряла 161 тыс. человек, или 12% населения, что в относительном выражении не так много по сравнению с утратой 1/4 населения в соседней Архангельской и 1/5 — в Тверской и Ивановской областях. В Вологодской области население удерживают два крупных города — Вологда и Череповец, при этом сельское население сокращается в не меньшем, чем в соседних областях, темпе. За постсоветский период численность сельских жителей сократилась на 28%, что несколько меньше, чем в Архангельской, Псковской (37%) и Тверской (31%) областях.

Динамика численности сельского населения в Вологодской области территориально дифференцирована (рис. 1). В первую очередь выделяются относительно стабильные по численности населения пригородные (Вологодский и Череповецкий), а также расположенный между ними Шекснинский район, где благодаря особой экономической зоне создаются новые производства и проводится политика по привлечению населения. В остальных районах наблюдается характерная для всего Нечерноземья депопуляция, но темпы ее различны.

Помимо центрально-периферийных различий и даже принадлежности отдельных районов к выделенным М.М. Пановым (Панов, 2015) типам местностей Вологодской области на территориальной дифференциации темпов убыли сельского населения в постсоветский период сказываются и другие факторы. Среди них — рисунок сельского расселения. При обилии публикаций географов, посвященных вопросам сельского расселения, работ о влиянии определенных типов расселения, его рисунка на динамику социально-экономических процессов чрезвычайно мало (Галин, 2015), анализ чаще сводится к описанию общих процессов поляризации сельской местности и последующего упадка периферии.

Наибольшая убыль наблюдается в западных, сильно заболоченных районах (Бабаевском, Белозерском) с мелкоселенным сельским расселением, а также в Грязовецком районе, расположенном на трассе М8, где сказывается близость к Вологде и относительная близость к Ярославлю, которая в данном случае усиливает миграционный отток. Эти районы за постсоветский период потеряли от 40 до 50% сельских жителей. Также большие потери населения характерны для Харовского района, где представлены различные виды сельского расселения, и истинно периферийного Никольского, удаленного от всех региональных центров более чем на 500 км.

К.В. Авергиева
Симбиоз сельского и лесного хозяйства на старососвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области

Рис. 1. Динамика сельского населения по районам Вологодской области, 2014 г., в % к численности населения 1990 г.

Составлен автором по данным статистических сборников «Города и районы Вологодской области» за 2007 и 2016 гг.

Уникальность системы сельского расселения Вологодской и отчасти юга Архангельской области состоит в распространении «кустового» (крупноочагового по С.А. Ковалеву (Ковалев, 2003) или «гнездового» по М.В. Витову (Витов, 1955)) сельского расселения на севере и в восточной части области, в «лесных районах старинного освоения» (Солдатова, 2010). Относительно небольшие (чаще в пределах 200 человек) населенные пункты группируются на безлесных участках, формируя своеобразные «кусты», чаще всего в долинах рек. Каждый «куст» включает в себя несколько (иногда более десяти) населенных пунктов, которые в пределах «куста» расположены, как правило, в пешей доступности. По среднему размеру населенных пунктов районы с «кустовым» расселением статистически мало отличаются от районов с мелкоселенным расселением, поскольку людность каждого населенного пункта остается небольшой. Но на местности каждый «куст» функционирует как единое крупное поселение, сближая территорию с районами со средне- и крупноселенным расселением, более устойчивыми в меняющихся условиях.

Из-за продолжительной истории освоения и тесных культурных и неформальных связей многие населенные пункты в сельских «кустах» имеют сразу несколько названий — как минимум официальное и народное. И даже официальные названия порой не совпадают на разных картах (с этой же проблемой сталкивалась Т.Г. Нефедова, изучая сельские «кусты» в окрестностях Каргополя в Архангельской области (Нефедова, 2004)). В Заборском сельском поселении Тарногского района из-за такой путаницы были специально изготовлены таблички с названиями деревень, чтобы переписчики могли ориентироваться при переписи населения 2010 года. Названия «кустов»

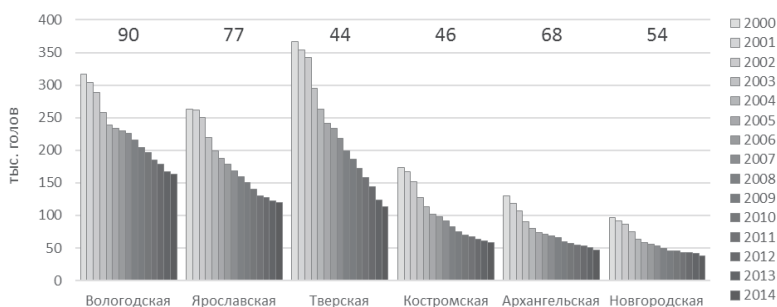
зачастую не совпадают ни с центральными населенными пунктами, ни с наиболее крупными, ни с наиболее древними. Так, Вожбальский «куст» в Тотемском районе — это «куст» деревень с центром в д. Кудринская, а населенного пункта Вожбал как такового не существует. Финно-угорские корни в названиях многих «кустов», вероятно, признак их древности, есть версия, что они унаследованы от времени дославянского освоения этой территории (Солдатов, 2010).

Районы с «кустовым» расселением (подробно рассматриваемый ниже Тарногский, а также Тотемский, отчасти Верховажский и Нюксенский) отличаются не столь высокими темпами убыли населения, как остальные, не считая пригородных. Меньшие темпы определяются здесь не только спецификой сельского расселения, но и глубинным положением районов. Автомобильная трасса, соединившая Вологду и Великий Устюг (продолжающаяся до границы с Архангельской областью), была построена лишь в 1980-х годах. До этого основное сообщение происходило или по рекам, или с помощью малой авиации, также существовали локальные выходы к Котласской ветке Северной железной дороги. Именно такая транспортная удаленность вкуче с «кустовым» расселением позволила на какое-то время отсрочить процессы сельской депопуляции, и в постсоветское время эти районы потеряли относительно меньшее количество жителей.

Транспортная изоляция тем не менее не препятствовала развитию сельскохозяйственного производства, до сих пор в районах с «кустовым» расселением сохраняется сельское хозяйство (в том числе такие уходящие из Нечерноземья отрасли, как льноводство — в Верховажском районе в конце 2000-х годов даже был построен новый льнозавод), показатели продуктивности молочного животноводства в этих районах уже превышают среднероссийские (свыше 5000 кг на 1 корову в год), а отдельные хозяйства не уступают пригородным вологодским.

Аграрная сфера, в особенности молочное хозяйство, в Вологодской области развиты как нигде в Нечерноземье. По надоям молока она опережает все российские регионы (что не удивительно в силу ее исторической и географической специализации), среднеобластные показатели превышают 6000 кг на 1 корову в год, отмечается устойчивый рост надоев. От других регионов Нечерноземья молочное хозяйство области отличает также абсолютное доминирование коллективных форм организации АПК. Доля молока, произведенного в сельхозпредприятиях, составляет 88%, на ЛПХ приходится лишь 7%, в то время как в соседних Тверской и Новгородской областях эти показатели составляют 60–70% и 20–25% соответственно. Динамика изменений поголовья скота и производства молока в Вологодской области также отличается от других регионов Нечерноземья (рис. 2). По сравнению с 2000 годом поголовье в 2014 году составило 51% (в соседних регионах — 37–40%), а производство молока сократилось всего на 10%, хотя в других регионах — на 40–50%.

Рис. 2. Динамика поголовья крупного рогатого скота и производства молока (число над столбцами показывает процент объема производства молока в 2014 г. относительно объема 2000 г.) в Вологодской и некоторых соседних областях, 2000–2014 гг.

Источник данных: сборники «Регионы России» (Росстат), 2000–2016 гг.

Феномену вологодского молочного хозяйства посвящен ряд работ (Анищенко, 2015, 2016; Чекавинский, 2015), однако к единому мнению ученые так и не пришли. Обобщая аналитические материалы и экспертные интервью, можно выделить основные факторы развития АПК Вологодской области, отличающие ее от других регионов Нечерноземья.

- Относительно небольшой уровень дотационности регионального бюджета позволял региональным властям выстраивать систему мер поддержки областного АПК на протяжении последних 15 лет, что стимулировало многие хозяйства сохранять сельскохозяйственное производство.
- Емкий местный рынок (благодаря наличию двух крупных городов) и возможность выхода как на рынки Москвы и Санкт-Петербурга (исторический бренд вологодской молочной продукции и большие объемы местного производства позволяют вологодской продукции заходить в столичные торговые сети), так и в регионы Севера (промышленные центры Архангельской области, Ненецкого АО, Республики Коми).
- Региональная специфика лесопользования: леса, до принятия Лесного кодекса в 2007 году находившиеся в собственности сельскохозяйственных предприятий («колхозные леса»), были предложены сельскохозяйственным предприятиям в аренду на 49 лет на льготных условиях. Это позволило многим сельскохозяйственным предприятиям сохранить лесозаготовки и небольшую деревообработку, таким образом кредитую сельское хозяйство.
- Сохранившиеся традиции образования (Сельскохозяйственная академия им. Верещагина).
- Историческая специализация региона на молочном хозяйстве и определенная культура ведения, консерватизм сельских жителей.

Сочетание (возможно, в данном случае уместно понятие «синергия») мер региональной поддержки лесного и сельского хозяйства, сохранившихся вследствие удаленного географического положения и, вероятно, «кустового» расселения, традиций и предприимчивости жителей можно наблюдать в Тарногском районе Вологодской области. В качестве полигона для исследований он был выбран не случайно. Он расположен на востоке Вологодской области в «том редком месте в России, где люди живут с удовольствием» (<http://eastofvologda.livejournal.com>), на его территории наблюдается «кустовой» рисунок сельского расселения, район относится к староосвоенным территориям. По материалам исследования 1970-х годов (Колесников, 1976; цит. по: Солдатова, 2010: 35), в Тарногском районе в 1973 году насчитывался 241 сельский населенный пункт, упомянутый в исторических источниках XII — первой половины XVII века, что составляет 77% от общего на тот момент числа сельских населенных пунктов. Это второй по величине относительный показатель в Вологодской области (выше доля исторических СНП только в Усть-Кубинском районе, 78%) и не характерная для востока Вологодской области величина, поскольку восточные районы были заселены позже, а также на их территории возникло много послевоенных лесопромышленных поселков. Статистически он выделяется повышенной долей индивидуальных предпринимателей (в 2014 году 37 ИП на 1000 жителей, что в полтора раза выше среднеобластных значений и почти вдвое выше, чем в соседнем Нюксенском районе), большим для подобного сельского района количеством сельскохозяйственных предприятий.

«Когда есть доска за спиной, можно и сельским хозяйством заниматься»

На территории современного Тарногского района сочетаются лесной и агропромышленный комплексы, в последние годы можно говорить о почти симбиотическом их существовании.

В 2016 году на территории Тарногского района действовали около 95 предпринимателей в лесной сфере, 25 из них объединились в ООО «Тарнога-лес»: по условиям нового Лесного кодекса это позволяет им брать большие лесные делянки в долгосрочную аренду. Предприятия чрезвычайно разнообразны: от кустарных лесопилок до мини-заводов, где работают до 100 работников и производится широкий ассортимент пиломатериалов, клееного дерева, мебели. Для местной власти наличие большого количества предприятий с низкой производительностью труда предпочтительнее, чем один-два крупных завода, поскольку они дают населению занятость и удерживают жителей на территории.

«Пусть некоторые работают вообще как кустари, самозанятые, но это все равно хорошо, иначе начнется либо интенсификация»

ный отток, либо маргинализация населения» (из интервью с советником главы Тарногского района).

Лесной бизнес в районе развивался постепенно, начиная с 1990-х годов, когда весь район был охвачен «стихийным капитализмом», и «в каждом дворе стоял станок» (из интервью с советником главы Тарногского района). Жители района объединялись, покупали небольшие грузовики, чтобы возить пиломатериалы в Москву. По мнению одного из деревообработчиков, современный строительный рынок на пересечении Ярославского шоссе и МКАД вырос именно из стихийной торговли, организованной тарножанами. Постепенно рынок стал более конкурентным, рентабельность начала падать, возить простые пиломатериалы оказалось невыгодно, и в районе стала развиваться более глубокая деревообработка. Казалось бы, относительная близость фанерного комбината под Великим Устюгом (180 км) или Котласского ЦБК в Коряжме (240 км) могла бы привести к ориентации на лес-кругляк, но это оказалось менее выгодно, чем возить более сложные пиломатериалы в Москву. Постепенно в районе сформировалось несколько моделей ведения лесного бизнеса:

1. кустарная деревообработка для местного рынка с минимальной рентабельностью;
2. производство широкого ассортимента пиломатериалов и сложных изделий (ступени, мебельный щит и т. п.) с гибкой системой контрагентов;
3. узкая специализация производства и высокая рентабельность за счет больших объемов;
4. переработка отходов деревообработки и специфические рыночные ниши (производство топливных брикетов, подстилки для скота, наполнителей для туалетов для животных).

Для развития лесного бизнеса есть много ограничений, поскольку и лесные ресурсы иссякают, и конкуренция на рынке, особенно в связи с кризисной ситуацией в строительстве в целом, становится все более жесткой. Также остается нерешенной вечная проблема всех лесных регионов: непонятно, что делать с низкосортной древесиной. Очередной виток переговоров об этом на региональном уровне привел к решению о размещении предприятия по переработке низкосортной древесины и отходов деревообработки на западе области, в Шексне, восток Вологодской области заместитель губернатора назвал бесперспективной территорией.

Симбиоз лесного и сельского хозяйства в Нечерноземье существовал много лет. И до революции крестьяне занимались в разные сезоны то сельским хозяйством, то лесозаготовками, и колхозники летом работали в полях, а зимой валили лес и работали на лесопилке. Возможность заготавливать лес и продавать пиломатериалы позволяла оставаться на плаву предприятиям в разных областях, хотя даже такая колхозная диверсификация в начале 2000-х годов далеко не всегда спасала сельхозпредприятия от банкрот-

ства. После принятия Лесного кодекса 2007 года леса, находившиеся в собственности сельскохозяйственных предприятий, были переданы в Гослесфонд (Кузьминов, 2010а). Чтобы заготавливать лес, сельскохозяйственные предприятия оказались вынуждены брать в аренду леса на тех же условиях, что и другие потенциальные лесопользователи. Для закредитованных предприятий эта задача непосильна, особенно если региональные власти еще и завышали плату за древесину на корню, как это произошло в Костромской области, где в 2007 году власти подняли стартовую цену в 7,2 раза (Кузьминов, 2010б). На рисунке 3 видно, что после принятия Лесного кодекса объемы лесозаготовки снизились во всех лесных регионах, но особенно заметным спад был в Костромской и Тверской областях — тех регионах, где было много «колхозных» лесов и где региональная тарифная политика не позволила сельхозпредприятиям арендовать лесные участки.

В Вологодской области благодаря льготным условиям большинства сельскохозяйственных предприятий сохранили лесозаготовки. Однако не всегда это способствовало укреплению хозяйств и развитию аграрного производства. По выражению фермера из Бабаевского района, «лесная денга глаза застилала» — возможность существовать только за счет леса лишала руководство сельхозпредприятий стимула к модернизации непосредственно сельскохозяйственного производства.

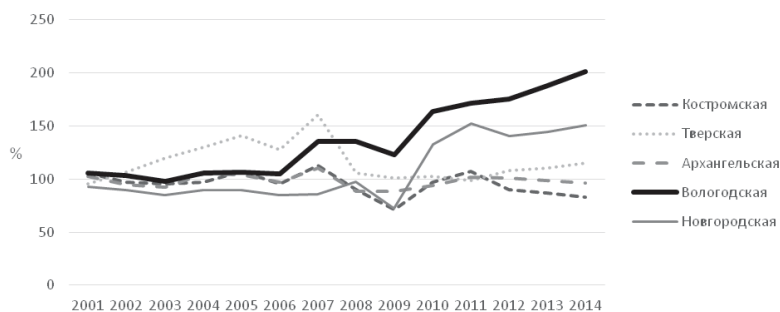
В Тарногском районе в середине 2000-х годов обострилась проблема спада сельхозпроизводства, хотя в районе еще оставались энтузиасты, готовые работать в АПК. Тем не менее многие предприятия стали сокращать объемы производства, сохраняя лишь лесосеку. Ситуацию изменило вмешательство главы района, который решил «пристегнуть сельское хозяйство к лесопереработчикам».

«А как не вмешаться? Например, Верхний Спас: оставалось 2 доярки, все коровы тонут в навозе, пилорама стоит, а лес продается на корню. Руководителя такое положение дел устраивало — он лесом торговал и больше ничего не хотел. Поскольку форма все-таки СПК, то я инициировал собрание пайщиков, проводили голосование, требовали менять руководителей. В итоге 70% руководителей удалось сменить, а остальные сами заработали» (из интервью с главой Тарногского района).

В настоящее время в Тарногском районе функционируют 11 сельхозпредприятий молочной специализации, в семи из них руководители — представители лесного бизнеса, еще один предприниматель из лесной сферы руководит предприятием свиноводческой специализации.

Почему деревообработчики соглашались руководить сельхозпредприятиями — вопрос непростой. Отчасти мотивацией служила возможность получить лес на льготных условиях, но если бы ими двигал только корыстный интерес, то сельское хозяйство в районе вряд ли бы развивалось. Предприниматели брались за сельское

Рис. 3. Динамика объема вывоза древесины в Вологодской и некоторых соседних областях, в % к 2000 г.

Источник данных: сборники «Сельское и лесное хозяйство» за 2010–2016 гг., Росстат

хозяйство с энтузиазмом, вероятно, с тем же, который в начале 2000-х годов позволил превратить кустарную деревообработку в полноценную отрасль сельской промышленности. Один из руководителей СПК, являющийся одновременно и лидером в лесной отрасли, пришел к выводу, что

«...в сельском хозяйстве не надо быть академиком, надо по уму все делать и относиться ко всему по-хозяйски» (из интервью с ИП Плешковым).

Когда он стал руководителем СПК в 2012 году, основной показатель продуктивности хозяйства — надои — составляли около 2800 кг молока на 1 корову в год, это чрезвычайно мало. За четыре года удалось повысить продуктивность до 4400 кг, а при надоях в 4000 кг хозяйство становится рентабельным, в том числе благодаря региональным субсидиям на молоко. Изначально ему пришлось вкладывать средства из лесного бизнеса в сельское хозяйство, постепенно аграрное производство стало прибыльным, и при необходимости, наоборот, средства на развитие деревообработки стало возможно занимать у сельскохозяйственного предприятия.

Тарногский маслозавод: социализм в рыночных условиях

Сельское хозяйство района поддерживает не только деревообработка. Не меньшую роль в его сохранении и развитии сыграл местный молокозавод. Он был построен в 1935 году и до конца 1980-х специализировался исключительно на производстве сливочного масла, которое самолетом (в силу отсутствия иных путей сообщения) доставлялось на маслосыробазу в Вологду. После постройки автомобильной дороги Вологда — Великий Устюг с ответвлением на Тарногский Городок завод изменил профиль деятельности, он

стал лишь принимать у предприятий молоко, которое позже отвозили на переработку на другие заводы в области. К концу 1990-х завод все-таки наладил переработку молока, возобновилось производство масла и началось производство цельномолочной продукции. В 2000-е годы завод чудом удержался на плаву, его неоднократно пытались выкупить, медленно проводилась модернизация, осваивались новые виды продукции, и если в 2000-х годах основной задачей было удержаться, то после 2010 года встал вопрос о развитии производства. После смены руководства (на место «консервативного», по словам главы района, директора пришел главный бухгалтер) больше внимания стало уделяться рынкам сбыта. Сейчас продукция Тарногского маслозавода встречается во многих районах Вологодской области, часть поступает в Архангельскую. Отдел маркетинга продолжает работу, но сталкивается с новыми трудностями.

Завод функционирует в тесной связи с сельскохозяйственными предприятиями. Существование в разреженном социально-экономическом пространстве востока Вологодской области само по себе вынуждает к тесному сотрудничеству между заводом и его сырьевой базой. Но в аналогичных условиях живут и другие районы области и соседних регионов, нередко молокозаводы выставляют низкие закупочные цены, понимая безальтернативность производителей, что приводит к банкротству и сельхозпредприятий, и переработчика молока. Позиция директора Тарногского завода проста: надо обеспечить высокую закупочную цену молока, чтобы у сельскохозяйственных предприятий были средства на развитие, в этом случае завод всегда будет при сырье. Также завод кредитует сельхозпредприятия, даже самые маленькие. Высокая закупочная цена (22 рубля летом 2016 года, в других регионах цена колебалась от 15 до 20 рублей, лишь пристоличные заводы принимали молоко по более высоким ценам) держится за счет твердой позиции руководства предприятия и сравнительно высокой отпускной цены на молочную продукцию. Тарногское масло продается на развес по цене не менее 400 рублей за 1 кг — это недешево. Но завод не делает никаких уступок ни местному райпо, ни торговым сетям, ни другим контрагентам.

«За нами наши колхозы, ведь в сельском хозяйстве такая тяжёлая работа, им надо развиваться — мы их за собой тащим» (из интервью с директором Тарногского маслозавода).

В некоторых случаях такая позиция препятствует расширению рынков сбыта. Так, от закупок масла отказались представители Троице-Сергиевой лавры, поскольку завод не пошел на уступки, не прельстившись даже возможным имиджем поставщика главного духовного центра страны.

Подобная позиция тем не менее не мешает развитию завода. Продукция пользуется высоким спросом на местном рынке, ее не вытеснили даже более дешевые продукты в федеральных торговых сетях. Местное население отдает ей предпочтение (видимо, поэтому отказ от сотрудничества с очередным ритейлером не на-

пугал маркетинговый отдел). Завод продолжает проводить модернизацию, устанавливаются новые линии, осваиваются новые виды продукции. Растут объемы производства, помимо молока с местных сельхозпредприятий молоко принимают даже из Архангельской области (рис. 4). Такой динамики от небольшого маслозавода с периферийным положением было трудно ожидать.

Социальный капитал глубинки?

Казалось бы, развитие лесного бизнеса, грамотное руководство сельхозпредприятиями и поддержка со стороны маслозавода может обеспечить стабильное существование экономической базы района. Но система сформировалась не сама по себе, а во многом благодаря личным качествам жителей района. Почему именно в Тарногском районе зародился стихийный «лесной» капитализм, который привел не столько к оттоку разбогатевших лесопромышленников, сколько к постепенной эволюции от домашних пилорам к полноценной отрасли сельской промышленности, встроенной в сложную конкурентную среду рынка? Почему удержалось сельское хозяйство? Кто сохранил молокозавод и настаивал на приоритете местного рынка и поддержке своих предприятий? Очевидно, что без личной заинтересованности, авантюризма и каких-то иных качеств местных жителей ничего бы не вышло.

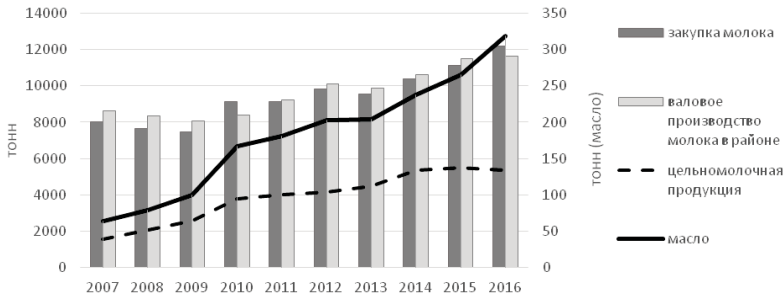
Обобщая проведенные глубинные и экспертные интервью, а также материалы блога «Восток Вологодчины. Необычная глубинка» можно выделить несколько черт тарножан, которые позволили сформировать жизнеспособную и в некотором роде саморазвивающуюся систему. Это:

1. стремление к развитию, самообразованию, интерес в освоении новых технологий, продуктов;
2. «разумная ксенофобия»: недоверие к внешним инициативам, проектам, инвесторам;
3. поддержка местных традиций и самобытной культуры.

Буквально каждый респондент имеет свой опыт получения образования (как правило, высшего или профессионального) за пределами района, затем — возвращения в Тарногу и работы, не обязательно по профилю, но часто связанной с получением новых непрофильных навыков. Так, сотрудники администрации могут одновременно вести небольшой бизнес в сфере деревообработки, совмещают свою работу с эффективным подсобным хозяйством, не столько для экономии, сколько для уверенности в качестве продовольствия. Ставшие руководителями сельскохозяйственных предприятий представители лесного бизнеса изучают технологии ведения сельского хозяйства, совершенствуют их.

Многие жители постоянно пробуют новые виды деятельности. На момент проведения исследования была «мода» на разведение

Рис. 4. Динамика закупки и производства молока и цельномолочной продукции на Тарногском маслозаводе, 2007–2016 гг.

Источник данных: администрация Тарногского района

домашней птицы. В ЛПХ появились индейки, цесарки, перепела, если куры — то породистые, или бройлеры, или несушки. К разведению птицы подходят с интересом, покупают домашние инкубаторы, в интернете изучают специфику разведения тех или иных пород, обмениваются опытом. Одновременно сохраняются и традиционные виды ЛПХ и домашнего хозяйства.

Тарногский Городок на карте брендов Вологодской области (Атлас Вологодской области, 2007) — «столица меда», место проведения медовой ярмарки и тематического фестиваля. Многие тарножане производят мед, торгуют сами, используя свои связи.

«Вот у моего дяди около 100 ульев, ежегодно он производит около 5 тонн меда — и все разбирают!» (из интервью с начальником отдела сельского хозяйства Тарногского района).

Попытки наладить организованные закупки меда (по инициативе районной администрации) не вызвали одобрения у населения, поскольку многие засомневались, будет ли это выгодно.

«Тут наши куркули и поприжались» (из интервью с заместителем главы района).

А вот инициатива проведения сельскохозяйственных ярмарок была воспринята с воодушевлением. Ежегодно проходят 10 сельскохозяйственных ярмарок, некоторые стали специально расширять ЛПХ, чтобы больше продать на ярмарке (мед, пиво, соленые и моченые грибы, домашняя выпечка и заготовки).

Новые технологии, навыки жители района осваивают с удовольствием, но одновременно настороженно смотрят на любых сторонних инвесторов. Показателен пример с отказом от оптовой торговли медом или сюжет с тарногским маслозаводом. Один из вологодских журналистов хотел написать статью о «том самом» вологодском масле и взять интервью у директора Тарногского маслозавода. Интервью давать она отказалась, опасаясь, что излишнее внимание к молокозаводу может его погубить: «Не надо. Узнают, придут, все тут скупят, разрушат» (<http://eastofvologda.livejournal>).

К.В. Аверкиева
Симбиоз сельского и лесного хозяйства на старосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области

com/28660.html). С этим связаны и опасения местной администрации по поводу возможного строительства завода по переработке низкосортной древесины: они не могут гарантировать, что местные лесозаготовители будут исправно поставлять сырье в требуемом объеме, возможно, все выберут свои схемы его использования.

В местном блоге опубликована статья на тему культурного своеобразия этой территории (<http://eastofvologda.livejournal.com/11236.html>). Автор считает, что территориальная изоляция (как общая периферийная по отношению к столицам и крупным центрам, так и отсутствие автомобильной дороги до конца 1980-х годов) сдерживала миграционный отток и размывание человеческого капитала, а отсутствие крепостного права и более тесные социальные связи, базирующиеся и на историческом возрасте поселений, отразились в коллективном укладе сельского труда. Возможно, сказались и система сельского расселения, когда «кусты» удерживали жителей и способствовали укреплению социальных связей.

Безусловно, и эти территории охвачены всеобщими для российского Нечерноземья процессами депопуляции, далеко не все молодые возвращаются после получения образования, специалистов не хватает. Возможно, после улучшения транспортной доступности все запоздавшие на этой территории миграционные процессы наберут силу, и Тарногский район вместе с соседними Тотемским, Нюксенским и другими быстро потеряют население и самобытность, вовлекаясь в масштабный процесс центробежных миграций (Карачурина, Мкртчян, 2016).

Но не исключен и другой путь. Быстрые темпы роста Москвы и Санкт-Петербурга, а также других крупных центров, привлекающих в том числе население Вологодской области, привели к снижению качества городской среды. Города как таковые уже не манят тарножан, поскольку переезд в город обещает в их случае снижение качества жизни. Для жителей Тарногского района оно во многом определяется доступностью качественного продовольствия (прекрасная молочная продукция по доступным ценам есть даже в самых удаленных сельских магазинах, из недоверия к покупному мясу многие жители предпочитают иметь небольшое нетоварное хозяйство), чистым воздухом, базовым набором инфраструктуры, не на последнем месте стоит культурная составляющая. Недостатка в массовых мероприятиях в районе нет, традиции бережно хранятся, воспроизводятся и возрождаются. Наиболее спорным остается вопрос здравоохранения современного уровня.

Острый кризисный период 1990-х — начала 2000-х годов район неплохо пережил благодаря лесному бизнесу и энтузиазму, который не позволил закрыться сельскохозяйственным предприятиям. Сейчас выезд из района — это не бегство, а осознанное решение.

В Тарногском Городке ведется активное жилищное строительство. Новые дома строятся по программе переселения из ветхого и аварийного жилья (что не ново и встречается во многих районных

центрах), также жителями райцентра и приезжающими из отдаленных «кустов». Такое индивидуальное жилищное строительство ведется не точечно, в селе возникают целые улицы и своеобразные микрорайоны разных лет застройки: 1990-х, 2000-х, 2010-х. Как и в пригородах крупных городов, в окрестностях Тарногского Городка сельскохозяйственные земли переводятся в категорию земель поселения и отводятся под застройку. Дома возводятся и кирпичные, и срубы, и из бруса, строятся жители разного достатка, но всех объединяет одно — желание жить в Тарногском районе.

В удаленных от районного центра сельских «кустах» не ощущается необратимый отток и запустение: деревенский дом сохраняют для летнего отдыха, поддерживают его, некоторые дома покупают в качестве дальних дач москвичи, жители Санкт-Петербурга и других крупных городов, расширяя сложившееся в науке представление о границах дачной экспансии столичных жителей (Между домом и... домом, 2016). Нередко дачники из крупных городов постепенно благоустраивают дома, приспособливают избы для круглогодичного проживания с расчетом на то, чтобы постепенно переехать в деревню на постоянное место жительства.

Заключение

Пример Тарногского района показывает, что даже на удаленных и во всех отношениях периферийных территориях возможно не только стремительное сжатие освоенного пространства, но и развитие, формирование нового хозяйственного уклада постсоветского образца. Здесь успешно функционируют 11 сельскохозяйственных предприятий, некоторые из них возникли совсем недавно на территориях, где долгие годы не велось аграрного производства. Зачастую руководят сельхозпредприятиями представители лесного бизнеса, что позволяет получить доступ к бывшим «колхозным лесам». Доходы от лесозаготовки и деревообработки могут поддерживать на плаву сельское хозяйство, а в некоторых случаях доходы от аграрного бизнеса — поддержать лесной. Не последнюю роль в сохранении сельского хозяйства играет местный молокозавод, который стремится поддерживать высокие закупочные цены и готов брать кредиты для сельскохозяйственных предприятий. Такой сельско-лесохозяйственный симбиоз в большей степени характерен именно для Вологодской области в силу местной институциональной специфики. В отличие от соседних областей Нечерноземья, сельскохозяйственные предприятия могут брать леса в долгосрочную аренду на льготных условиях, также сказываются работающие продолжительное время региональные меры поддержки сельского хозяйства.

Сочетание длительного времени освоения, «кустового» типа сельского расселения и транспортной изоляции привели к сохра-

нению тесных социальных связей и культуры ведения хозяйства, в первую очередь лесного и сельского. Формирование полноценной отрасли сельской промышленности — глубокой и разнообразной деревообработки — стало возможно в Тарногском районе во многом благодаря личным качествам самих жителей, которые при некоторой консервативности и патриархальности с интересом осваивают новые технологии и обмениваются опытом друг с другом. Эти же качества позволили представителям лесного бизнеса стать успешными руководителями сельскохозяйственных предприятий, провести модернизацию аграрного производства.

Наличие относительно прочной экономической базы и рабочих мест сдерживает отток сельского населения. Рассмотренный в статье Тарногский район, безусловно, испытывает процессы депопуляции, но не столь быстрой, как в других районах Вологодской области и в Нечерноземье в целом. Результаты полевых исследований показывают, что многие жители уже не планируют оставлять свои дома. Здесь происходит территориальное перераспределение: жители периферийных сельских кустов приобретают (а чаще — строят) жилье в районном центре и ближайших окрестностях, оставляя старый дом для сезонного проживания. Тарногский Городок расширяется за счет полноценных улиц и целых «слобод».

Библиография

- Аверкиева К.В. (2011). Староосвоенная периферия — доживает или живет? // География. Методический журнал для учителей географии, экологии и природоведения. № 17 (936). С. 8-13.
- Анищенко А.Н. (2016). Государственная поддержка молочного скотоводства Вологодской области в современных условиях хозяйствования // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. № 1. С. 55-58.
- Анищенко А.Н. (2007). Оценка функционирования сельского хозяйства Вологодской области // Вопросы территориального развития. № 9 (29). С. 1-14
- Атлас Вологодской области (2007). Санкт-Петербург: ФГУП «Аэрогеодезия»; Череповец: ООО «Порт-Апрель».
- Баринов С.Л. (2007). Социально-экономическая периферийность в староосвоенных регионах Центра и Северо-Запада России // Региональные исследования № 3 (13). С. 26-32.
- В чем причины культурного своеобразия восточных районов Вологодской области? <http://eastfovologda.livejournal.com/11236.html>
- Витов М.В. (1995). Гнездовой тип расселения Европейского Севера и его происхождение // Советская этнография. № 2. С. 27-40.
- Вологодчина — родина молока <http://eastfovologda.livejournal.com/28660.html>
- Галин Р. (2015). Расселение сельского населения как фактор развития сельского хозяйства // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 5 (127). С. 28-33.
- Ахромеев Л.М. (ред.) (2017). Географические проблемы сбалансированного развития староосвоенных регионов. Материалы IV Международной заочной научно-практической конференции (Брянск, 20 декабря 2016 г.). Брянск: Изд-во «Курсив».
- Зубаревич Н.В. (2014). Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. № 4 (478). С. 6-27.

- Каганский В.Л. (2012). Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия географическая. № 6. С. 23-34.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2016). Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 46-59.
- Ковалев С.А. (2003). Сельское расселение (географическое исследование) // Избранные труды. Смоленск: Ойкумена. С. 121-169.
- Колесников П.А. (1993). Начальный период заселения лесной полосы России // Сельское расселение на Европейской России. Вологда. С. 10-22.
- Колесников П.А. (1976). Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда.
- Кузьминов И.Ф. (2010а). Результаты государственных инициатив по реформированию российского лесного законодательства 2006–2009 гг. // Устойчивое лесопользование. № 3. С. 28-33.
- Кузьминов И.Ф. (2010б). Социально-экономические проблемы лесопромышленного комплекса на севере Европейской России (на примере Костромской области) // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 31-43.
- Куница М.Н. (2017). Депопуляция как индикатор социально-демографических проблем развития староосвоенного региона центра России // Географические проблемы сбалансированного развития староосвоенных регионов. Материалы IV Международной заочной научно-практической конференции / Под ред. Л.М. Ахромеева. С. 125-129.
- Куница М.Н. (2012). Цикличность развития сети поселений в староосвоенных регионах // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 65-71.
- Максимова А.С. (2016). Особенности демографической ситуации в староосвоенных регионах нечерноземной зоны России // Вестник Самарского государственного экономического университета. № 6 (140). С. 72-81.
- Манаков А.Г. (2015). Использование метода временных срезов в исторической географии населения // Региональные исследования. № 1 (47). С. 126-136.
- Манаков А.Г. (2014). Методика историко-географического районирования староосвоенных территорий на микроуровне (на примере Псковской области) // Псковский регионологический журнал. № 19. С. 83-96.
- Между домом и... домом (2016). Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, А.Г. Махровой, К.В. Аверкиевой. М.: Новый хронограф.
- Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. (2006). Миграционная ситуация в староосвоенных регионах России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Т. 4. С. 535-559.
- Нефедова Т.Г. (2004). Каргопольский район: прошлое, настоящее и будущее Русского Севера // Отечественные записки. № 4 (19). <http://www.strana-oz.ru/2004/4/kargopolskiy-rayon-proshloe-nastoyashchee-i-budushchee-russkogo-severa> (дата обращения 6.09.2017).
- Нефедова Т.Г. (2012). Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия РАН. Серия географическая. № 3. С. 7-23.
- Панов М.М. (2015). Внутрирегиональная типология сельских территорий (на примере Вологодской области) // Проблемы развития территории. Вып. 2 (76). С. 159-173.
- Солдатова Н.В. (2010). Динамика расселения Вологодской области во второй половине XX — начале XXI века. Вологда: ВГПУ.
- Чекавинский А.Н. (2015). Резервы роста молочного скотоводства в Вологодской области в контексте решения стратегических задач государства по освоению Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4 (40). С. 139-150.

К.В. Аверкиева
Симбиоз сельского и лесного хозяйства на староосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области

Symbiosis of agriculture and forestry on the early-developed periphery of the Non-Black Earth Region: The case of the Tarnogsky district of the Vologda Region

Kseniya Averkieva, PhD (Geography), Senior Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119017, Staromonetny Per., 29. E-mail: xsenics@yandex.ru.

The article considers the social-economic structure of the Tarnogsky district of the Vologda Region, which has a peripheral position in both European Russia and the region. Its specific features such as the low rate of population decline and the growth of the local economy that is not high compared to other Non-Black Earth regions do not correspond to the centre-periphery logic of the well-developed space adopted in social and economic sciences. There is a highly developed timber industry including manufacture of a wide range of complex products; eleven agricultural enterprises and creamery that increase production annually, which is a rarity in the peripheral Non-Black Earth region. Such success of the Tarnogsky district is determined by both reasonable regional policies in forestry and agriculture and by personal qualities of the residents, i.e. the social capital. The author argues that the long-term territorial isolation combined with a long history of economic development played an important role in the current situation. Perhaps, the development of stable and close social ties was influenced by the 'cluster' (or "nesting") type of rural settlement, in which "bushes" of 10-15 villages are located in walking distance from each other and separated by forest areas.

Key words: rural area, periphery, early-developed territory, agriculture, forestry, social capital

References

- Averkieva K.V. (2011) Staroosvoennaja periferija — dozhivaet ili zhivet? [The early-developed periphery — survives or lives?]. *Geografija. Metodicheskij zhurnal dlya uchitelej geografii, ekologii i prirodovedenija*, no 17, pp. 8-13.
- Anischenko A.N. (2016) Gosudarstvennaja podderzhka molochnogo skotovodstva Vologodskoj oblasti v sovremennyh uslovijah hozjajstvovanija [The state support of dairy cattle breeding in the Vologda Region in the contemporary conditions]. *Zakonomernosti razvitiya regionalnyh agroproduktivnyh sistem*, no 1, pp. 55-58.
- Anischenko A.N. (2007) Otsenka funkcionirovanija selskogo hozjajstva Vologodskoj oblasti [Assessment of the functioning of agriculture of the Vologda Region]. *Voprosy territorialnogo razvitiya*, no 9, pp. 1-14.
- Atlas Vologodskoj oblasti* [Atlas of the Vologda Region] (2007). Saint-Peterburg. FGUP «Aero-geodezija»; Cherepovets. OOO "Port-Aprel".
- Barinov S.L. (2007) Socialno-ekonomicheskaja periferijnost v staroosvoennyh regionah Centra i Severo-Zapada Rossii [The social-economic periphery of the early-developed regions of Central and Northwestern Russia]. *Regionalnye issledovanija*, no 3, pp. 26-32.
- V chiom prichiny kulturnogo svoeobrazija vostochnyh rajonov Vologodskoj oblasti?* [What are the causes of specific cultural features of the eastern districts of the Vologda Region?] <http://eastofvologda.livejournal.com/11236.html> (Accessed on 06.09.2017)
- Vitov M.V. (1995) Gnezdovoj tip rasselenija Evropejskogo Severa i ego proiskhozhdenie [The cluster type of settlement in the European North and its origins]. *Sovetskaja etnografija*, no 2, pp.27-40.
- Vologodchina — rodina moloka* [The Vologda Region — the birthplace of milk] <http://eastofvologda.livejournal.com/28660.html> (Accessed on 06.09.2017)

- Galin R. (2015) Rasselenie selskogo naselenija kak faktor razvitija selskogo hozjajstva [The settlement patterns of rural population as a factor of agricultural development]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-praktičeskij žurnal*, no 5, pp. 28-33.
- Akhromeev L.M. (Ed.) (2017) Geograficheskie problemy sbalansirovannogo razvitija staroosvoennyh regionov [Geographical challenges of the balanced development of the early-developed regions]. *Materialy IV Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-praktičeskoj konferentsii* (20.12.2016). Bryansk: Izd-vo "Kursiv".
- Zubarevich N.V. (2014) Regionalnoe razvitie i regionalnaja politika v Rossii [Regional development and regional policy in Russia]. *EKO*, no 4, pp. 6-27.
- Kagansky V.L. (2012) Vnutrennjaja periferija — novaja rastuschaja zona kulturnogo landshaf-ta Rossii [Internal periphery as a new developing area of the Russian cultural landscape]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, no 6, pp. 23-34.
- Karachurina L.B., Mkrtčyan N.V. (2016) Rol migratsii v usilenii kontrastov rasselenija na municipalnom urovne v Rossii [The role of migration in enhancing settlement contrasts at the municipal level in Russia]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, no 5, pp. 46-59.
- Kovalev S.A. (2003) Selskoe rasselenie (geograficheskoe issledovanie) [Rural settlement (a geographical study)]. *Izbrannye trudy*. Smolensk: Ojkumena, pp. 121-169.
- Kolesnikov P.A. (1993) Nachalny period zaselenija lesnoj polosy Rossii [The first stage of the colonization of the Russian forest zone]. *Selskoe rasselenie na Evropejskoj Rossii*. Vologda, pp. 10-22.
- Kolesnikov P.A. (1976) Severnaja derevnja v XV — pervoj polovine XIX veka [North Village in the XV — first half of XIX Century]. Vologda.
- Kuzminov I.F. (2010a) Rezultaty gosudarstvennyh initsiativ po reformirovaniju rossijskogo les-nogo zakonodatelstva v 2006-2009 [The outcomes of the state initiatives in reforming the Russian forest law in 2006-2009]. *Ustojčivoje lesopolzovanie*, no 3, pp. 28-33.
- Kuzminov I.F. (2010b) Socialno-ekonomičeskie problemy lesopromyšlennogo kompleksa na severe Evropejskoj Rossii (na primere Kostromskoj oblasti) [Social-economic problems of the timber industry in the north of European Russia (on the example of the Kostroma Region)]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, no 5, pp. 31-43.
- Kunitsa M.N. (2017) Depopuljatsija kak indikator socialno-demograficheskijh problem raz-vitija staroosvoennogo regiona tsentra Rossii [Depopulation as an indicator of social-demographic problems of an early-developed region of Central Russia]. *Geograficheskie problemy sbalansirovannogo razvitija staroosvoennyh regionov. Materialy IV Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-praktičeskoj konferentsii* / red. L.M. Ahromeeva. Pp. 125-129.
- Kunitsa M.N. (2012) Tsikličnost razvitija seti poselenij v staroosvoennyh regionah [Cyclical development of settlements network in the early-developed regions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5. Geografija*, no 2, pp. 65-71.
- Maksimova A.S. (2016) Osobennosti demograficheskoi situatsii v staroosvoennyh regionah nechernozjomnoj zony Rossii [Demographic situation in the early-developed regions of the Russian Non-Black Earth]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomičeskogo universiteta*, no 6, pp. 72-81.
- Manakov A.G. (2015) Ispolzovanie metoda vremennyh srezov v istoričeskoj geografii nasele-nija [The time slices method in historical geography]. *Regionalnye issledovanija*, no 1, pp. 126-136.
- Manakov A.G. (2014) Metodika istoriko-geograficheskogo rajonirovanija staroosvoennyh terri-torij na mikrourovne (na primere Pskovskoj oblasti) [Historical-geographical zoning of the early-developed regions at the micro level (on the example of the Pskov Region)]. *Pskovskij regionologičeskij žurnal*, no 19, pp. 83-96.
- Mezhdju domom i... domom. Vozvratnaja prostranstvennaja mobilnost' naselenija Rossii* (2016) [Between Home and... Home. The Return Spatial Mobility of the Russian Population] / Pod red. T.G. Nefedovoj, A.G. Makhrovaj, K.V. Averkievoj. Moscow: Novy Khronograf.

К.В. Аверкиева
Симбиоз сельско-
го и лесного хозяй-
ства на старосво-
енной периферии
Нечерноземья:
опыт Тарногско-
го района Вологод-
ской области

- Mkrtchyan N.V., Karachurina L.B. (2006) Migratsionnaja situatsija v staroosvoennyh regionah Rossii [Migration situation in the early-developed regions of Russia]. *Nauchnye trudy: Institut narodnohozjajstvennogo prognozirovaniya RAN*, no 4, pp. 535-559.
- Nefedova T.G. (2004) Kargopolskij rajon: proshloe, nastojashhee i budushee Russkogo Severa [The Kargopol district: Past, present and future of the Russian North]. *Otechestvennye zapiski*, no 4.
- Nefedova T.G. (2012) Osnovnye tendentsii izmenenija socialno-ekonomicheskogo prostranstva selskoj Rossii [Key changes in the social-economic space of rural Russia]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, no 3, pp. 7-23.
- Panov M.M. (2015) Vnutriregionalnaja tipologija selskih territorij (na primere Vologodskoj oblasti) [Interregional typology of rural territories (on the example of the Vologda Region)]. *Problemy razvitiya territorii*, no 2, pp. 159-173.
- Soldatova N.V. (2010) *Dinamika rasselenija Vologodskoj oblasti vo vtoroj polovine XX — nachale XXI veka* [Dynamics of Settlement in the Vologda Region in the Second Half of the XX — early XXI Century]. Vologda: VGPU.
- Chekavinsky A.N. (2015) Rezervy rosta molochnogo skotovodstva v Vologodskoj oblasti v kontekste reshenija strategicheskikh zadach gosudarstva po osvoeniju Arktiki [The growth reserves of dairy cattle breeding in the Vologda Region in the context of the strategic state goals in the Arctic]. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, no 4, pp. 139-150.

Сельская неформальная экономика крымского села Новоалексеевка

Т.Ю. Гусаков

Тимур Юрьевич Гусаков, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

Статья посвящена анализу ситуации, сложившейся в конкретной крымской деревне в результате динамичного развития неформального сектора экономики в 1990-е годы после распада Советского Союза. Делается попытка адаптации существующих классификаций неформальной экономики под специфические особенности сельского Крыма. На неформальные связи оказывают воздействие в первую очередь экзогенные силы — возвращение депортированных народов, крушение колхозного строя и особенности украинского государственного строительства. Сельская местность стала заложником социально-экономических преобразований в постсоветский период, найдя для себя единственный способ адаптации и выживания в условиях «дикого капитализма» в отказе от подчинения неэффективным формальным институтам и замене их неформальными. «Опора на собственные силы» стала главным лозунгом крымского села в «лихие 90-е». Под влиянием этнических, идеологических межкультурных разногласий и дефицита доверия строится новая модель сосуществования сельских жителей — *громада* (аналог дореволюционной сельской общины), опутанная неформальными связями. Синтез разнообразных ментальных особенностей порождает специфические виды неформальной экономики. Наблюдалось традиционное смещение ее сегментов в сторону торговли и сельского хозяйства из-за доступной ресурсной базы. Трансформация институциональной среды и социально-экономическая стабилизация способствуют сокращению в 2000-е годы доли неформального сектора в сельской экономике Крыма.

Ключевые слова: Крым, сельская местность, неформальная экономика, теневая экономика, сельское хозяйство, окрестьянивание, громада

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-4-107-129

Традиционно те или иные экономические формы часто рассматриваются в научном дискурсе либо в привязке к государству, либо к бизнесу (капиталу). Но как поступать с неформальной экономикой не совсем ясно. Т. Шанин предлагает представить экономику через аналитическую модель с двумя «идеальными» полюсами: тотальное огосударствление и «свободный рынок». В таком случае неформальная экономика представляется неким средним «эксполярным» субъектом, который выходит за рамки концепта «полярной» модели (Неформальная, 1999: 17-18).

Мировой опыт исследования сферы неформальной экономики насчитывает тысячи публикаций. Это обусловлено, в значительной степе-

ни, ее активным развитием в XX веке в период всеобщей стандартизации и лицензирования государственными институтами экономической деятельности. Но, рассматривая феномен неформальной экономики, многие исследователи были уверены, по крайней мере, в том, что это всего лишь способ выживания бедных в маргинальных пространствах — временный вымирающий тип. История же доказала обратное — неформальная экономика жизнеспособна и, следуя за экономическим ростом, порой усиливает свои позиции (Барсукова, 2015: 26).

Отставание в ее изучении советско-российского научного сообщества от общего тренда можно объяснить господством монополии государства на ведение экономической деятельности и его тотальным контролем над ситуацией. В таких условиях неформальная экономика не могла свободно развиваться, и тем самым она упустилась из вида в научных исследованиях.

«Разложение» советского строя в результате трансформации всей системы в постсоветской России породило процесс актуализации неформального сектора экономики. Так, в 1990-е годы, вырвавшись из жестких рамок советского плана, экономика порождает все новые и новые виды «неформальности». Неформальные виды хозяйствования охватывают большие экономические пространства, став для некоторых слоев общества единственным шансом выжить в условиях «дикого капитализма».

На современном этапе развития неформальный сектор экономики в России играет важную роль. Это нашло отражение в смещении интересов научного сообщества в сторону изучения причин возникновения и развития неформальной экономики.

Существуют два подхода к концептуализации понятия «неформальная экономика». В первом случае внимание акцентируется на характере взаимодействия предприятий-«неформалов» с внешними агентами (государством, клиентами, кредиторами). Второй подход определяет неформальную экономику в контексте ее нарушений законов (Барсукова, 2009: 26-27). Так, С.Ю. Барсукова определяет *неформальную экономику* как совокупность видов хозяйственной деятельности, полностью или частично не подчиненных государственному регулированию, не подкрепленных формальными контрактами и не фиксируемых статистическим и налоговым учетом (Барсукова, 2012: 31). Неформальная экономика включает в себя большой пласт хозяйства, необлагаемого налогами и исключенного из-под контроля государства. Тем не менее хотя прямых поступлений в бюджет государства нет, имеет место косвенное воздействие на экономическое пространство и говорить о том, что это полное абстрагирование от легального мира, нельзя.

Попытки классификации

Тотальная свобода выбора деятельности и жесткость социально-экономической ситуации в государстве проявилась во втягивании

постколхозников в неформальную экономику не по собственному желанию, а принудительно, дабы *свести концы с концами*. Иными словами, в мире полной экономической свободы как таковой свободы не наблюдалось вовсе.

Попробуем классифицировать виды хозяйственной деятельности, в которые по воле случая вовлекались сельские жители, по критериям Международной организации труда (МОТ). Получатся две большие группы — *теневая* и *нестандартизированная* экономика. К теневой экономике будут отнесены виды деятельности незарегистрированных предпринимательских единиц, к нестандартизированной — отрасли, регистрацию которых государство не предполагает (Білокурський, 2001: 52-53).

Сельская местность не ограничивается производством товаров и услуг только сельского хозяйства, поэтому нестандартизированную экономику справедливо сегментировать еще и на виды *сельскохозяйственного* и *несельскохозяйственного* производства (рис. 1).

Теневая экономика дифференцирована на *нелегальную* и *скрытую*. К нелегальной можно отнести деятельность, которая по определенным причинам запрещена или ограничена законодательством государства, в скрытую входят операции, которые проводят зарегистрированные предпринимательские единицы без ведома государственных инстанций (скрываются некоторые факты деятельности) (Білокурський, 2001: 53).

Много споров внутри академического сообщества вызывает отождествление при некоторых оценках неформальной (теневой) экономики с «криминальной». Противники отождествления утверждают, что неформальная экономика — это эффективное средство рыночного хозяйствования в сложных экономических условиях и с «криминалом» ничего общего не имеет, поскольку ее цели оправданны, неприемлемы лишь средства (Ревенко, 1996; Пасхавер, 1996; Барсукова, 2004: 212). Однако отдать предпочтение одной из этих полярных точек зрения было бы несправедливо, поскольку понятие неформальной экономики включает в себя оба эти утверждения на условиях паритета.

Существуют и альтернативные классификации. Например, Н.В. Зубаревич, определяя неформальную экономику как виды экономической деятельности, которые не учитываются статистикой, не подпадают под налогообложение и не фиксируются юридически контрактами, выделяет следующие (Зубаревич, 2017):

- *теневая* (нарушения в виде невыплат налогов, серой заработной платы и др.);
- *криминальная* (производство запрещенных государством товаров и услуг);
- *домашняя* (производство товаров для домашнего потребления);
- *реципрокная* (взаимообмен дарами)

Уместным будет привести пример классификации западных исследователей, из которых наиболее известной является типология

Рис. 1. Классификация неформального сектора сельской экономики

Джонатана Гершуни, разбившего неформальный сектор экономики на три блока (Gershuny, 1983; Барсукова, 2009: 53);

- *household economy* — экономика домохозяйства (неоплачиваемая деятельность по производству товаров и услуг для домохозяйства);
- *communal economy* — общинная экономика (добровольная безвозмездная деятельность на благо общества);
- *underground economy* — подпольная экономика (скрывание от властей деятельности с целью ухода от налогов или из-за использования противоправных действий).

«Крымская специфика»

В конце 1980-х годов на Крымском полуострове сложилась специфическая ситуация. После реабилитации из мест депортации (среднеазиатских республик) стали активно возвращаться репатрианты, высланные в 1944 году¹. Однако пригородные и югобережные районы Крымской области были уже заселены в основном славянскими переселенцами и проблему попытались решить, предоставляя возвращенным народам земли в степной сельской местности. Направлению в деревню *возвращенцы* не противились, здесь они получали земельные участки под застройку. Это во многом сконструировало уникальный крымский сценарий развития сектора сельской неформальной экономики со своими специфическими чертами, не присущими другим регионам ни Украины, ни России. Сегодня картина напоминает нечто среднее между истощенным Нечерноземьем и модернизирующим сельское хозяйство Югом России.

1. Депортации крымских народов — это серия мероприятий весны-лета 1944 года, направленная на объявление предателями и высылку ряда этнических групп (крымских татар, армян, болгар, греков, цыган) с территории Крымской АССР в Сибирь и среднеазиатские республики без права на возвращение из мест спецпоселения.

Влияние возвращающихся репатриантов (по большей части крымских татар) было существенно и определило вектор развития неформального сектора, в первую очередь в сторону расширения его сельскохозяйственного блока. Тяжелые условия, в которых репатриантам пришлось устраивать свою жизнь, спровоцировали *окрестьянивание* многих бывших горожан: бывшие жители узбекских городов без сопротивления и особого труда принимали сельский уклад со всеми вытекающими из него следствиями (работа на земле, выращивание скота, понижение социального статуса).

Сращивание неформальных практик крымскотатарской диаспоры и привычного колхозного «расхищения» при отсутствии контроля властей и дефицита ресурсов приводили к погружению больших экономических пространств в «тень». Так, в 1990-е годы между украинской властью и местным населением был заключен негласный социальный контракт: *«власть не требует налогов, но и не предоставляет социальные гарантии»*. Тем самым новообразованное государство продемонстрировало свою беспомощность в модерировании процессов, происходящих в экономике на локальном уровне. Если в городах регуляторами часто выступали мафиозные структуры, то в крымских селах подобные структуры формировались из представителей драйверов развития экономики — торговцев, арендаторов земель сельскохозяйственного назначения, бывшей колхозной верхушки, лиц², имевших доступ к рычагам воздействия на определенные слои общества.

В эру либерализма и глобализации структурное регулирование экономики не должно ограничиваться простой заменой плана рынком и контрактами (Тамаш, 2003: 22), чем, к сожалению, в условиях становления украинской государственности часто злоупотребляли.

Площадкой, концентрирующей мощности неформального сектора, стал *базар*. Практически все неформалы реализовывали свою продукцию именно здесь. Описанная еще в далеком 1963 году Клиффордом Гирцом каноническая «базарная экономика» расцветала в Крыму 1990-х. И этому обстоятельству способствовали как раз вышеупомянутые *возвращенцы*, которые привезли традицию восточного базара «в своем чемоданчике». На бывший колхозный рынок, куда стекались сельские жители, дабы сбыть излишки, произведенные в личных подсобных хозяйствах, пришла особая группа — *«перекупщицки»*. Это были предприимчивые «профессиональные» торговцы, которые по дешевым ценам скупали товары у производителей (домашних хозяйств) и реализовывали их потребителям уже втридорога, неся минимальные издержки. В советское время представители данной группы подвергались общественному порицанию и стигматизации, их пренебрежительно называли *спекулянтами*. Отношение к спекулянтам не изменилось и в пост-

2. В круг таких лиц входили два слоя сельского общества — представители малого бизнеса и «рэкета».

советский период, перейдя из-за безысходности в скрытую форму презрения.

Сельские жители использовали личные подсобные хозяйства как базу для ведения экономической деятельности, для некоторых фундаментом создания дела в границах собственного домовладения стали когда-то выкупленные из колхозного стада, «отбракованные нетели». Между жителями устанавливались неформальные связи, через которые впоследствии периферийные элиты взаимодействовали друг с другом, поэтому справедливо считать личное подсобное хозяйство каркасом постсоветской сельской неформальной экономики.

В Крыму под влиянием роста бюрократических барьеров для бизнеса, неэффективности принимаемых властями решений и значительным превышением регулирующих амбиций государства над его возможностями к принуждению исполнения правил сформировались мощные неформальные институты. Они способствовали установлению баланса в социально-экономической обстановке на локальном уровне, выработке механизмов принуждения и исполнения обязательств, в том числе и в сельской экономике.

Ситуация в неформальном секторе экономики начала меняться в 2000-е годы, причем кардинально. Разрушение выстроенной системы неформальных связей из-за частичного вытеснения представителей «партийной номенклатуры» из институтов власти привело к легализации обширных секторов экономики. Сегодня издержки от укрывания бизнеса для малых предпринимателей значительно выше, чем от введения его в область формальных отношений.

Новоалексеевка как «геотон»³

Для более детального анализа неформального сектора сельской экономики Крыма справедливо будет взять конкретное село со средними природно-климатическими, демографическими и социально-экономическими показателями. В качестве такого кейса мы выбрали село Новоалексеевка Красногвардейского района, расположенное в степной зоне на равном удалении от двух крымских географических крайностей — гор и засушливого солончатого Присивашья. Это не глухая периферия, но и не пригородная зона (до ближайшего города около 40 км), его положение корректируется наличием поблизости (в радиусе 1 км) крупного поселка городского типа

3. Понятие «геотон» — аналог «эктона», только применительно к географическому пространству. Термин «эктон» введен в научную литературу в первой половине XIX века для определения переходных территорий (зон) между биомами (тундра — хвойные леса), а также для верхней границы леса в горах. Впоследствии, с развитием экологии и фитоценологии, понятие эктона сузилось до территории стыка или зон резкого перехода между двумя и более различными экологическими видами (Малиновский, 2003: 73).

и оживленных транспортных путей международного значения (автомобильной дороги «Симферополь — Харьков» и железнодорожной магистрали «Севастополь — Харьков — Москва»).

В августе 2017 года нами был проведен ряд глубинных интервью с представителями неформальной сферы и местной власти. Статистической базой исследования послужили материалы архива Амурского сельского поселения, а именно — Похозяйственные книги села Новоалексеевка с 1986 года по настоящее время.

Во время нахождения исследуемой территории под юрисдикцией Украины эволюция этой крымской деревни под давлением рынка проходила замедленными темпами, ситуация долгое время оставалась статичной. И причина тому отнюдь не природные условия, а скорее отсутствие взвешенной государственной политики по вопросу дальнейших перспектив использования бывших колхозных фондов. При многолетней политике «бюджетов проедания» последние были отданы на откуп населению и по большей части стали жертвами описанной А.М. Никулиным *асъендизации* (Никулин, 2002). Процесс приватизации имущества бывших коллективных хозяйств местными элитами был окрещен крымскими СМИ политикой «*дерибана*».

Бывшие колхозные мощности стали для многих предприимчивых сельских жителей уставным капиталом, на фундаменте которого строились крестьянские фермерские хозяйства (КФХ) с большой долей неформальных доходов и прибыли. Новые фермеры — это бывшие колхозные функционеры, имевшие доступ к ресурсу и быстро сориентировавшиеся во время кризиса колхозной системы. Они сформировали костяк неформального сектора, в который впоследствии включились иные группы трансформирующегося общества. А именно — «вновь прибывшие» представители крымскотатарского этноса, не успевшие к разделу «колхозного пирога» и вынужденные собирать капитал из того, что осталось, используя деньги, вырученные от продажи имущества в Узбекистане. Именно крымские татары стали первыми «чистыми неформалами», которым удавалось заниматься экономической деятельностью в «тени», без посягательств на их «свободы» от государственных институтов. Сформированные ими предпринимательские единицы добивались рентабельности по большей части благодаря неформальной занятости и низкой оплате труда наемных работников, то есть — минимальными издержками. Их личностные качества, лояльность формальной институциональной среды и несовершенство законодательной базы во время государственного хаоса позволяли наращивать мощности производства, втягивая в неформальную экономику все новых и новых *постколхозников*.

Представляет интерес то, как в зависимости от той или иной маеры государственного управления в сельской местности менялась доля занятых в неформальном секторе экономики и численность акторов — неформальных «работодателей» (см. рис. 2). К слову, описания акторов 1990-х годов и «эксплуататорский класс» большевиков сильно совпадают, а потому здесь вполне уместна фраза «с чем

боролись, на то и напоролись». И действительно, первые неформалы, воспользовавшись моментом высокой безработицы, эксплуатировали оставшихся ни с чем рядовых колхозников, у которых не было альтернативного способа заработка.

Сокращение численности неформалов происходило пропорционально снижению разницы между ценой легализации предпринимательства и укрывания от закона, а также стабилизации социально-экономической ситуации. У сельских жителей появилась возможность выбора — остаться в неформальном секторе без элементарных социальных гарантий либо уехать «в город». И большинство выбирало второе, несмотря на высокие издержки (например, транспортные расходы). Рост маятниковой миграции из-за увеличения рабочих мест в городах (Симферополь, Ялта, Севастополь) проредил состав неформалов, однако не свел их численность на нет.

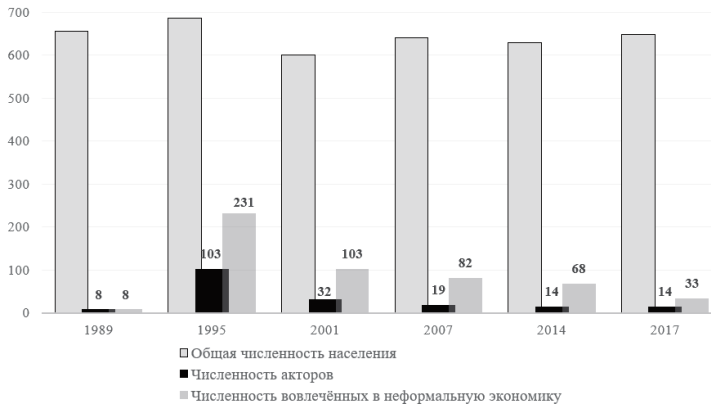
В 2000-е годы, несмотря на попытки разработки государственной поддержки предпринимателей, выходящих из тени, особой эффективности от них не наблюдалось, транзакционные издержки легализации деятельности оставались велики. Однако можно утверждать, что роль государства в сельской местности возросла. Этот процесс тормозило лишь отсутствие реальной финансовой помощи, которая оказывалась сельской местности небольшими порциями. Например, в 2010 году жителям, содержащим нетелей, по количеству голов, имеющихся в наличии у домохозяйства, была выплачена единовременная материальная помощь.

Предпосылки разрастания «неформальной» Новоалексеевки

После необратимого крушения колхозной структуры село потеряло основной источник финансирования и обслуживания социальной сферы. Функции колхоза им. С.М. Кирова, обслуживавшего Новоалексеевку, по наследству перешли к Амурскому сельскому совету, который сам находился в тяжелом положении. Чтобы почувствовать весь драматизм ситуации, можно привести пример: из-за дефицита средств в местном бюджете сельский голова⁴ просил жителей Новоалексеевки помочь в проведении парового отопления в здание сельсовета. В селе картина была не менее удручающей: инфраструктура деградировала, бывшие колхозные постройки в прямом смысле слова растаскивались при попустительстве местных властей. И сейчас по селу ходит история: *«Председатель сельсовета ездил на велосипеде на работу мимо Новоалексеевского клуба, который разбирали постепенно на камни. Однажды он остановился возле руин и задался вопросом: «А где клуб?!»*

4. Сельский голова является главным должностным лицом территориальной общины села (добровольного объединения в одну территориальную громаду жителей нескольких сел) и главой исполнительного комитета соответствующего сельского Совета в Украине (Закон України від 21.05.1997).

Рис. 2. Число жителей Новоалексеевки, вовлеченных в неформальную экономику на фоне общей численности населения села⁵

Источник: Подсчитано автором на основании данных Похозяйственных книг села Новоалексеевка, хранящихся в архиве Амурского сельского поселения

Отсутствие колхоза-регулятора и несостоятельность формальных институтов способствовали созданию дискретной неформальной формы самоорганизации — *громады* (современная интерпретация дореволюционной сельской общины), в которую был встроены каждый житель, выполняя предписанные функции на добровольных началах.

Громада — это более формальная организация сельского сообщества, предложенная и сформированная внешней силой⁶, но исходя из внутреннего желания и убеждения жителей села. В то время она была в известной степени необходимой формой жизнеобеспечения села, поскольку жители разобщенно бездействовали, не пытаясь организовать пространство вокруг себя, апатично наблюдая за разрушением инфраструктуры.

Однако ситуацию усложнял тот факт, что в ряды громады интегрировались и вновь прибывшие крымские татары — «чужаки», с которыми не удавалось выстраивать доверительные отношения. Как говорили: «Я с ним в колхозе не работал...» Происходило об-

5. Данные взяты из Похозяйственных книг с. Новоалексеевка, хранящихся в архиве Амурского сельского поселения. Данные скорректированы с помощью информации, полученной от респондентов (местных жителей села).

6. Под внешней силой подразумевается деятельность Программы развития и интеграции Крыма при ООН (ПРИКООН), которая действовала на территории полуострова в период с 1995 по 2014 г. Цель программы — способствовать сохранению мира и стабильности в Крыму, поддерживая инициативы по предотвращению межэтнических конфликтов в многонациональных поселках полуострова.

особление некоторых групп жителей («татары», «херсонцы», «цыгане»), препятствующее возникновению коллективных действий. Сформированная изначально представителями местной элиты громада разрасталась, поглощая постепенно всех жителей села. Рост размеров, согласно логике коллективных действий М. Оллсона, способствовал увеличению числа «отлынивающих». Например, на собраниях большинство выступало в поддержку субботников по благоустройству территории, но участвовали в них далеко не все.

На начальных этапах сказывалась еще и настороженность друг к другу христианского (русских и украинцев) и мусульманского (крымских татар) населения (*«На татар работать не пойду!»*). Лозунг «Выжить всем миром!» на крымской почве не сработал в первую очередь из-за недостаточной информированности о новых соседях. Поэтому целостной и эффективной сельской громады не вышло, однако в каких-то вопросах, например, обслуживания инфраструктуры, удавалось договариваться.

В 1990-е гг. взаимодействие по предоставлению товаров и услуг между жителями осуществлялось на бартерной основе: «ты мне огород вспашешь, а я тебе ворота смастерю». Наиболее предприимчивые, когда бартер был невозможен, «записывали в долговую тетрадку до лучших времен». Так неформальная экономика в 1990-е годы абсорбировала инфляционный риск.

Сектор неформальной экономики разрастался, несмотря на фундаментальные разногласия и период притирки. В 1994 году «лопнул» колхоз-миллионер, обстановка в государстве напоминала падение в пропасть, исчез источник кормления личных подсобных хозяйств. «Все развалилось...» В условиях безысходности сельский житель решил опираться на собственные силы, начинать свое дело на тех ресурсах, к которым он имел доступ. Происходила автаркизация сознания сельских жителей: если человек работал механизатором, то выкупал трактор, и это был его первоначальный капитал. Ясно, что нужда обусловила всплеск экономической активности.

Конечно, не только доступ к ресурсам играл роль, а еще и личностные качества. Из-за этого маргинализация и люмпенизация села не имела такого размаха, как в других регионах Украины и носила локальный характер. Новоалексеевка была наполнена в основном переселенцами в первом поколении. Это часто авантюристы по своей природе, не побоявшиеся бросить все в «насиженных местах» ради туманных перспектив и выгод в степном Крыму, они быстро адаптировались к новым вызовам современности.

Имелись, конечно, в их рядах случайные люди, они и составили основу формировавшегося еще с советских времен меньшинства «деклассированных элементов» (см. рис. 3). Но и представители этой группы могут быть одновременно маргиналами и неформалами. Да, производить товары они не способны, а вот оказание услуг — основной источник получения ими вознаграждений (*«заработать на бутылку и кусок хлеба»*).

Рис. 3. Численность деклассированных элементов на фоне занятых в неформальном секторе экономики

Источник: Подсчитано автором на основании данных Похозяйственных книг села Новоалексеевка, хранящихся в архиве Амурского сельского поселения

Бедность и непредсказуемость ситуации не позволяли что-то загадывать на долгосрочную перспективу. И как только социально-экономическое положение начало демонстрировать признаки стабильности, неформальный сектор стал отходить на второй план. Причина — социальная незащищенность «в тени» и желание «заработать на пенсию». Появилась возможность подумать и о завтрашнем дне, а не только «день прошел — и слава Богу...». Конечно, положение *постколхозников* в 2000-х гг. не выровнялось в одночасье, но тренд поменял вектор, достигнув точки минимума, медленно потянулся вверх (см. рис. 4).

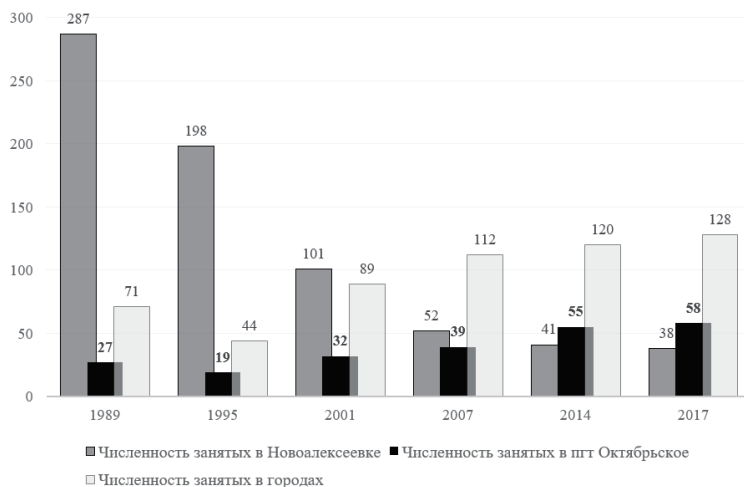
Заметим, что маятниковая миграция и отходничество в 1990-е годы здесь не играли большой роли из-за следующих причин:

- психологических барьеров («Я такой колхозник, и что я там в городе смогу...»);
- маломобильности сельского населения (работа на протяжении более 20 лет в пределах своего населенного пункта);
- отсутствия рабочих мест в городах с доходом, компенсирующим транспортные издержки.

Максимальное расстояние, которое обычно преодолевали местные сельские жители, — это километр до ближайшего крупного населенного пункта — поселка городского типа Октябрьское. Редкими были даже поездки в города за приобретением товаров и получением услуг, делалось это лишь при острой необходимости. В отход отправлялись самые отважные, способные жить без семьи продолжительное время, но их количество настолько невелико, что эту категорию можно не брать в расчет. Однако уже в начале 2000-х го-

Т.Ю. Гусаков
Сельская неформальная экономика крымского села Новоалексеевка

Рис. 4. **Распределение жителей по расположению их места работы в период с 1989 г. по настоящее время**

Источник: Подсчитано автором на основании данных Похозяйственных книг села Новоалексеевка, хранящихся в архиве Амурского сельского поселения

дов поездка на утренней электричке на работу становится нормой, поскольку официальное трудоустройство и относительно высокий доход вне села более привлекателен.

Сегментация неформального сектора

Как уже было упомянуто, неформальный сектор экономики включает в себя два больших сегмента — теневую и нестандартизированную экономику. В свою очередь, теневая экономика с точки зрения легализации действующих лиц подразделяется на *нелегальную* и *скрытую*.

В Новоалексеевке к нелегальной экономике можно отнести следующие запрещенные законодательством виды хозяйственной деятельности:

1. поиск и прием лома черных и цветных металлов;
2. воровство;
3. производство и распространение наркотических средств;
4. производство и распространение суррогатных алкогольных напитков;
5. предоставление услуг по ремонту автомобилей; «батрачество».

Конечно, некоторые из этих видов имеют лишь косвенное отношение к экономике, например, грабежи или *батрачество*.

Пункт приема лома черных и цветных металлов располагался на территории домохозяйства актора. Успех данного предприятия заключался в том, что в советский период хозяйства накопили большое количество невостребованного лома черных и цветных металлов — старая сельскохозяйственная техника, предметы быта. Кроме того, в наследство молодому украинскому государству осталась уйма инфраструктурных объектов, которые оказались без надзора, — теплотрассы, линии электропередач, железнодорожные линии, колхозные постройки. Все это беспрепятственно разворовывалось из-за слабости института частной собственности и бесхозяйственности государства.

Феномен «воровских семей» зародился и «вымер» в 1990-е годы. Это семейные кланы, все члены которых были связаны круговой порукой воровства. Они осуществляли грабежи из личных подсобных хозяйств своих односельчан по заказу и наводкам координаторов. Данное явление стало возможно при слабости сельской громады и невмешательстве в дела деревни органов внутренних дел. «Они воровали в колхозе. Когда его не стало, семья не смогла остановиться и начала воровать у своих...»

Производство и распространение наркотических веществ и суррогатных алкогольных напитков можно объединить в один блок, поскольку на эти виды деятельности монополию сохраняет за собой государство. Однако некоторые жители предпринимали попытки их изготовления, тем самым преступая закон. Самогонварение — традиционный вид неформальной экономики деревни еще с дореволюционных времен, но промышленные масштабы эта отрасль приобрела с введением в действие Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогонварения» от 16 мая 1985 года.

Если до начала антиалкогольной кампании факты самогонварения носили эпизодический характер, то в период перестройки «самогонный аппарат пришел в каждый дом» («Гнали из всего, что способно было бродить... Кто для себя, на праздник, а кто и на продажу»). Доходило до крайности, даже председатель колхозного «Общества трезвости» приторговывал домашним вином. В деревне появились так называемые «точки», где жители реализовывали суррогатный алкоголь («самогон»), произведенный в собственных домохозяйствах. Они сохранились и после снятия «алкогольных» ограничений в постсоветский период и были актуальны во времена дефицита денежной массы. В современное время суррогаты заменили дешевой контрафактной продукцией⁷, которую реализуют нелегально в сельском магазине «из-под прилавка», без

7. *Контрафактная продукция* — это продукция, выпущенная с неправомерным использованием известных на рынке товарных фирменных знаков, что вводит в заблуждение покупателей и ущемляет интересы владельца торгового знака (Барсукова, 2004: 212).

прохождения обязательного государственного лицензирования. Что же касается наркотических средств, то это изобретение 1990-х годов. До этого такой проблемы, как наркомания, перед сельским обществом не стояло.

Предоставление услуг по ремонту легковых автомобилей носило единичный характер и стало актуализироваться в период насыщения рынка транспортными средствами. Это единственный блок сельской неформальной экономики, который входил в сферу интересов организованных преступных групп, занимающихся racketом, поэтому его развитие пристально курировалось.

И последний тип нелегальной экономики, или неформальной занятости — *батрачество*. Батрачество выступает реинкарнацией старого, давно забытого «пережитка империализма», возродившегося в эпоху «дикого капитализма». Состоятельные представители в основном татарского населения в качестве батраков использовали и используют в настоящее время деклассированные элементы, «люмпенов», по Марксу, лишившихся всякой собственности и принуждаемых к тяжелой работе за натуральную оплату.

Скрытая неформальная экономика включает в себя следующие операции, проводимые зарегистрированными предпринимательскими единицами:

1. вспашка огородов;
2. привлечение рабочей силы без заключения контрактов (включая неформальную занятость);
3. торговля на рынке («перекупщики»);
4. оказание электросварочных услуг.

Специфика хозяйственной деятельности на современном этапе заключается в легальном ведении бизнеса, но с одной или несколькими скрытыми «неизвестными». В их роли выступают незадекларированные и скрытые от налогообложения услуги, оказываемые населению за денежные средства. В момент зарождения своего дела предприниматели находились всецело «в тени», однако со временем, при снижении транзакционных издержек, они частично легализовали бизнес, диверсифицируя его.

С *вспашки огородов* начиналась деятельность бывших колхозных механизаторов, в чьих руках, при распродаже фондов, оказался трактор. Позже некоторые создали свои крупные фермерские хозяйства, арендуя у пайщиков до тысячи гектаров земли сельскохозяйственного назначения.

Привлечение дешевой рабочей силы без заключения контрактов, сугубо по устной договоренности давало возможность *возвращенцам* аккумулировать первоначальный капитал для развития бизнеса. Сельские жители, оставшиеся без работы после ликвидации колхозов, в поисках заработка готовы были трудиться на арендованных неформальными предпринимателями полях за «кусочек хлеба». Десятки бывших доярок и разнорабочих, не сумевших адаптироваться к новым вызовам среды, вручную окучивали гряд-

ки в теплицах и на плантациях, получая в месяц чуть более 30 долларов США⁸ (1998 г.). Использование ручного труда на таких производствах было практически повсеместным.

Газоэлектросварщик в крымской деревне — специалист незаменимый и востребованный во всех отраслях легальной и неформальной экономики. Сконструировать паровое отопление в доме, сварить тепличный комплекс, отремонтировать разваливающийся советский трактор или стянуть обветшалый дом — везде необходимы *сварочные работы*. Но оказывать такого рода услуги можно лишь после получения лицензии, поэтому в большинстве случаев деятельность оставалась скрытой от закона.

Нестандартизированную экономику Новоалексеевки можно разделить на две группы по специализации видов деятельности: это производство сельскохозяйственных и несельскохозяйственных товаров и услуг. Украинское государство долгое время не требовало прохождения лицензирования производимой в ЛПХ продукции и услуг. Наоборот, реализовывались целевые программы по стимулированию неформальной составляющей сельской экономики: это была финансовая помощь и оказание дополнительных услуг на бесплатной основе (например, ветеринарный осмотр поголовья крупного рогатого скота в личных подсобных хозяйствах).

К сельскохозяйственным видам хозяйственной деятельности можно отнести следующие:

1. огородничество (виноградарство);
2. разведение крупного и мелкого рогатого скота, свиноводство;
3. птицеводство;
4. пчеловодство;
5. предоставление услуг по выпасу сельского стада крупного рогатого скота.

Мощным пластом неформального сектора экономики Новоалексеевки является традиционная сельскохозяйственная деятельность, показавшая свою живучесть в *постколхозный* период. Доминирующим в блоке является *разведение крупного и мелкого рогатого скота*, в первую очередь коров, коз и овец, для получения мяса и молока и последующей их реализации на «базаре».

Что касается молока и мяса, то довольно быстро здесь сформировалась неформальная кооперация. Производители кисломолочной продукции по устной договоренности ежедневно собирали молоко у местных жителей по сдельным ценам. То же происходило с излишками мяса в домашних хозяйствах, которые реализовывались через *«мясников-перекупщиков»*. Сокращение продукции животноводческой отрасли наблюдалось в 2000-х годах, когда произошло старение переселенцев и для трудоемкого содержания живности у сельчан не оказалось «ни сил, ни времени». В настоящий

8. Для того времени это был неплохой доход среди тотальной безработицы и безденежья в сельской местности.

момент в ряду животноводов остались лишь те, кто сделал содержание скота заработком, отказавшись от иного трудоустройства.

Трудности содержания крупного рогатого скота заключаются в необходимости каждодневного сезонного выпаса. В результате взаимодействия между сельскими жителями-скотоводами формировалось коллективное сельское стадо. Для его выпаса нанимались «профессиональные» пастухи, а точнее *семьи пастухов*, где это стало основой получения доходов для всех членов. Промысел востребован и достаточно стабилен, несмотря на сокращение количества коров в домашних хозяйствах.

Огородничество — отрасль, которая в крымских условиях подвержена ряду лимитирующих факторов — дефицит водных ресурсов, относительная континентальность климата и рискованное земледелие из-за возвратных холодов (весенние заморозки). На начальном этапе огородничество в промышленных масштабах осуществлялось по колхозной «методологии» и было подвержено сезонности, так как овощи выращивались в открытом грунте с привлечением ручного труда дешевой рабочей силы. Избавиться от сезонности стало возможно путем строительства тепличных комплексов в домашних условиях. Но начиная с 2014 года, после перекрытия Северо-Крымского канала и возникшего дефицита поливной воды, огородничество стало сворачиваться. Некоторые хозяйства переориентировались на выращивание засухоустойчивой культуры — *винограда*, однако объемы продукции ничтожны и используются только в домашних хозяйствах.

Птицеводство на базе личных подсобных хозяйств представлено выращиванием птицы (кур, уток) бройлерной породы, которые ежегодно откармливаются за летний период и реализуются в виде тушек на рынке самостоятельно.

Традиционно неформальным остается производство меда, выстроенное на личных контактах пасечника с односельчанами. Успех данного рода дела зависит от соблюдения режима правильного функционирования пасеки (своевременный вывоз на природу, размещение у полей, засеянных необходимыми культурами, центрифугирование меда, производство воска). Пчеловоды формируют свою клиентскую базу, под которую ориентируют объемы производимой продукции, так как некоторые виды меда не способны долго храниться.

Наряду с сельскохозяйственными существуют и не имеющие отношения к сельскому хозяйству виды деятельности жителей Новоалексеевки, это:

1. выкапывание могил и иные нематериальные ритуальные услуги;
2. реализация пассажирам поездов продукции личных подсобных хозяйств;
3. перепродажа готовой непищевой продукции;
4. предоставление иных услуг.

Городские структуры ритуального бизнеса практически не проникли в сельскую местность. Некоторые функции, например, «зем-

лекопов» отданы на откуп местным жителям в основном из числа маргиналов («за бутылку»), они были весьма востребованы в 1990-х гг. из-за повышения уровня смертности. Еще одной статьей ритуального бизнеса, выведенного в неформальную сферу, оказались отпевания, которые по причине нехватки священников частично перекаладывались на пожилых женщин («бабок»). Эти «промыслы» изживали себя по мере появления в селе священнослужителей. К концу 2000-х гг., однако, возникла проблема — «и моголу выкопать некому!»

Следуя на поезде из Москвы в сторону Краснодара, можно заметить, что чем южнее, тем больше торговцев на станциях. Не стала исключением и крупная железнодорожная станция Элеваторная (линия Харьков — Симферополь), расположенная в километре от Новоалексеевки. Из-за насыщенности пассажирского сообщения между городами Украины и Крыма, многие «неформалы» носили «к поездам» на продажу товары производства собственных личных подсобных хозяйств (фрукты, овощи и др.). Изменение политики «Україзалізниці» по введению скоростных поездов⁹ привело к сокращению количества поездов, имеющих остановку на ст. Элеваторная, до минимума. А закрытие пассажирского сообщения с Украиной после 2014 года полностью свело на нет данный вид занятости населения.

Перепродажа непищевых товаров пришла в сельскую местность вместе с цыганами, которые ходили по дворам и предлагали жителям приобрести различные изделия из ткани. В 2000-е годы, после распространения на Украине сетей компаний Avon и Oriflame, на местах появилось большое количество полуполюгальных «консультантов» из числа местных жителей, которые реализовывали косметическую продукцию и получали доход от наценки («процент от продаж»).

К блоку иных несельскохозяйственных услуг относится работа швеи и вязальщицы, медицинского работника при отсутствии фельдшерско-акушерского пункта.

Не стоит забывать о таком феномене, как «челночество», которое стало актуальным в 1990-е годы (см. Яковлев, 2006). Дефицит товаров народного потребления после крушения СССР спровоцировал вовлечение большого количества населения в массовую неупорядоченную торговлю. В сельской местности Крыма эта практика также была достаточно распространена, поскольку *заглохшая* промышленность Украины не справлялась с обеспечением горожан продуктами питания. «*Журавлиный клин*» обездоленных селян потянулся с чемоданами и «*кравчучками*»¹⁰, нагруженными продук-

9. Замена поездов скорыми с сокращением количества остановок.

10. *Кравчучка* («кучмовоз») — это шутовское название в Украине разновидности ручной тележки для перевозки грузов, которая представляет собой складную L-образную раму с двумя колесами, на которую кладется сумка, мешок или ящик (Кравчучка, 2017).

цией личных подсобных хозяйств (овощи, цветы, сало, орехи и др.), в крупные города на электричках и поездах. Логика выбора места торговли (города) была проста: *«Пустили слух, что в Николаеве нет чеснока, — мы набили им чемодан и бегом на одесский поезд... И с утра уже торгуем там на рынке».*

На спад движение «челноков» пошло уже к концу 1990-х годов, а в 2000-х практически перестало существовать из-за увеличения транспортных тарифов и сокращения числа пассажирских поездов. Своеобразным символом той эпохи стала вышеупомянутая тачка-«кравчучка», названная в честь первого украинского президента Л.М. Кравчука, в период правления которого явление приобрело массовый характер (Кравчучка, 2017). Она перевезла миллионы тонн грузов и была запечатлена даже в литературе, ее воспел киевский поэт Вадим Скомаровский в «Альманахе киевских юмористов и сатириков»:

На ринку жінка симпатична
Лаштує тачку чи візок.
Погодьтеся, картина звична: Мало́го бізнесу зразок.
«Кравчучка», — хтось лукаво гляне,
А жінка по прилавку — грюк:
«Це — винахід мого Степана,
І ні до чо́го тут Кравчук!»

Этническая монополизация неформального сектора

Национальная составляющая неформальной экономики села очевидна. Бывшие горожане из числа крымских татар, адаптировавшись в деревне, после 2000 года не видели для себя альтернативы, кроме занятия сельским хозяйством. Даже рост заработной платы и создание рабочих мест не смогли переломить тренд по диверсификации собственного дела в сельской местности.

На данный момент в числе «неформалов» остаются самые стойкие — крымские татары и представители старой колхозной креатуры, сумевшие сконцентрировать в своих руках львиную долю колхозных фондов за счет аренды и обработки *«распаеванных»* земель. Их деятельность напоминает сельское хозяйство 1930-х годов, которое страдало от дефицита производственных мощностей и нуждалось в технической модернизации. Ведь об изношенности комбайнов «Нива» кричали еще на собраниях правления колхоза в 1994 году, а они и ныне в строю в некоторых КФХ¹¹.

Представителей русского населения среди неформалов ничтожно мало. Напротив, основные крупные меньшинства — украинцы

11. КФХ — крестьянское фермерское хозяйство.

и крымские татары занимают доминирующее положение, сохраняя и пропагандируя сельский образ жизни. Такая ситуация частично объясняется разницей в жизненных устремлениях. Для крымско-татарского юноши приоритетом является строительство большого собственного дома, создание семьи и продолжение дела родителей на своей земле. Русских урбанизация усиленно притягивает в города, подальше от сельской местности. При малейшей возможности они стараются закрепиться в пригородных или городских районах, используя социальные лифты (учебу, работу, знакомых, программы государственной поддержки). Представители украинского этноса — чаще балансируют между этими двумя крайностями, прежде всего ставя во главу угла успешность собственного дела вне зависимости от геолокации.

Отдельно оказываются представители цыганской народности. В Новоалексеевке цыгане, или, как их именуют институты власти, — ромы, проявили себя в качестве самых способных и предприимчивых представителей неформального сектора, занимающих нишу его нелегальной составляющей. «Неформальные неформалы», они привыкли заниматься тем, что скрыто от государственного надзора. Основными видами их хозяйственной деятельности являются производство и реализация наркотических средств и суррогатных алкогольных напитков, поиск и прием лома черных и цветных металлов, грабежи и «батрачество».

В советское время этот кочевой народ отказался от странствий и пытался вести оседлый образ жизни. Впрочем, перевести их экономическую деятельность в легальную сферу и подчинить ее целиком законодательному регулированию так и не удалось. Сегодня цыгане с помощью уловок и негласного соглашения с органами внутренних дел продолжают вести нелегальную деятельность, оказываясь постоянными агентами неформального сектора экономики сельской местности.

Современная реинкарнация батрачества укоренилась в жилищных цыганских хозяйствах. Как уже было отмечено выше, они используют для этих целей люмпенов, лишенных собственности и документов. Оплатой труда батраков служит проживание, еда и алкогольные напитки. Впрочем, такого рода случаи носят эпизодический характер и не распространяются на все цыганское сообщество.

Тренд развития: кто выжил?

Начиная с 2000 года неформальный сектор претерпевает серьезные изменения, связанные с легализацией значительной его части. Происходит процесс создания формальных институтов, которые способны регулировать экономическую деятельность в сельской местности. Тем не менее некоторые виды нестандартизированной

Рис. 5. Сравнение ситуации с долей вовлеченных жителей в основные группы неформального сектора Новоалексеевки в 1995, 2007 и 2016 гг.

Источник: Подсчитано автором на основании данных Похозяйственных книг села Новоалексеевка, хранящихся в архиве Амурского сельского поселения

сельскохозяйственной экономики умышленно игнорируются государством и остаются в неформальном секторе.

Усиление регулирующих инструментов власти и повышение уровня жизни населения способствовало сокращению нелегальных областей неформальной экономики. Исчезли либо были сведены к минимуму следующие описанные выше виды хозяйственной деятельности:

- поиск и прием лома черных и цветных металлов;
- воровство;
- производство и распространение суррогатных алкогольных напитков (распространено лишь на класс маргиналов);
- реализация пассажирам поездов продукции личных подсобных хозяйств.

Произошли сдвиги в соотношении вовлеченных жителей по сегментам неформального сектора. Как указывалось выше, усиление способности регулирования экономической деятельности институтами власти привело, например, к сокращению доли теневой (в первую очередь нелегальной) и расширению *нестандартизированной сельскохозяйственной экономики* (рис. 5).

С конца 2000-х годов наблюдается стагнация в секторе неформальной экономики, численность вовлеченных остается практически неизменной, что происходило под воздействием лимитирующих факторов — сказывался недостаток ресурсной базы для развития бизнеса и старение «ядерного» класса переселенцев 1970-х годов. С 2014 года в Крыму наблюдается сворачивание неформального сектора, сужение круга вовлеченных, чему причина — отнюдь не трансформация институциональной среды. Дефицит ресурсной

базы обусловил сведение к минимуму сельскохозяйственных видов экономической деятельности, существовавших на базе личных подсобных хозяйств.

Случай Новоалексеевки — яркий и достаточно типичный пример развития неформального сектора сельской экономики Крыма. Всплеск деятельности в период «дикого капитализма» 1990-х годов, спад и стагнация 2010-х годов — закономерный процесс переформатирования экономической модели на постсоветском пространстве, но не стоит считать его завершенным. Неформальная экономика чрезвычайно пластична. Изменение вектора экономического развития в 2014 году, безусловно, приведет к образованию новых неформальных связей и отношений между жителями сельских территорий.

Библиография

- Архив Амурского сельского поселения (ААСП). Ф. 1. Оп. 2-П. (Похозяйственные книги с Новоалексеевка в период с 1986 по 2017 г.).
- Барсукова С.Ю. (2004). Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. С. 212-226.
- Барсукова С.Ю. (2009). Неформальная экономика. Курс лекций: учеб. Пособие. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшая школа экономики. С. 51-69.
- Барсукова С.Ю. (2012). Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы // Социологические исследования № 2. С. 31-39.
- Барсукова С.Ю. (2017). Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 20-28.
- Білокурський О. (2001). Неформальна економічна активність: спроба оцінки її масштабів в Україні // Наукові записки. Т. 19. Соціологічні науки / Київ: КМ «Academia».
- Борисова А. (2008). Возрождение Новоалексеевки // Огни Маяка. № 37. С. 4.
- Закон України від 21.05.1997 р. № 280/97-ВР «Про місцеве самоврядування в Україні» // Відомості Верховної Ради України (ВВР). № 24. Ст. 170.
- Зубаревич Н.В. (2017). Курс лекций «Институциональные факторы регионального развития». Презентация.
- Кравчукка (2017) // Википедия. [2017]. Дата обновления: 27.10.2017. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=88615311> (дата доступа: 27.10.2017).
- Малиновський А., Білонога В. (2003). Рослинність природних та антропогеннозмінених територій // Вісник Львівського університету. Серія біологічна. Вип. 33. С. 73.
- Неформальная экономика. Россия и мир (1999) / Под ред. Теодора Шанина. М.: Логос.
- Никулин А.М. (2002). Кубанский колхоз меж холдингом и асьендой: парадоксы постсоветской модернизации южнорусского сельского сообщества // Рефлексивное крестьяноведение. Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М. С. 343-373.
- Пасхавер О. (1996). Тіньова економіка врятувала Україну від голоду // Галицькі контракти. № 33/96. С. 76-77.
- Потерс А. (2003). Неформальная экономика и ее парадоксы // Экономическая социология. Т. 4. № 5. С. 34-53.
- Ревенко А. (1996). Тіньова економіка в Україні — сфера послуг населенню // Мониторинг економіки України. № 12. С. 19-21.
- Тамаш П. (2003). Неформальность в постсоциалистической экономике (постановочные вопросы для социологических исследований) / Пер. с англ. Ф. Погорелова // Неформальная экономика в постсоветском пространстве: Проблемы исследования и регулирования. СПб.: Центр независимых социальных исследований. С. 15-24.
- Яковлев А.А. (2006). Агенты модернизации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Rural informal economy of the Crimean village Novoalekseevka

Timur Gusakov, Junior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru.

The article considers the situation in the Crimean village as a result of the dynamic development of informal economy in the 1990s after the collapse of the Soviet Union. The author tries to adapt the existing classifications of informal economy to the specific features of rural Crimea, in which informal relations are primarily determined by the exogenous forces such as the return of deported peoples, the collapse of the collective farms system and peculiarities of the Ukrainian state building. The Crimean countryside became a hostage of the social-economic transformations of the post-Soviet period, and found the only way to adapt and survive under the “wild capitalism” in the refusal to follow the rules of ineffective formal institutions and in replacing them with informal ones. “Self-reliance” became the main slogan of the Crimean village in the ‘dashing 1990s’. Ethnic, ideological and intercultural disagreements and a lack of trust determined a new model of coexistence of rural residents — a *commonalty* (an analogue of the pre-revolutionary rural community) constituted by a network of informal ties. Combinations of various mental features determine specific types of informal economy such as a traditional shift to trade and agriculture due to the available resource base. Transformations of the institutional environment and social-economic stabilization in the 2000s contributed to the reduction of informal sector in the rural economy of the Crimea.

Key words: Crimea, countryside, informal economy, shadow economy, agriculture, peasantization, commonalty

References

- Arhiv Amurskogo selskogo poselenija* (AASP) [Archive of the Amur rural settlement]. F. 1. Op. 2-P. (Pohozhajstvennye knigi s. Novoalekseevka v period s 1986 po 2017 g.).
- Barsukova S.Ju. (2004) *Neformalnaja ekonomika: ekonomiko-sociologicheskij analiz* [Informal Economy: Economic-Sociological Analysis]. Moscow: Izd. dom GU VShE.
- Barsukova S.Ju. (2009) *Neformalnaja ekonomika. Kurs lektscij* [Informal Economy. A Course of Lectures]. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vysshaja shkola ekonomiki.
- Barsukova S.Ju. (2012) *Neformalnaja ekonomika: ponjatie, istorija izuchenija, issledovatel'skie podhody* [Informal economy: Concept, history of studies, and research approaches]. *Sociologicheskie issledovanija*, no 2, pp. 31-39.
- Barsukova S.Ju. (2017) *Esse o neformalnoj ekonomike, ili 16 ottenkov serogo* [An Essay on Informal Economy, or 16 Shades of Gray]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki.
- Borisova A. (2008) *Vozrozhdenie Novoalekseevki* [Revival of Novoalekseevka]. *Ogni Maja-ka*, no 37.
- Biloskursky O. (2001) *Neformalna ekonomichna aktivnist: sproba otsinki її masshtabiv v Ukraïni* [Informal economy: An attempt to assess its scale in Ukraine]. *Naukovi zapiski*, vol. 19. Sociologichni nauki. Kiïv: KM “Academia”.

- Geertz C. (1978) The bazaar economy: Information and search in peasant marketing. *American Economic Review*, vol. 68, no 2, pp. 28-32.
- Gershuny J. (1983) *Social Innovation and the Division of Labour*. Oxford: Oxford University Press.
- Kravchuchka (2017) <http://ru.wikipedia.org/?oldid=88615311> (Accessed on 27.10.2017).
- Malinovsky A., Bilonoga V. (2003) Roslinnist prirodnih ta antropogennozmimenih teritorij [Vegetation of natural and anthropogenically altered territories]. *Visnik Lvivskogo universitetu. Serija biologichna*, vol. 33.
- Neformalnaja ekonomika. Rossija i mir* (1999) [Informal Economy. Russia and the World]. Pod red. Teodora Shanina. Moscow: Logos.
- Pashaver O. (1996) Tinova ekonomika vrjatuvala Ukraïnu vid golodu [Shadow economy saved Ukraine from hunger]. *Galitski kontrakti*, no 33/96, pp. 76-77.
- Poters A. (2003) Neformalnaja ekonomika i ee paradoksy [Informal economy and its paradoxes]. *Ekonomicheskaja sociologija*, vol. 4, no 5, pp. 34-53.
- Revenko A. (1996) Tinova ekonomika v Ukraïni — sfera poslug naselennju [Shadow economy in Ukraine as a sphere of public services]. *Monitoring ekonomiki Ukraïni*, no 12, pp. 19-21.
- Tamash P. (2003) Neformalnost' v postsocialisticheskoy ekonomike (postanovochnye voprosy dlja sociologicheskikh issledovanij) [Informality in post-socialist economy (initial questions for sociological research)]. Per. s angl. F. Pogorelova. *Neformalnaja ekonomika v postsovetskom prostranstve: Problemy issledovanija i regulirovanija*. Saint Petersburg: Centr nezavisimyh socialnyh issledovanij, pp. 15-24.
- Yakovlev A.A. (2006) *Agenty modernizatsii* [Agents of Modernization]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki.
- Zakon Ukraïni vid 21.05.1997 r. No 280/97-VR "Pro misceve samovrjaduvannja v Ukraïni" [On Local Self-Government in Ukraine]. *Vidomosti Verhovnoï Radi Ukraïni (VVR)*. No. 24. Article 170.
- Zubarevich N.V. (2017) *Kurs leksij "Institucionalnye faktory regionalnogo razvitija"* [Institutional Factors of Regional Development]

Agrarian transformations in the former GDR in 1989–2017: A success story?

S. Merl

Stephan Merl, DSc (History), Professor, Bielefeld University; 25 Universitätsstr., 33615, Bielefeld, Germany. E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

The transformations of agriculture in the direction of privatization and adaptation to the market started in Eastern Europe and the Soviet Union in the late 1980s. Looking back from today, this was a difficult process for the economic transition was strongly influenced by changing prices and demand for agricultural goods. Today in most countries, agricultural productivity is higher though problems and uncertainties are still evident especially considering the structural changes of agricultural enterprises and their consequences for rural life. The article focuses on the country in which agrarian transformations seem to be a success story: in the GDR, the agricultural productivity grew significantly, and the new structures of the agricultural enterprises allowed competing at the world market. The author does not directly compare the former GDR and Russia though the article contributes to understanding the reasons of the problematic outcomes of the transition in Russia. The article highlights general problems of agrarian transformations such as the uncertainty of their structural aims, and puts forward the following questions: can the GDR be considered a success story transferable to other countries as the political approach in Germany was more sophisticated or is there another explanation of its success? Was the success a result of the political course, or was it, on the contrary, an unexpected result of the lack of control? Another question is the criteria for considering the transition in the GDR a success in the economic sense (increase in productivity), social (keeping up the rural community), ecological or agricultural (increase in sustainability of production). To answer these questions the author relies on the statistical data for more than two decades, monitoring data on the still ongoing transition and partly privatization and registration of new enterprises, his own studies of agricultural enterprises in different new countries together with the Russian colleagues (1992, 1997, 2002 and 2016), which allowed to understand the estimates and reactions of people to different challenges of the transition.

Key words: agrarian transformations, the former GDR (German New Countries), economic transition, agricultural production, rural communities

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-4-130-147

Introduction: were the transformations successful?

The agrarian transformations in the former GDR were undoubtedly a success in two respects: they determined the structure of agricultural enterprises that was competitive at the world agricultural markets and an impressive increase in productivity. As productivi-

ty in the GDR compared to the EU at the starting point was low a very strong increase in a short time was necessary in the early 1990s. The goals of the German government and the ideas of the heads of the enterprises at that time prove that the outcomes of the transformations did not meet the expectations. The Kohl government wanted to restore a structure based on small family farms like in West Germany, while the chairmen of the agricultural producer cooperatives (APC) wanted to keep the structure of large-scale enterprises similar to the GDR. Taking into account failures of implementing these conceptions, one may consider the transformation's success a miracle achieved due to the pressure of time, political uncertainty about the future, and the dominance of economic constraints over ideology.

The time pressure was determined by the laws: the agricultural adjustment act (AAA — July 1990, revised in July 1991) set a period of a few months for the agricultural producer cooperatives (APCs) to decide on the opening balance, proposal for privatization of the assets, and the future form of agricultural production. If there was no consensual vote of the members and those with a right to the assets by the end of 1991, the APC would have been forced to liquidate with the relevant legal consequences. This set a terrible time pressure for both sides: the former management had to make a proposal on distribution of assets under privatization, and on a new form of a successor enterprise; the new assets owners were to identify their interests and individual advantages, to decide by their votes on the opening balance proposed by the management, on the assets distribution (only land was distributed according to the restitution law), and on the legal form of the enterprise. The distribution of assets between the members should have led to open and severe conflicts as many would be dissatisfied with their shares, which would have led to long-lasting lawsuits. It was a miracle that this scenario did not take place for the distribution of assets did not lead to many lawsuits. For instance, in Brandenburg the number of such lawsuits was extremely low (Bayer 2012: 30–31, 70–80); however, the authorities were to decide on 746 complaints by mid-1992.

One decisive reason was uncertainty about the best future. The situation was similar to the Hobbes' description of the fictional social contract to form a strong state: if everybody doubts about the best for oneself, there is a chance for a compromise. This was true for the GDR agriculture considering the distribution of property and the form of the successor enterprise. On the one hand, many members wanted larger shares and were ready to fight for them; on the other hand, they were afraid to lose everything if the liquidation of the former APC would reveal that the calculated total value of the assets was above the market value with the consequence that the subtraction of the APCs' debts would turn them into debt owners instead of assets owners. The uncertainty of the situation in 1990–1991 explains why the majority finally trusted the former APCs' management and

accepted their proposals. Thus, uncertainty turned into trust for managers and members of the APCs knew each other from working together, and the members were certain about the leadership qualities and competence of some managers that took the responsibility for the successor enterprise. Without their ability to win such trust, a consensual vote would not have taken place. Such “trust” was widely missing between farmers and kolkhoz management in Russia at the turn to the 1990s.

Based on this “trust” the assemblies of former employees of the APC including those who made land or capital input when establishing the APC vote unanimously or with an overwhelming majority in favor of the managers’ proposal (Bayer 2012: 13-31). In about 20% of cases, the former APC was liquidated for none of managers wanted or could take responsibility for a successor enterprise. The forced liquidation was perceived by the majority as the most negative option determined by the “old debts” of the APC. Usually these were credits used as investments not in production but in the local infrastructure or social sphere, which were written in the account books as debts of the APC¹. The Kohl government’s claim of these debts from the calculated assets of the APCs could have become the sword of Damocles for the privatization making the majority of voters agree to the managers’ proposal. Those who expected to benefit from privatization were aware that they also would inherit the debts and might become debtors. The simultaneous liquidation of many APCs would have negatively influenced the assets prices. According to the law, in case of liquidation, first all creditors were to get their money back, then the old debts were to be subtracted and paid to the state, and only the money left after selling the assets were to be distributed between the APC members. The debts were to be paid at the time of liquidation, while the successor enterprise could pay off credits later.

To understand the amazing results of the transition let us consider an alternative scenario: without time pressure, uncertainty of the old debts payment and future perspectives of agriculture, many members would have filed a lawsuit to enlarge their share of assets. Today we know the probable results of such lawsuits: the decision would have been in favor of those wanting to get more money for the “real” value of the APC’s assets was underestimated. The APC’s management artificially underestimated the shares to manip-

1. The “old debts” are a good example of the contradictory German government’s policy after the unification. First, the government did not understand that these credits were only formally of the APCs as production enterprises and actually were credits of the local rural community. Second, although the Kohl government wanted to support family farms and to force former APCs into liquidation, its claim that the old debts were repaid directly only under liquidation, while the successor enterprise would have to pay them off later, made the enforced liquidation the worst case and contributed to the founding of many successor enterprises.

ulate the payments (Bayer 2012: 54-72). The managers were interested not so much in personal enrichment, but rather in securing the future enterprise under the scarcity of capital for investments. Many lawsuits of the property owners trying their luck would have stopped production for a long time. Even few such lawsuits would take years for the final decision, and the more such lawsuits the more time would have been spent, which would have determined a widespread downtime of agricultural production in the successor large-scale enterprises. As the rest of the EU countries would have had no problem with feeding the former GDR population, they would have been benefited from the situation that would have meant a catastrophe for the rural GDR. Russia in the mid 1990s, especially in the Non Black-Earth regions, is an example of such a widespread collapse of agricultural production.

Too large reserves damaged the law but were a crucial precondition for successor enterprises, which allows to identify a final factor crucial for the successful outcomes of the transition and the “miracle” — the economic constraints. Though the ideas of the German government and of the former agricultural managers about the future of GDR agriculture were contradictory, both agreed in that the new countries had to keep the agricultural production. Such a belief led to the following economic constraints: to avoid bankruptcy of all large-scale successor enterprises under the deficit of capital and the urgent need for investments to increase productivity, the transfer of capital from the former APCs to the successor large-scale enterprises had to be manipulated by the new managers in order to secure enough money for capital investment; the cost of production per unit in the successor enterprises had to be cut by about a half to help them survive. As the Kohl government preferred to discriminate large-scale enterprises economically, the managers had no other chance to allow the successor enterprises to survive in the first years.

In most cases, the new manager or the new board of managers were local people and managers of the former APCs. Thus, trust was a local phenomenon of human capital in the community in which people knew each other. Only managers that worked successfully before and proved to be able to cope with their tasks by training and personal qualities could win the people’s trust. They had to convince the voting assembly of the viability of the new form of enterprise. When visiting the same enterprises over years, we found the same persons with convincing leadership qualities as their heads ensuring their current economic success. Certainly, the new managers and the trust of the local people in them and not the legal form of enterprises played the decisive role for the success of the enterprises. Today these managers form a rather homogenous group considering their age, qualification and personal capabilities (mainly they are at the start of their 70s). The question is if they will find equally well qualified successors capable of earning the trust of local share holders.

Table 1. **Indicators by agricultural enterprises type, 1989-2013**

	Individual Farms*	Partnerships	Corporative farms of which:			
			APCs	Ltds	Others	
1989	3.558		5110			
April 1991	8.952	263	3364			
August 1991	12.106 (5.722)**	531	3070			
1992	14.602	1123	2749	1464	1178	208***
1993	20.587	1879	2829	1388	1302	212***
1994	22.601	2388	2824	1335	1338	230
1995	24.588	2671	2902	1315	1417	257
1996	25.003	2820	2888	1292	1427	
1998	25.925	3064	2942	1218	1560	164
1999	23.946	3199	3171	1205	1755	...
2003	23.544	3236	3239	1110	1895	234
2007	23.412	3235	3379	1028	2102	249
2010	17.723	3204	3484	983	2246	255
2013	17.100	3300	3600	900	2400	300

* includes horticulture farms with little land hold

** () = full time farms

*** including APC in liquidation

Source: Statistisches Jahrbuch über Ernährung, Landwirtschaft und Forsten 2003-2015, Münster-Hiltrup 2003-2015; Agrarbericht der Bundesregierung 1992-1996, Bonn 1992-1996

Dynamics and interrelations of large- and small-scale enterprises in agriculture

To understand the dynamics of agrarian transformations let us consider their different stages based on the statistical data (Tables 1-4).

In the early 1970s, under the guidance of Gerhard Grüneberg the GDR agriculture followed a specific way of “industrialization” dividing the large-scale agricultural enterprises into “animal production” and “plant production”. In economic terms, such a specialization did not contribute to the growth of production. Already before the Cur-

Table 2. **Average size of enterprises in hectares, 1992-2013**

	Individual Farms	Partnerships	Corporative farms of which:		
			APCs	Ltds	Joint-stock companies
1991 Aug	50 (90)*	550	1710	1030	1030
1992	46	629	1537	116	1546
1992 Feb	64 (136)*	401	1522	1029	
1993	45	511	1480	948	1364
1994	48	468	1457	879	1275
1995	46	449	1435	843	1344
1998	49	417	1432	773	1369
1999	55	400	1413	686	1286
2003	59	386	1412	659	1201
2007	63	385	1419	614	1139
2010	83	386	1405	605	1089
2013	87	373	1391	577	1151

* Full-time farms

Source: Statistisches Jahrbuch über Ernährung, Landwirtschaft und Forsten 2003-2015, Münster-Hiltrup 2003-2015; Agrarbericht der Bundesregierung 1992-1996, Bonn 1992-1996

rency, Economic and Social Union with West Germany in mid 1990, this division was widely abandoned (by the APC-chairmen) by a kind of “wild” combination of cattle and plant production in the APCs. As a result, the average size of the APC decreased: after 1164 plant production enterprises of 1989 with an average size of 4284 hectares had merged with 2851 animal production enterprises with an average size of 25 hectares, in April 1991 4050 APCs on the average occupied about 1400 hectares. Moreover, some APCs with smaller land holdings produced special products (horticulture); there were also 580 state farms with an average size of 800 hectares (Wolz 2016). In Brandenburg, 792 APCs turned before the AAA in mid-1990 to 365 new APCs combining again plant and animal production: 248 registered as the APC, 99 as Ltds and 18 as Ltds & CoKG until the end of 1991 (Bayer 2012: 20).

The second stage of transformations began in mid-1990 — the end of 1991. During this period, privatization of the land by restitution and

S. Merl
Agrarian
transformations
in the former GDR
in 1989–2017:
A success story?

Table 3. **Number and average size of individual farms, New/Old countries comparison, 1995–2013**

Year	German "Old" Countries (former FRG)				German New Countries (former GDR)			
	Full-time		Part-time		Full-time		Part-time	
	Number of farms	Ø size in hectares	Number of farms	Ø size in hectares	Number of farms	Ø size in hectares	Number of farms	Ø size in hectares
1995	221,000	38.6	305,700	8.8	7,080	122.3	18,060	15.0
1997	203,600	41.0	290,500	9.4	7,610	126.4	18,390	14.6
1999	187,900	42.8	238,500	11.0	8,200	127.2	15,800	17.7
2001	166,400	46.0	224,000	12.3	7,700	135.8	15,300	19.5
2003	167,100	47.3	198,200	12.2	8,400	134.3	14,900	17.2
2005	156,400	50.1	186,800	13.2	8,000	143.0	15,000	19.7
2007	149,500	51.8	177,200	13.4	8,000	145.7	15,400	19.6
2010	127,300	56.2	(127,100)*	(19.2)	7,500	154.7	(10,200)*	(29.3)
2013	116,200	59.7	(122,000)*	(20.1)	7,300	161.4	(9,800)*	(31.8)

* Only farms with more than 5 hectares; 1995–2007: farms with more than 1 hectare

Source: Statistisches Jahrbuch über Ernährung, Landwirtschaft und Forsten 1995–2015, Münster-Hiltrup 1995–2015

of the APCs assets took place under the pressure either to register the APC as a new legal form or to liquidate it. About 20% of former APCs were liquidated, usually as a result of the members' assembly vote. By the end of 1991 from 4050 APCs of mid-1990 2850 turned into registered agricultural cooperatives, Ltds or other forms of large-scale agricultural enterprises (Table 1). In most cases non-agricultural services and side production in former APCs were separated, now most new or successor large-scale enterprises were engaged only in agricultural production, while about 4000 independent private service enterprises were established (Koch/Moll/Thiele 1992, 112–113).

In the third stage (1990 — mid-1995), new family farms were established. Likely one third of 23,000 new family farms were founded voluntary, while two thirds rather forcedly, often as there was no successor large-scale enterprise after the liquidation of the former APC. In such cases, people with landed property often had no choice than to establish a family farm. However, in general only the voluntarily founded family farms are interested in investing in their private farm to devel-

Table 4. **Share of land use, 1989–2013 (in %)**

	Individual/Partnerships, Private plots	Corporative Farms
1989	10.2	89.8
1992	27.0	73.0
1993	35.7	64.3
1995	42.4	57.6
1998	45.6	54.4
2007	48.7	51.3
2013	49	51

S. Merl
Agrarian
transformations
in the former GDR
in 1989–2017:
A success story?

Source: Statistisches Jahrbuch über Ernährung, Landwirtschaft und Forsten 2003–2015, Münster-Hiltrup 2003–2015; Agrarbericht der Bundesregierung 1992–1996, Bonn 1992–1996

op it. Among the family farms founded before August 1991, one would find the largest share of new farmers purposefully establishing a new farm and willing to develop it. 5,722 family farms are listed as full-time farms among 12,637 individual farms; on the average, they have about 135 hectares (Table 1-2). Other purposefully founded farms are usually partnerships in which two or more farmers decided to work together.

The average size of individual farms in Table 2 is misleading for we need data on different types of individual farms especially on working part-time and full-time (Table 3). The number of private farms with only a few hectares in horticulture was above 2000; the number of registered private farms increased from 14,602 at the beginning of 1992 to 25,925 in 1998. Later we see a steady decline as those starting farming only as alternative to become jobless retired. At the beginning of 2007, there were only 23,400 farms of both types — part-time and full-time. A slight fall in the number of individual farms between 1998 and 2003 by about 10% is probably due to the liquidation of farms created forcedly, which corresponds to the moderate increase in the average size of individual farms in the same period from 50 to 60 hectares. The further changes in the number and size are only a statistical blunder for after 2007 only farms with more than 5 hectares were registered, while before the minimum registered size was 1 hectare. Thus, the number of private farms is quite stable in the new countries, while the decline of farms number in the western part of Germany is significant (Table 3). Part-time individual farms can be a stable form too, especially in the regions where this combination of work in industry and part-time agriculture had tradition, for example in Thuringia. Often the part-time farms have only a few hectares, thus artificial-

ly reducing the average size of the individual farms in the statistical data for the majority of private farms are part-time.

Among the farmers who founded a (large) family farm or a partnership a significant share is from West Germany or the surrounding EU countries such as the Netherlands. In the statistical data, there is a significant group of resettled farmers who like to have a farm but do not want to take a risk of investing and developing their farm to a high productivity. Most of these farmers like to work in agriculture and be independent; however, many are not well qualified to run a contemporary family farm (Rost 1997).

The time between 1991 and 2000 was still connected with a lot of uncertainties for the large-scale enterprises. Due to the unpopularity of land leasing and the claim of old debts, they were insecure under the ongoing re-registration of APCs as Ltds. However, these problems were finally solved, and since 2000, we see stable enterprises with only a few registering as Ltds. The statistical data on large-scale enterprises is also misleading as it counts only single enterprises without taking into account whether they are independent or parts of holdings or “families” of the same shareholders. Thus, despite the statistical reports, today the average size of large enterprises is larger than in the GDR. I believe that the average size of joint enterprises today is more than 4000 hectares. However, these enterprises are much smaller than Russian agroholdings as there is no trend to merging large-scale enterprises. It is typical for the new countries to have strong local connections between farms managers, shareholders and land leasers.

Therefore, the farm restructuring ended in 2000 (Table 4) having created full-time family farms and large-scale enterprises competitive at the world market. These transformations were both politically influenced and obeyed economic constraints to create production units more stable than the farms in West Germany that are further increasing their average size and ousting smaller farms (mainly for elderly farmers do not find successors) (Table 3). There is no trend to closing the gap between the East and the West considering the farm structures. Table 4 provides a convincing picture of the results of the transformations such the division of land between large-scale corporations and individual farms including partnerships. Thus, there was a transfer of about 40% of the arable land from the APCs to individual farms or partnerships from 1989 to 1998. In the next decade (1998-2007) only other 3% of land were taken by private farms, and since 2007 this transfer of land to the private farms stopped mainly due to the successful stabilization of large-scale enterprises.

The post-socialist development of the rural social sphere

The agrarian transformations focused on adaptation to the market and privatization and not on developing of rural areas. At best,

there are statements that the market will regulate everything. However, there were state investments in the rural infrastructure. As some parts of the German new countries were sparsely populated, they were most affected by privatization in the form of dividing the former APCs that took responsibility for local services and social sphere. The successor large-scale enterprises usually focused only on agricultural production, while the local administration became responsible for the social sphere, services were privatized. The aim to increase the labor productivity led to the growth of unemployment among the rural workforce that was reduced in the agricultural production by about 70%. Actually, among the former APCs' workforce about one third was employed in the local social sphere, repair and transport services. Today rural areas lack jobs, which determines the outflow of rural population, especially of the female youth, and the high level of unemployment. However, unemployment benefits from the state support today's wages are often higher than in the former GDR wages in purchasing power (Merl 1993; Jaster/Filler 2003: 7-9, 21-22).

Neither in Germany nor in the EU, a reasonable conception of the structural development for rural areas (apart from declarations) was developed. The pre-1950 associations were not reestablished in the New Countries after privatization. The local people did not understand such forms and did not sought any cooperative organization. There is also an additional problem in the new countries that is evident under the direct comparison of rural areas in West and East Germanys. In West Germany, there are often intact social structures, many local associations und unions — professional, recreational, religious and political. Most rural families are members of dozens of such associations organizing their social life. Such structures, especially cooperative ones, were missing in the GDR except for some local sport associations, and the situation did not change significantly according to our research data of 2016: neither political parties nor religious associations play a significant role, while the peasant union unites only managers of large-scale enterprises.

Thus, privatization in the course of agricultural transformations did not take into account social institutions that allowed the people to adapt to the market in the 19th century. For instance, cooperatives could help family farms: although there were cooperatives in the new countries before collectivization, after decades of inactivity and due to the lack of qualified personnel they cannot be reestablished easily. This became evident, when in 1989/1990 cooperative unions from the neighboring West German countries started to revive agricultural cooperation in the form of local unions and associations. However, the large-scale agricultural enterprises were not interested in their services even if formally they were named “cooperatives” — they preferred partners from the bank system, wholesale companies and private consulting firms. The family farm sector is much smaller than in

West Germany, and many of them, medium-sized or part-time, often lack the perspective to invest and, therefore, are not interested in cooperative credit and advice. Large family farms do not need cooperative structures either for they get better conditions from the banks working with large enterprises. Just one example: a new farmer (previously a university employee in West Germany) in 1990 decided to establish a new farm in Saxony and took a credit from his local (West German) cooperative bank; he successfully developed his farm as a partnership and is today involved in significant investments with other, not cooperative banks.

Rost (1997) studied the effects of agrarian transformations in different regions — the sparsely populated Northeast near the Polish border and a densely populated region in Thuringia. In Fahrenwalde in the northeast, already before 1945 the large-scale production (estates and manors) was dominant. Burgstädt in Saxony is a strong economic region with dominant small and middle-sized farms before 1945. Rost claims that there is an inter-connection between rural and industrial spheres: changes in the structure of agriculture are usually perceived as a crisis of the rural area based on the dichotomy of not interrelated urban and rural areas. In the new countries, the peripheral rural areas could not compensate the decline of agriculture by other activities, while in the regions with strong rural-urban relationship (Thuringia and Saxony) such compensation took place. The decline of agriculture is a general process encompassing all parts of Germany; however, in West Germany it is evident in the last decades, while in the German New Countries it is much faster under the agricultural transformations, therefore its negative consequences for rural areas are more evident. Rost underlines that due to the transformations, the former agricultural structures dominant before the collectivization of 1952, or in the northeast before the 1945 land reform plays an important role today. Reestablished full- or part-time farms are more typical for the south than for the north due to the previous agricultural structure (Rost 1997: 55-57): before 1945, the small-scale farms were widespread there and were revived. Thus, the job cuts in agriculture were compensated by traditional non-agricultural activities. In the northern regions lacking a family farm tradition, on the contrary, the level of unemployment was high and determined the outmigration of the youth.

After reunification, there is also a strong suburbanization around cities in East Germany. Instead of developing the inner urban areas, where it was harder to find heirs of proprietors, new shopping and other service centers were built in green areas around the cities stopping the agricultural use of these lands. As a result, land prices soared determining speculations with the previously agricultural land. For instance, Fahrenwalde in Mecklenburg-Pomerania near the Polish border is sparsely populated, peripheral, without new economic structures and, thus, with high unemployment. People lack

the perspective of a permanent job in this rural region, which led to outmigration already before 1989, and it has intensified. This village consists of four settlements, and more than half of the population is already retired. The 1945 land reform only for a short time broke the tradition of large-scale enterprises in this region, and many peasants left the region under the collectivization started. In 1973, the division of animal and plant production created the APC plant production of 5200 hectares and the APC animal production in five settlements not based on the peasant farms. At the start of the GDR, here was a lack of labor force, new settlers from the cities without agricultural experience were sent here (“Industriearbeiter aufs Land”). Under the agrarian transformations, new large-scale enterprises were established, all run by the managers of the former APCs. Resettled and new farmers created five full-time family farms with 100 to 400 hectares each. One of them gave up after a short time, two decided to form a partnership (one of them is the grandson of a farmer who fled to West Germany under the political pressure of the collectivization campaign).

The situation in Burgstädt is different. Most people here worked in Chemnitz industry. Although part of the local production was closed, in general there is an evident increase in economic activity in the region: Burgstädt produces machinery for the textile industry, and the suburban areas are also developing. Many local peasants opposed the collectivization until the early 1960s; however, finally the APC occupied 6500 hectares, while its members continued to keep cattle. Many women worked under collectivization as “wageworkers” with the cattle on their former private farms, which preserved the tradition of family farms and benefited the revival of family farms after the liquidation of the APC in 1991. Some of its stables and cowsheds are still used today by 30 resettled farmers; among them 11 part-time workers on the average own 7 hectares, while the full-time farmers — 62 hectares (Rost 1997).

Rost made an attempt to categorize the new farms (1997). Often several enterprises were established by the same shareholders from the former APC with its assets — these are successor enterprises that play a central role in the regional economy for even private and resettled farmers use their agricultural techniques and consult them. The former APC in Barnstädt decreased from 5200 to 4160 hectares of 15 shareholders, and 7 of them are from West Germany. There are also new large-scale enterprises founded after the liquidation of the former APC, for instance, a plant-growing enterprise with 1100 hectares established by a Bavarian supplier of agricultural machinery who wanted to invest in the new countries. There are four shareholders from West Germany, but the managers-partners are from the former APC. Among the family farms, Rost distinguishes those with the prospects of development and the ones run by the farmers of the pre-retirement age who started the private farm only as alternative to becoming job-

less. They had no incentives for investments, using the available agricultural machinery. There are also family farms “in transition”: they avoid credits and have no long-term plans: if they get investments in the future, they can become real full-time farms; without investments, they will be liquidated by the decision of the proprietor’s children. According to Rost, some part-time farms have good perspectives without turning into full-time farms. These part-time farms are registered in the statistical reports only if they are above 1 hectare (from 2007 — 5 hectares), or if they are agricultural enterprises. 6 private farms in Fahrenwalde, and 30 farms in Burgstädt are registered as agricultural enterprises.

Rost doubts the existence of a special “peasant mentality” in the new countries based on the results of his field study. Peasants living close to urban areas prefer speculative calculations, keep their land property only waiting for the increase in land prices or the right to use it constructing. Rost states that family farmers complain about the lack of connections, while the managers of large-scale enterprises in general benefit from their networks. This raises the question of forming an association of family farmers that usually do not get much support from the existing peasant associations pursuing the interests of large-scale farmers.

Would local holdings have been a better way to preserve the rural communities?

Looking back at the agrarian transformations, there is a question whether a widely neglected large-scale holdings would have been a preferable form compared to the registered APCs and Ltds founded in 1990-1991. The direct transformation of the GDR APCs into holdings might have had better results in preserving the rural sphere as some rare cases suggest. Political decisions of 1990-1991 focused only on the agricultural production of former APCs, and their branches division in the course of privatization often had far-reaching negative consequences for rural communities. Many social structures broke down and were not replaced by new ones; such a uncoordinated destruction led to social lethargy and the loss of the capital shares by the APC’s members (Koch/Moll/Thiele 1992: 114-117). Koch et al. describe a different model of the successor enterprise: the direct transfer of the APC into a new local holding keeping together all former branches (plant and animal production, technical services, distribution, stores, transport) though each enterprise is independent in decision-making and responsible for losses. New heads of the enterprises are managers of the former APC with good technical knowledge and leadership qualities (Koch/Moll/Thiele 1992: 118-119).

The holding allows to keep the non-agricultural units of the former APC, so the sharp staff reduction in agricultural production is

partly compensated by new jobs in services and distribution, which keeps more people employed in the rural region. The companies were formed directly in the course of restructuring and work together in the holding network. The new large-scale enterprises are engaged only in agricultural production, so many former APC employees are forced to leave rural areas or lose their jobs, while the holding (as the one we visited in Thuringia) can offer training and jobs for young people close to their places of living (Koch/Moll/Thiele 1992: 141). This has additional positive consequences: keeping up the youth's connections with the rural area, and developing of the local rural tourism. For instance, Koch et al. describe a holding consisting of 15 Ltds, among them: specialized crop farms, horticulture, cattle breeding, pig farms, two technical services companies, construction and house administration, trade and food industry units. The three crop farms and technical services are very profitable. The animal production at the beginning required large investments for new technologies, which reduced the staff from 530 to 160 people; however, one year later 205 were employed again.

Another convincing example of a directly formed local holding under the agrarian transformations is ADIB (Agricultural-, Services-, Industrial- und Construction Company Ltd & Co KG) based on the former APC Aschara in Thuringia. In 1997, the ADIB had 4500 hectares, 1800 head of cattle and 600 pigs. The director and main shareholder is at the same time the president of the Thuringia peasant union and member of the German peasant union board. Until 1989, he was the chairman of the APC plant production Aschara. In 2001, the holding turned to a stock corporation with the legal status of Ltd. Today the holding has 16 subsidiaries engaged in plant and animal production, processing of agricultural products, distribution, handicraft and logistic, technical services and even production of agricultural machinery. 7 subsidiaries are agricultural: plant production with more than 4000 hectares, cattle breeding with the fodder produced in an own subsidiary, and pig production. In the food branch, there are three subsidiaries: meat market, distribution of meat products, and a butchery with its own shops all over Thuringia. One subsidiary is an agricultural machinery plant. In the branch of handicraft and logistics, there are three subsidiaries including a biogas plant, electric services and a transport and trade company. About 1200 people lease out their small land property (0.2 to 2 hectares) to this holding by the long-term contract, obviously trusting the main shareholder².

2. Only 700 from 4300 hectares are the property of the holding's subsidiary. Two other plant production enterprises cooperate with the holding: one with 2170 hectares, from which 350 are the property, the rest are leased from 812 small land property holders; and the other outside Thuringia (Realerbteilung was responsible for dividing land holdings) with 1650 hectares: 120 are the property, the rest are leased from 214 land property holders.

This holding proves the central role of trust in forming large-scale successor enterprises.

In the 1990s, there was a political campaign and a trial against this holding. The German journal “Der Spiegel” (1997) called its managing director a “red baron” that cashed in on the transformations and cheated his fellow members in the privatization³. The director lost this trial by a formal mistake: the APC had been divided a few days before the legislation came into force. Thus, in 1997 the APC was revived “under the liquidation”, but none of the allegedly cheated claimed their shares back, probably, being convinced of the director’s ability to manage the holding. The defeat in the trial turned into a triumph: in 1999, the successor company ADIB got all the assets including the debts of the APC Aschara and continued its successful business. Such a success was partly determined by creating the local brand — “meat from Thuringia”. Thus, the holding succeeded due to both trust of the people leasing out their land property to the ADIB and trust of the consumers in the quality of meat products of the new brand. Therefore, holdings were the most promising but rare form in 1990-1991, as private consulting agencies suggested other forms they were more familiar with.

Conclusion: if there is a history of success, in what sense?

The agrarian transformations were a success in the economic sense: there was privatization prescribed by the government; the new agricultural structure was competitive at the international market. However, the transformations did not create many medium-sized family farms the German government preferred due to the reluctance of the majority of rural workforce with the restituted land property to start a private farm, and due to the contradictions of the state policy reclaiming the old debts of the GDR’s APCs from the new assets proprietors. The GDR agricultural workforce showed little interest in private farms and risky economic activities. Unlike the Russian “farmerization” at the turn to the 1990s, the former GDR APC-managers rarely established private farms for they expected large-scale agricultural enterprises to be superior in facing future challenges. The economic success was determined not by the state policies, but rather by the lack of state control, i.e. by the time pressure set politically, uncertainty about the future, and economic constraints.

Somehow, people understood that under the scarcity of capital and entrepreneurship only large structures such as full-time family farms

3. The “Spiegel” claimed that he frightened 931 partners to force them sell their shares to him. Finally, only 74 limited partners were left with 1.7 million DM. Three of them — the director with 609,000 DM, the manager with 180,000 DM and the former local secretary of the Party with 51,000 DM — became the main shareholders.

with more than 100 hectares or large-scale successor enterprises of the APCs would survive. Quite unexpected feature of the transformations was the development of trust between the majority of new assets proprietors and former APCs' managers. In the former GDR, almost all successor large-scale enterprises were local and run by well-trained managers of the former APCs, who built strong ties with landholders leasing out their land. Some of the full-time family farms were established under land restitution with additional land leasing, others were newly founded and often run by the former FRG or EU citizens. While in German old countries, there is an ongoing ousting of smaller farms, the new countries since the early 2000s have kept a quite stable agricultural structure (Table 3).

Considering other than economic criteria, for example, keeping up rural communities, ensuring sustainable agricultural production or ecological food industry, the transformations' results are less successful for none was considered a political priority and achieved in either parts of Germany. Today we understand that it was wrong to carry on privatization of the former APCs by dividing the agricultural production, services and processing. The same mistake was made in Russia with even more fatal consequences. It would have been more reasonable to keep all APCs spheres of economic activity together in local holdings that would have high labor productivity in agriculture and, thus, create new jobs in services, processing and distribution.

References

- Agrarbericht der Bundesregierung 1992-1996*. Bonn.
- Agrarnye preobrazovanija v vostochnoj Germanii* (1997) [Agrarian Transformations in East Germany]. Moscow: VIAPi.
- Balmann A. (2016) Land Markets in East Germany: Recent Trends and Policy Challenges. Workshop on February 26, 2016. Halle.
- Bayer W. (unter Mitarbeit von Thomas Hoffmann) (2012) *Gutachten: Die Umwandlung der Landwirtschaftlichen Produktionsgenossenschaften im Land Brandenburg*. Jena.
- Der Spiegel*. 1996. No. 33.
- Herzfeld Th. (2016) Renationalization of EU's Common Agricultural Policy. Workshop at IAMO, on February 24, 2016. Halle.
- Gampe W., Heller G. (1992) Beispiele der Umstrukturierung von ehemaligen LPGen zu einem Einzelunternehmen, einer Gesellschaft bürgerlichen Rechts und einer eingetragenen Genossenschaft. In: *Fallbeispiele zu Umstrukturierungen von ehemaligen LPGen*. Frankfurt am Main. Pp. 72-111.
- Gravert H., Schmitz M. (2014) Die Auswirkungen der staatlichen Biogasförderung auf landwirtschaftliche Pachtpreise in Deutschland. Eine ökonomische Untersuchung. In: *Die Zukunft der Bioenergie*. Frankfurt am Main. Pp. 7-43.
- Jaster K., Filler G. (2003) Umgestaltung der Landwirtschaft in Ostdeutschland (Humboldt-Universität zu Berlin. Wirtschafts- und Sozialwissenschaften an der Landwirtschaftlich-Gärtnerischen Fakultät). Working Paper 68. Berlin.
- Koch H., Moll A., Thiele H. (1992) Die Umstrukturierung einer Groß-LPG zu einer Holding als Besitz- und Verwaltungsgesellschaft mit 15 Betriebsgesellschaften. In: *Fallbeispiele zu Umstrukturierungen von ehemaligen LPGen*. Frankfurt am Main. Pp. 112-144.

- Latacz-Lohmann U., Hennig S., Dehning R. (2014) Biogas als Preistreiber am Boden- und Pachtmarkt? In: *Die Zukunft der Bioenergie*. Frankfurt am Main. Pp. 45-75.
- Merl S., Schinke E. (Eds.) (1994) *Agrarwirtschaft und Agrarpolitik in der ehemaligen DDR im Umbruch*. Berlin.
- Merl S. (1993) Problems of German agriculture in transition to the market and policy consequences for the Soviet Union. In: Bodenstedt A.A., Merl S., Nutrikhin V.A. (Hg.) *Social Problems in Rural Areas under Conditions of Change*. Contributions to the International Symposium in Vologda, September 1991. Berlin. Pp. 103-118.
- Rost D. (1997) Landwirtschaft im ländlichen Raum — Funktionen, Formen, Konflikte. Zwei vergleichende explorative Fallstudien in Ostdeutschland. In: *Landwirtschaft im ländlichen Raum — Funktionen, Formen, Konflikte*. Frankfurt am Main. Pp. 53-91.
- Rost D., Schmidt A. (1993) Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern. In: *Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern*. Frankfurt am Main. Pp. 57-95.
- Schnabel U. (1993) Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in Form juristischer Personen des Privatrechts in den neuen Bundesländern. In: *Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern*. Frankfurt am Main. Pp. 149-177.
- Thiele H. (1993) Politikbedingte Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern. In: *Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern*. Frankfurt am Main. Pp. 97-147.
- Welschhof J., Schmidt D.O., Klaus H. (1993) Eine empirische Untersuchung der Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern. In: *Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern*. Frankfurt am Main. Pp. 13-55.
- Wissing P., Rost D. (1992) Die Umstrukturierung der Kooperationen Oßmannstedt (Thüringen), Rietnordhausen (Harzvorland) und Dahme (Brandenburg). In: *Fallbeispiele zu Umstrukturierungen von ehemaligen LPGen*. Frankfurt am Main. Pp. 11-36.
- Wolz A. (2016) Changes in the Organization of Agricultural Production in East Germany Since Reunification: Major Issues. Workshop at IAMO, 24 February 2016. Halle.
- Zeddies J. (1993) Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern. In: *Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern*. Frankfurt am Main. Pp. 179-226.

Аграрные трансформации в бывшей ГДР в 1989–2017 годы: история успеха?

Штефан Мерль, доктор исторических наук, профессор Билефельдского университета; Университетская ул., 25, 33615, Билефельд, Германия.
E-mail: smerl@uni-bielefeld.de.

Изменения в сельском хозяйстве (приватизация и адаптация к рынку) начались в Восточной Европе и Советском Союзе в конце 1980-х годов. С позиций сегодняшнего дня мы понимаем сложность этого экономического перехода под влиянием неустойчивых цен и спроса на сельскохозяйственную продукцию. В большинстве стран производительность в сельском хозяйстве выросла, однако проблемы и неопределенность остались, особенно когда речь идет о структурных изменениях предприятий и их последствиях для сельских территорий. Статья посвящена ГДР — стране, где аграрные трансформации считаются успешными, поскольку выросла производительность и новые сельскохозяйственные предприятия конкурентоспособны на мировом рынке. Автор не проводит прямые сравнения бывшей ГДР и России, но упоминает причины неоднозначных результатов переходного периода

в России. Автор обозначает общие проблемы аграрных трансформаций (например, неопределенность их структурных целей) и задает следующие вопросы: можно ли считать ГДР примером успеха в результате продуманного политического курса или же иные факторы объясняют экономический рост Германии; был ли успех результатом экономических решений или наоборот неожиданное следствие отсутствия контроля; каковы критерии оценки переходного периода в ГДР как успеха в политическом, экономическом, социальном, экологическом и сельскохозяйственном смыслах (рост производительности, сохранение сельских сообществ и т. д.). В поисках ответов на эти вопросы автор опирается на статистические данные последних двух десятилетий, мониторинги результатов аграрных трансформаций (приватизации и регистрации новых предприятий), а также на собственные исследования сельскохозяйственных предприятий совместно с российскими коллегами (в 1992, 1997, 2002 и 2016 годы), которые позволили понять оценки и реакции населения на сложности переходного периода.

Ключевые слова: аграрные трансформации; бывшая ГДР; экономический переход; сельскохозяйственное производство; сельские сообщества

S. Merl
Agrarian
transformations
in the former GDR
in 1989–2017:
A success story?

Малая гражданская война: события в Пензенской губернии в конце 1921 — первой половине 1922 года¹

А.В. Посадский

Антон Викторович Посадский, доктор исторических наук, профессор Поволжского института управления им. П.А. Столыпина — филиала РАНХиГС. 410012, г. Саратов, ул. Московская, 164. E-mail: Posad1968@mail.ru

Публикация представляет собой откомментированный документ, отложившийся в фонде штаба частей особого назначения. Документ обобщает события нескольких месяцев (конец 1921 — первая половина 1922 г.) в Пензенской губернии. Эти события связаны с резким всплеском бандитизма в ряде уездов губернии. Документ подробно описывает этапы борьбы с ним и итоговый, благоприятный для советской власти, результат.

Документ снабжен комментариями и примечаниями. В комментариях дана оценка ситуации в губернии на 1921 год, упоминается история крестьянских восстаний в губернии на протяжении 1918–1920 годов.

Движение разрослось и коснулось до половины уездов Пензенской губернии. Документ позволяет поставить вопрос о соотношении мотивов участия относительно значительной группы крестьян в бандитском движении. Вопрос заключается в наличии или отсутствии политических мотивов, мотивов социальной вражды в общеуловном по форме движении.

Документ демонстрирует элементы, характерные для крестьянского вооруженного участия любого характера. Это наличие опорных сел, с широкой поддержкой активного ядра повстанцев или бандитов; умение банд рассеиваться и регенерировать активность и т. д.

Публикатор показывает, что довольно активное бандитское движение не нашло подробного отражения в сводках ГПУ. Между тем оно имело свою динамику развития и прошло ряд этапов. Автор документа подчеркивает, что включение в борьбу с бандитизмом части местного крестьянского населения вызвало усиление банд. Данный факт свидетельствует о значительном потенциале вражды в самом сельском социуме.

Автором документа является слушатель Военной академии, а сам документ, вероятно, представляет собой выполненное учебное задание. Данными параметрами определяется ценность документального очерка по истории частей особого назначения Пензенской губернии.

Ключевые слова: история крестьянства, Гражданская война, Пензенская губерния, бандитизм, части особого назначения

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-4-148-159

1. Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00460

Публикуемый документ выявлен в фонде Штаба частей особого назначения в Российском государственном военном архиве (РГВА). Его автор — слушатель Военной академии — нами не идентифицирован. Документ носит аналитико-информационный характер и был подготовлен слушателем, возможно, в качестве учебного задания. В тексте идет речь о событиях самого конца 1921 — первой половины 1922 года в нескольких уездах Пензенской губернии.

На карте Гражданской войны черноземная и помещичья Пензенская губерния представлена далеко не столь рельефно, как многие соседние губернии Черноземного центра и Поволжья. В ней было порядка десяти сравнительно крупных крестьянских антибольшевистских выступлений на протяжении лета 1918 — начала 1920 года. Все они носили локальный характер и довольно быстро подавлялись. Самым известным стало восстание в селе Кучки Пензенского уезда против изъятия хлеба продотрядом в августе 1918 года, причем оно известно больше по провокационной жестокости секретаря губкома Евгении Бош и телеграмме Ленина, требовавшего повесить не менее 100 кулаков, чем по размаху или своим последствиям. Наиболее интересным было выступление религиозно-монархического характера в селе Большой Азясь Краснослободского уезда в конце февраля 1919 года. Однако и в этом случае массовое выступление осталось локальным.

Антоновские вторжения из соседней Тамбовской губернии имели место осенью 1920-го и в первые месяцы 1921 года. Массового восстания и присоединения крестьян к антоновцам эти вторжения не вызвали. Впрочем, ожидать присоединения неорганизованного населения к рейдирующим отрядам и не приходилось. В то же время пребывание повстанцев останавливало всю продовольственную и советскую работу. Так произошло, например, в октябре 1920 года в Керенском и Чембарском уездах. При этом «кулацкая» Волче-Вражская волость сама немедленно перестала выполнять разверстку². Иногда в сводках различимы нюансы в отношении к своим и сторонним повстанцам. Так, в апреле 1921 года в Чембарском уезде отмечалось сочувствие местным, по-видимому, повстанцам, а в следующем мае к заезжему отряду в зоо сабель население относилось «несочувственно»³. Вполне естественно — посторонние бывали куда бесцеремоннее местных в грабежах, обмене лошадей и прочем.

Важно при этом то, что в Керенском и Чембарском уездах крестьяне лицеизредели беспомощность местной власти перед местными или пришлыми повстанцами. Интересно, что последнее по вре-

2. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918–1939. (2000). Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН. С. 349.

3. Там же. С. 419, 440.

мени крупное вооруженное выступление в конце февраля 1920 года в селе Б. Ижмора Керенского уезда не вызвало, из-за разумной умеренности местных властей, широкого карательного удара⁴. Это село — в близком соседстве с группой сел, которые в публикуемом документе обозначены как родина бандитского ядра. Возможно, зримый опыт относительной безнаказанности тоже сыграл свою роль в подъеме активного бандитизма в первой половине 1922 года.

1921 и 1922 годы в Приволжском регионе ознаменованы жесточайшим голодом с миллионными жертвами. Пензенская губерния голодала, однако не столь жестоко, как соседние Самарская, Саратовская, Симбирская, в которых количество голодающих приближалось к численности всего сельского населения. В Пензенской губернии число голодающих превышало 300 тысяч человек. Осенью 1921 года к очевидному неурожаю готовилось население прежде всего Городищенского и Краснослободского уездов губернии. Очевидно, их и накрыла голодовка. Но и в более благополучных Чембарском и Рузаевском (новообразованном) уездах отмечалось слабое поступление продналога, имели место отказы в его уплате⁵. Крестьяне активно забивали скот, голод вызвал подавленное настроение⁶.

Таким образом, Пензенскую губернию нельзя назвать повстанческой. Она была сильно затронута голодом. Тем интереснее, что в первой половине 1922 года в нескольких уездах губернии оживляется вооруженная борьба и заставляет власти принимать экстренные меры.

В официальной советской лексике периода военного коммунизма было принято деление дезертиров на «злостных» и «по слабости воли», повстанцев на главарей и рядовых, сел и волостей на «советские» и «бандитские» или даже «злостно-бандитские», бандитизма на политический и уголовный. В публикуемом документе внезапно разросшийся бандитизм имеет, казалось бы, вполне уголовную окраску. Цель его — грабеж. Никаких политических лозунгов не отмечается. В то же время сам автор указывает и на политическую окраску весьма напористого движения: избиения коммунистов, обстрелы воинских частей и т. п. Автор, как слушатель Военной ака-

4. Выступление началось 22 февраля, охватило две волости, Большеижморскую и Ушинскую, и вызвало лихорадочный сбор советских вооруженных отрядов. См.: Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы (2002) / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН. С. 378. Подробную картину восстания и приговоры захваченным повстанцам см. в книге: *Кузичкин С.Н.* (2015). Заметки архивиста... Пенза. С. 47–52.

5. Советская деревня... (2000). Т. 1. С. 484, 488.

6. Госинформсводка Информационного отдела ГПУ за 1 марта 1922 года № 2/267 от 2 марта 1922 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 годы). Т. 1. 1922–1923 годы. Ч. 1. М., 2001.

демии, сосредотачивает свое внимание прежде всего на военных аспектах подавления. При этом неоднократно, но довольно противоречиво характеризуется позиция населения. Из этих упоминаний можно понять, что бандитское движение вызывало довольно широкую поддержку, по крайней мере, в «бандитских» селах. Так что активное вооруженное ядро имело за собой достаточно стабильный «тыл», инфраструктуру поддержки, сокрытия и реализации награбленного и т. п.

Очень характерно, что озлобление банд вызвало появление деревенского добровольческого отряда в помощь ЧОНу. Более того, внимательный автор специально отмечает, что рост местных противостоящих сил осуществляется параллельно. Документ позволяет установить локализацию движения — это ряд близко расположенных сел, вполне обычная ситуация «гнездовости» сельского повстанчества.

Несмотря на откровенно бандитский характер поднявшегося движения, в нем есть черты классической ситуации гражданской войны в сельской провинции: противостоящие друг другу «лояльные» и «бандитские» села, готовность пересидеть опасность и вновь ожить со стороны банд, паника при планомерном и неотвратимом наступлении правительственных отрядов. Подобные явления многократно фиксировались при подавлении восстаний или повстанчества в иных губерниях. Вряд ли разумно представлять это движение целиком политически мотивированным. Это жестокий бандитизм на фоне массового голода, в основе которого тем не менее лежит социальный протест и, возможно, мотивы мести.

Бандитское движение оказалось не только живучим, но и потребовало «тамбовского» уровня организации борьбы и применения жестокости. Это создание боевого участка с единым командованием и выселение семей бандитов (насколько искренни были упоминаемые в документе постановления сельских сходов — отдельный вопрос).

В сводках ОГПУ данное движение, затронувшее так или иначе до половины уездов губернии, не нашло подробного отражения. Наиболее близкое по содержанию обнаруживаем в следующей информации: с 1 апреля 1922 года из-за усиления уголовного бандитизма губерния объявлена на военном положении⁷. Обзор за май-июнь 1922 года дает такое резюме применительно ко всему Поволжскому региону: «Бандитизм, развившийся здесь в месяцы наибольшего голода, ныне совершенно потерял корни в местном населении. Отдельные авантюристы, уголовные и политические, желавшие использовать придавленное голодом крестьянство, вызывают сейчас в последнем озлобление, и сведения из целого ряда мест указывают на организацию сельского населения для борьбы с бандитизмом, рассматриваемым им лишь как помеха к восста-

7. Госинформсводка за 3 апреля 1922 года № 30/294 // Там же.

новлению разоренного голодными годами хозяйства»⁸. Вероятно, это справедливо в целом, но документ показывает, что у бандитов долго сохранялась весьма устойчивая поддержка по крайней мере в своих селах.

* * *

Публикуемый документ представляет собой три страницы плотно-го машинописного текста. Он озаглавлен и имеет следующие рукописные пометки. Над заголовком написано: «В Военно-Научное Общество при Академии Генштаба тов. Мищенко», справа пометка «секретно». Завершает документ рукописный текст: «Слуш. Старш. Курса Военной Академии РККА», далее следует неразборчивая подпись, а также слова: «Штаб ЧОН губ Пензенской».

Пунктуация в тексте расставлена в соответствии с современными правилами правописания. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Очевидные опечатки исправлены, что специально не оговаривается.

Краткий обзор деятельности банд и борьбы с ними ЧОН на территории Пензенской губернии за все время существования Частей Особназ⁹

Карта 10 верст в дюйме¹⁰

За время организации ЧОН губ Пензенской, впервые на территории последней банды появились в Керенском уезде.

В первых числах декабря м[еся]ца 1921 года в районе села Алексеевка Керенского уезда (25 верст к юго-востоку от Керенска) было замечено появление отдельных бандит¹¹ по 2–4 человека, происходящих из местного населения.

На поимку их из коммунаров гор[ода] Керенска был сформирован отряд силою в 6 человек, каковой под командой Комчону Керенского¹² т. Маркизова 10-го числа выступил в район Алексеевки.

Начавши розыски, означенный отряд стал обнаруживать новые партии бандитов, но уже более крупные, и в районе не только

8. Обзор политико-экономического состояния РСФСР за май-июнь 1922 г. // Там же.

9. Части особого назначения (ЧОН), военно-партийные отряды, создававшиеся при партийных комитетах разных уровней на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г.

10. Карта в деле отсутствует.

11. Так в тексте. По смыслу — «банд».

12. То есть «командующего частями особого назначения Керенского уезда». Далее в тексте подобное сокращение употребляется не раз.

Алексеевки, а и на восток от нее в направлении на Н[овую] Толковку Н[ижне]-Ломовского уезда (от Алексеевки 9 верст). Банды были исключительно местного происхождения, вооруженные винтовками русского образца и частью револьверами и гранатами. Командование было установлено ими из их же среды. Целью всех действий означенных банд был грабёж. Так, за период с 10 по 25 декабря ими произвелось несколько налетов на с[ело] Алексеевку, сопровождавшихся убийствами мирных граждан.

Для более успешной ликвидации означенных банд Керенский отряд был увеличен до 13 человек, в поддержку которому в Н[ижне]-Ломовском уезде сформировался отряд в 26 человек. Эти отряды, при поддержке агентразведки, контактно и энергично принялись за дело ликвидации банд, и к концу м[еся]ца, имея несколько стычек с бандитами, частью уничтожив, рассеяли последних.

К началу нового 1922 года в губернии стало спокойно.

Но вот в середине января 1922 года бандиты оживают снова, группируясь главным образом в районе села Новая Толковка и наводняя собою села преимущественно уезда уже Н[ижне]-Ломовского, расположенные вблизи Толковки. Шайки бандит[ов] были по 7—10 человек. Причем подкладка их деятельности начинает принимать характер уже не только грабительский, но отчасти и политический. При всяком удобном случае бандиты обстреливают воинские части, разбивают правительственные учреждения, избивают ответственных работников-коммунистов и открыто, и из-за углов.

На борьбу с бандитизмом в Нижне-Ломовский уезд был выслан отряд Губчека силою 20 всадников, каковой мерой облав и обысков на время понизил интенсивность действий банд. Подробных же отчетов о работе означенного отряда Губштаб ЧОН не получал.

В первых числах февраля м[еся]ца в том же районе (Новая Толковка, Стрелецкая, Нов[ая] Михайловка, все Нижне-Ломовского уезда) опять обнаружена банда численностью до 12 человек. Отношение ее к банде, действовавшей в январе месяце, установлено не было. Банда вела себя в высшей степени вызывающе. Делая постоянные набеги на вышеозначенные деревни, она грабила, поджигала дома и нимало не задумывалась над убийством мирных граждан. На поимку этой банды, под командой Комчону Н[ижне]-Ломовского т. Брундасова, был выдвинут отряд, каковой, 3 февраля встретясь с бандой близ города В[ерхнего] Ломова, загнал ее в последний. Между отрядом и бандой на улицах города произошел бой, во время которого Комчону Брундасов был тяжело ранен и выбыл из строя. Больше потерь с нашей стороны не было, со стороны бандит[ов] трое убиты, остальные разбежались.

Одновременно с этим появляется банда опять в Керенском уезде, в районе Котельской и Коповской волостей (22 версты к юго-востоку от Керенска), на этот раз численности всей банды установить не удалось.

2 февраля из числа этой банды было поймано 7 человек сообщников, один из коих был расстрелян, а остальные заключены в Керенскую тюрьму.

Движимые чувством чисто политического самосознания, с одной стороны, и чувством самосохранения и обеспечения покоя своих сограждан, с другой стороны, в селе Алексеевке, что [в] 25 верстах юго-восточнее Керенска, по инициативе и под руководством демобилизованного комвзвода, жителя Алексеевки т. Куняева сформировался добровольческий Алексеевский отряд из односельчан начальник[а] отряда силою в 16 штыков. Отряд в полном своем составе вошел в непосредственное подчинение Комчону Керенского, действуя по заданиям последнего. Нахождение этого добровольческого отряда сильно озлобило бандитов и настроило их на полное уничтожение п. Алексеевки. Число их, неустановленное ранее в налетающих партиях, стало увеличиваться. Например, 4 февраля банда напала на волостное село Котел в составе 18 человек при 6 подводах, где разграбила местный кооператив, убила несколько человек, порвала техсвязь с городом и соседними волостями и направилась в старый Шуструй¹³, это в 10 верстах к западу от В[ерхнего] Ломова.

Алексеевский отряд, так же как и отряд ЧОН, за отсутствием конницы лишены возможности¹⁴ следовать и догонять бандитов по пятам, и Алексеевский отряд с целью шире раскинуть свои силы увеличился до 25 человек — банда усиливается до 24 человек. И вообще, увеличение численности шаек в зависимости от усиления наших отрядов — характерная черта их упорства.

В период с 1 по 15 февраля между бандами и отрядами Керенского и Н[ижне]-Ломовского уездов происходили стычки, в которых со стороны наших отрядов потерь почти не было, бандитов же за это время было захваченных и убитых 42 человека.

В тех же числах обнаружилась банда грабителей в 23 человека в Городищенском уезде, которая вся в целом, силою ЧОН и Уполитбюро¹⁵ была быстро, в несколько дней, ликвидирована.

Во вторую половину февраля м[еся]ца вплоть до марта на территории губернии наступило затишье, т[ак] к[ак] Керенские и Н[ижне]-Ломовские банды активно себя не проявляли, а существование банд в других уездах не замечалось, в силу чего все действующие Красные отряды были расформированы.

Но вот снова со стороны каких-то банд, по данным Комчону Чебарского от 2 марта, готовится нападение на сыпной пункт при ст[анции] Пачелма Чембарского уезда С.-В. желдороги (40 верст к северо-западу от Чембара) и на Алексеевский отряд. Были ли это банды прежние Керенские и Н[ижне]-Ломовские или новые, к тем

13. Так в тексте. Следует: Старый Шуструй.

14. Так в тексте.

15. Уездное политическое бюро — орган ВЧК на уездном уровне.

же относящиеся, — не установлено. Однако имелись сообщения, что силы банд довольно значительные, а что они есть и действуют, подтвердило убийство ими 3 марта предисполкома В[ерхнего] Ломова (донесение поступило в Губштаб 4 марта).

Примеры прошлых месяцев, в течение которых было изъято полсотни бандитов и определилось упорное нежелание складывать оружие остальных, их тактика затихать¹⁶ на время, чтобы возобновить свои действия с новой силой, политический характер последних, то, что деятельность банд разворачивается и захватывает территорию вот уже третьего уезда, не оставляя и старых (убийство предисполкома В[ерхнего] Ломова) и, наконец, насущная, непосредственная необходимость предотвратить нападение на Пачелмский сыпной пункт и с[ело] Алексеевку или на местный добровольческий отряд — заставила¹⁷ создать меру борьбы с бандитизмом более постоянную, определенную и планомерную. Приказом Губштаба ЧОН при ст[анции] Пачелма был сформирован полевой штаб, а территории Керенского, Н[ижне]-Ломовского и Чембарского уездов объявлены Пачелмским боевым участком. В течение 12 часов, считая с момента получения Губштабом¹⁸ донесения о готовящемся нападении, была произведена мобилизация ячеек во всех 3-х уездах, и к 5 часам 5 марта на ст[анцию] Пачелма в полной боевой готовности прибыл отряд в 35 коммунар[ов]. Алексеевский отряд был извещен, а охрану сыпного пункта принял на себя ЧОНу Чембарского. Должности начальника боеучастка, начальника полештаба и т. п. были распределены между командующими ЧОН вышеозначенных уездов.

Ликвидация банд боеучастка происходила в следующем порядке: вновь сформированный отряд, разбившись на партии, выступил в пункты наиболее подозрительные и удобные для захватов бандитов. В то же время в Керенском и Н[ижне]-Ломовском уездах были созданы еще вспомогательные отряды, каковые при содействии отряда Губчека и агентразведки в качестве войсковых разведок охватили села, из которых происходили и где ранее пребывали бандиты, и стали стягиваться кольцом к центру боеучастка и главных сил — Пачелмского полештаба. Во многих случаях были блестящие. Бандиты, уstraшенные и психически подавленные всей организацией боеучастка и решительным выступлением против них регулярных войск ЧОН¹⁹, зачастую добровольно сдавались и являлись сами, выдавая своих сообщников. А разведывательные группы, действуя²⁰ в своих уездах, сгоняли

16. В тексте «затихает».

17. Так в тексте.

18. В тексте ошибочно: «Губштаба».

19. Надо понимать как «дисциплинированных», «хорошо устроенных» войск. Регулярными в точном смысле слова формирования ЧОН не являлись.

20. В тексте ошибочно: «действуют».

непокорных в руки Пачелмского отряда. Местом главных схваток и перестрелок последнего с бандами был лесной район села Студенки, что в 8 верстах к югу от В[ерхнего] Ломова, а большинство бандитов происходили из жителей: В[ерхнего] Ломова, д.д. Студенки, Старой и Новой Толковки, Старый Шуструй и Мокрый Мичкас²¹. В этих перестрелках страдали исключительно банды, наша же сторона потерь почти не знала.

Бандиты, сжатые кольцом со всех сторон, чтобы не быть захваченными нашими отрядами, из вышеуказанного района вынуждены были бежать. Однако бежать на север боеучастка, в свои деревни, где за ними неусыпно следили, расчету было, конечно, мало, и они ринулись в южный, чужой им Чембарский уезд, переправляя по месту своего жительства лишь награбленное имущество. Главный, раскрытый и конфискованный такой склад был найден в селе Ст[арый] Шуструй.

В Чембарском уезде впервые эти банды показались в селе Поиме (16 верст к северо-западу от Чембара), где в ночь с 13 на 14 марта ограбили нескольких граждан, забрав у них скот, хлеб, деньги и т. д., намереваясь произвести подобное ограбление и в следующую ночь, но вовремя высланный полештабом отряд эту попытку предотвратил. В Поиме бандитам не повезло, там их несколько человек захватили, и они перекидываются в самый южный и, следовательно, самый дальний от глаз воинской власти район Чембарского уезда, где и разбивают²² чуть не целые хутора и грабят²³ села (Обвал, Волчий Враг, Колесовка, Хутор Шалолейка).

Но и здесь силой конного отряда Чембарско[й] Умилиции эти шайки грабителей были быстро выгнаны из этого района и 19 марта встречи с ними происходили уже в пунктах на север и северо-запад от Чембара.

В последних числах марта и в начале апреля произошло еще несколько выступлений и как бы вспышек жизни этих банд, но жизни уже догорающей, в корне надломленной, вспышек как последней конвульсии смертельно подстреленного животного. Бандитизм вышеописанного периода на территории боеучастка был изжит, организация его разрушена, и полевой штаб с подведомственными ему частями приказом ЧОНгуб № 019/оп от 14 апреля был расформирован.

Оперействия и появления банд прекратились. Лишь в ночь с 26 на 27 апреля облавой ЧОН в селе Красный Шадым Инсарского уезда (24 версты западнее Инсара) захвачено 19 бандитов

21. В орбите бандитского движения оказались села, входившие в группу селений, затронутых знаменитым Кандиевским выступлением 1861 г. Это Поим, Студенки. Вопрос о каких-то элементах преемственности может быть разрешен только на основе специальных исследований.

22. В тексте ошибочно: «разбивает».

23. В тексте ошибочно: «грабит».

и 3 их укрывателя, а в ночь с 29 на 30 того же м[еся]ца поймано 12 человек в селе Козловка (10 верст западнее Инсара). Грабежи начали было иметь место в Инсарском уезде, но быстро уничтожились мерами облав сформированного для этой цели кавотряда. Теперь надобность в его существовании отпала, и отряд снова расформирован.

Безусловное влияние на прекращение роста бандитизма оказала организация в уездах четверок по борьбе с дезертирством.

С середины мая устанавливается опять появление банд в районе села Студенки, что в 8 верстах южнее В[ерхнего] Ломова. Почти одновременно с ними появляется банда и в Чембарском уезде, в районе д[еревни] Воронской Кордон, что в 14 верстах юго-восточнее ст[анции] Пачелма, каждая банда была в составе приблизительно по 7 человек и опять-таки местного происхождения.

Банды порывались несколько раз производить ограбления того или иного села, но ЧОН посредством агентуры удачно узнавали об их намерениях, и все налеты были предотвращены. В Чембарском уезде в одну неделю банда была даже совсем ликвидирована. Не так быстро поддалась уничтожению Студенская банда — наоборот, наглея все более и более, бандиты по дорогам при стыке границ Н[ижне]-Ломовского, Чембарского и Керенского уездов никому не дают ни прохода, ни проезда, простирая свою деятельность даже на север Н[ижне]-Ломовского уезда — в Ст[арый] и Нов[ый] Шуструй. Эти банды настолько озлобили против себя население (хотя, правда, сначала далеко не все, а только часть), что начинают один за другим организовываться добровольческие отряды: Калиновский (с[ело] Калиновка в 26 верстах к юго-западу от Н[ижне]го Ломова), Н.-Шуструйский, Нов. Шуструйский (Синелуповский тоже)²⁴ в 19 верстах на запад от Н[ижнего] Ломова. Эти отряды, совместно с высылаемыми отрядами ЧОН, действуют против означенных банд активно: высылаются разведки, облавы, дозоры и делаются опросы населения, но... часто отбросы этого населения сами прикрывают бандитов, и добиться от них каких-либо сведений о грабителях возможным не представляется, а это обстоятельство сильно тормозит дело изъятия последних.

Теперь борьба в Н[ижне]-Ломовском уезде с бандитизмом приняла довольно острую форму: уезд объявлен на военном положении, создана специальная тройка по борьбе с бандитизмом и назначен один командующий всеми вооруженными силами на территории уезда. Пока бандитизм в уезде еще не уничтожен, хотя заметно его ослабление.

В данном случае громадную роль сыграло переменившееся отношение к бандитизму местного населения. Все оно единодушно стало на сторону наших отрядов, т[о] е[сть] на сторону искоренения бандитизма, приняв решительную и суровую меру наказания

24. Так в тексте. Очевидно, речь идет об одном отряде в селе Новый Шуструй.

грабителей за прошлое и назидание впредь. Постановлением самого населения 87 семей бандитов и замеченных в их укрывательстве выселено из Н[ижне]-Ломовского уезда. В настоящий момент выселенные находятся в местном концентрационном лагере в ведении Губисполкома, по усмотрению которого в ближайшем будущем получат новое место назначения по другим губерниям.

Только теперь население, после настойчивых трудов пропаганды и агитации, поняло и осознало весь вред для себя бандитизма. Эта работа не пропала даром.

30 июня 1922 года гор[од] Пенза.

Российский государственный военный архив. Ф. 58. Оп. 1. Д. 115. Л. 82, 82об., 83.

The small civil war: The events in the Penza Province at the end of 1921—the first half of 1922

Anton Posadsky, DSc (History), Professor, Povolzhsky Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 410012, Saratov, Moskovskaya St., 164. E-mail: Posad1968@mail.ru.

This publication is a commented historical document from the fund of the special units' headquarters. This document summarizes the events of several months (at the end of 1921 — the first half of 1922) in the Penza Province, which were determined by a sharp surge of banditry in a number of this province districts. The document describes in detail, with comments and notes, the stages of the struggle against banditry and its results favorable for the Soviet government. The comments assess the situation in 1921, and reconstruct the history of peasant uprisings in the Penza Province in 1918–1920 that expanded up to the half of its counties. The document reveals the motives of a relatively large group of peasants for participation in the bandit movement. The question is whether there were political motives or social hatred considerations in this movement criminal in form. The document describes the features of all types of peasant armed movements, such as the cluster of villages supporting the active core of rebels or bandits; and the ability of gangs to dissipate and restore strength for fight, etc. The author of the document shows that this active bandit movement was not described in detail in the reports of the State Political Directorate despite its dynamic development through a number of stages. The author emphasizes that the participation of some local peasants in the fight against banditry only strengthened the gangs, which indicates a significant potential for hostility within the rural society. The author of the document was a student of the Military Academy, and the document was probably his study assignment, which determines the historical value of this documentary essay on the history of special units of the Penza Province.

Key words: history of the peasantry, Civil War, the Penza Province, banditry, special units

- Sovetskaja derevnja glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918-1939* [Soviet Village through the Eyes of Cheka-USPD-PCIA. 1918–1939] (2000). *Dokumenty i materialy*. Vol. 1. 1918–1922 gg. Pod red. A. Berelovicha, V. Danilova. Moscow: ROSSPEN.
- Krestjanskoe dvizhenie v Povolzhie. 1919-1922 gg.: Dokumenty i materialy* [Peasant Movement in the Volga Region. 1919-1922: Documents and Materials] (2002). Pod red. V. Danilova, T. Shanina. Moscow: ROSSPEN.
- Gosinformsvodka Informacionnogo otdela GPU za 1 marta 1922 goda No. 2/267 ot 2 marta 1922 g. [The State Information Bulletin of the Information Department of the SPD for March 1, 1922 No. 2/267 of March 2, 1922] (2001). *“Sovershenno sekretno”: Lubjanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922-1934 gody)*. Vol. 1. 1922–1923 gody. Ch. 1. Moscow.
- Kuzichkin S.N. (2015) *Zametki arhivista* [Notes of the Archivist]. Penza.
- Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian State Military Archive]. F. 58. Op. 1. D. 115. L. 82, 82ob., 83.

А.В. Посадский
Малая гражданская война: события в Пензенской губернии в конце 1921 — первой половине 1922 года

«Природный альтруизм» или вынужденная рациональность? Должное, ожидаемое и реальное в (не)формальной экономике

Рецензия на книги: Боулз С. Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан / Пер. с англ. Д. Шестакова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 336 с. ISBN 978-5-93255-472-2; Элликсон Р. Порядок без права: как соседи улаживают споры / Пер. с англ. М. Марков, А. Лащев; науч. ред. перевода Д. Кадочников. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 520 с. ISBN 978-5-93255-468-5

И.В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-4-160-183

...Может быть, и на самом деле те люди скопились
где-нибудь в овраге, скрытом от ветра и государства,
и живут, довольные своей дружбой.

А. Платонов

В последние годы в научной и публицистической литературе появляется все больше статей, с грустью констатирующих постепенное исчезновение (самый пессимистический прогноз) или существенное сокращение (более оптимистическая версия будущего) в нашей повседневности сферы неформальных практик. Как правило, в качестве свидетеля феномена неизбежности сжатия ареала неформальности приводится феномен соседства: действительно, его значение как жизненной среды и способа решения многих бытовых проблем сегодня снижается, и рассказы о добрососедстве и высочайшем уровне обыденного доверия между соседями обычно составляют воспоминания старших поколений, а не жизненные реалии нынешней молодежи. Общеизвестно, что феномен соседской дружбы в советском обществе конституировался, с одной стороны, множеством ежедневных бытовых контактов, поддерживающих устойчивые коммуникативные

сети взаимной поддержки, с другой стороны — отсутствием иных возможностей организовать собственную жизнь. И наступление на сферу неформального началось скорее со второго фронта — любые необходимые нам сегодня услуги можно приобрести за деньги (перевезти груз, присмотреть за домашним питомцем, довести ребенка из школы домой, купить и принести продукты из магазина и пр.), в результате чего расширение сферы коммодификации в рамках повседневного жизненного мира сократило столь важную и нужную прежде сеть обыденных соседских взаимодействий и неформальных практик.

Вполне в духе обозначенной тенденции захвата инструментами рационализации сферы повседневных решений выступил Нобелевский комитет, присудив в 2017 году премию одному из отцов-основателей поведенческой экономики Р. Талеру¹. Если очень условно суммировать суть его теории², то речь идет о признании того, что люди далеко не всегда действуют так, как предсказывает стандартная (неоклассическая) экономическая теория, т. е. не руководствуются исключительно экономическими мотивами. Люди вносят массу субъективного даже в финансовые вопросы, например, чрезмерно эмоционально реагируя на неожиданные новости, связанные с инвестициями, или заботясь о справедливости настолько, что готовы идти на убытки ради наказания несправедливых действий. Они мыслят не категориями некоего общего экономического эффекта, а принимают решение отдельно по каждому финансовому вопросу, опираясь далеко не только на экономические соображения (например, «эффект собственности/обладания» проявляется в том, что люди ценят больше то, чем обладают, а решения о вложении средств могут принять, ориентируясь на сиюминутные выгоды или под влиянием настроения, голода или погоды). Однако и эта область социальных действий может быть успешно формализована и рационально использована властями в интересах общественного развития³ (сокращения бедности, повышения занятости, улучшения дорог и пр.), если настроить человека на принятие взвешенных решений (стратегия «либертарианского патернализма» учитывает реальное человеческое поведение и не опирается на модель принятия решений абстрактным *Homo economicus*), «подтолкнуть» его к выбору того, что лучше для него самого и для общества в целом⁴.

И.В. Троцук
«Природный альтруизм» или вынужденная рациональность? Должное, ожидаемое и реальное в (не)формальной экономике

1. *Божович М.* (2017). Экономика разума vs экономика глупости // <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/ekonomika/a23131>.
2. См., напр.: *Thaler R.H., Sunstein C.R.* (2008). *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth and Happiness*. New Haven: Yale University Press.
3. См., напр.: *Leonard T.C.* (2008). Review of “Richard H. Thaler, Cass R. Sunstein. *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*” // *Constitutional Political Economy*. Vol. 19. No.4.
4. См., напр.: *Basham P.* (2010). Are Nudging and Shoving Good for Public Health? A Democracy Institute Report. // www.democracyinstitute.org/LiteratureRetrieve.aspx/3FID/3D69452&usg=AOvVawo2qYEzSUZ69oJ3t5o7ToFM.

Несмотря на мировое признание поведенческой экономики, о чем свидетельствует получение Талером Нобелевской премии, в ней далеко не все так однозначно⁵, начиная с названия. Многие исследователи оспаривают правильность ее квалификации как «бихевиористской», призывая признать ее близость «когнитивной психологии»⁶, хотя она отличается от последней чрезмерной концентрацией на эмоционально-чувственной сфере⁷. Общеизвестно, что поведенческая экономика фокусируется на введенном Г. Саймоном понятии «ограниченная рациональность»⁸ (спектр ограничений в области знаний и решений людей, которые не позволяют предсказывать их поведение согласно неоклассической теории) и призывает изучать реальное поведение людей:

«В отличие от чистых теоретиков, мы не должны с самого начала предполагать, что рациональное поведение имеет место... Нам следует изучать экономическое поведение таким, каким оно предстает перед нами в реальности. Описывая и классифицируя различные реакции, как и обстоятельства их порождения, мы всегда должны задаваться вопросом, вправе ли эти реакции называться “рациональными”, и если да, то до какой степени»⁹.

Речь идет о рационализации повседневных практик («субоптимальности») принимаемых экономическими агентами решений), но на этапе после, а не до сбора эмпирических данных о реально наблюдаемом поведении, поскольку в современной экономической теории понятие рациональности оказывается чисто формальным и требует выполнения минимального набора условий, чтобы называть поведение рациональным (прежде всего не взаимоисключающие предпочтения, или транзитивность, и независимость от контекста, или незначимых альтернатив)¹⁰.

Соответственно, «набор политик, поддерживаемых и одобряемых новыми патерналистами, представляет собой сложную смесь из законодательных и административных запретов, налогов, схем раскрытия информации, средств убеждения и манипуляций “архитектурой выбора”... В принципе бихевиористы рассматривают как желательные и допустимые любые формы государственного регу-

5. См. подробный обзор в: *Капелюшников П.* (2013). Поведенческая экономика и новый патернализм // <http://polit.ru/article/2013/11/12/paternalism>.

6. См., напр.: *Lambert C.* (2006). The marketplace of perceptions // *Harvard Magazine*. No.2.

7. *Angner E., Loewenstein G.* (2007). Behavioral economics // *Handbook of the Philosophy of Science* / Ed. by D. Gabbay, P. Thagard, J. Woods, Vol. 13. Amsterdam: Elsevier.

8. *Simon H.A.* (1987). Bounded rationality // *The New Palgrave* / Ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. New York: W.W. Norton, 1987.

9. *Капелюшников П.* (2013). Поведенческая экономика и новый патернализм // <http://polit.ru/article/2013/11/12/paternalism>.

10. См., напр.: *Tversky A., Kahneman D.* (1986). Rational choice and the framing of decisions // *The Journal of Business*. Vol. 59. No.4.

лирования, если они способствуют эффективному устранению когнитивных и поведенческих ошибок»¹¹ (например, законодательное закрепление периодов «охлаждения» — до или после принятия важных решений, как официальная регистрация брака не сразу после подачи заявления; обязательное раскрытие информации при заключении крупных сделок или сделок с высокорискованными товарами и услугами, опасными для здоровья). Смену прежнего «государства благосостояния» формирующимся «патерналистским» представители поведенческой экономики обосновывают необходимостью вмешательства государства (и экспертов) в решение людьми своих поведенческих проблем, неэффективностью стимулов, которые возлагают на людей ответственность за последствия их прошлых действий (предлагается заменить их вознаграждениями/наказаниями за текущие или будущие действия), и приоритетом того, как люди чувствуют себя в обществе, перед тем, чего они хотят или что делают¹².

Многие авторы справедливо отмечают, что поведенческая экономика открыта для критики по ряду оснований. Так, это слишком несистематизированное поле эмпирических наблюдений за психологическими феноменами (их результаты не всегда согласованы даже в лабораторных экспериментах), где отсутствует обобщенная оценка тех когнитивных и поведенческих ошибок (иррациональностей), с которыми предлагается бороться новой патерналистской политике. Последняя, в свою очередь, не владеет достаточным объемом информации, чтобы быть успешной, и преувеличивает позитивность и потенциал регулирующего воздействия государства как гиперрационального агента¹³, т. е. роль формального экономического взаимодействия, хотя со времен А. Смита экономисты и не отрицают, что институты (прежде всего рыночные) действительно делают поведение человека более рациональным (формализуют правила жизни настолько, что экономические субъекты вынуждены вести себя рационально почти «на автомате»).

Преимущественно вся эта критика объясняется тем, что «поведенческая экономика сохраняет человека экономического в качестве отправной точки. Цель исследований и экспериментов — документирование исключений из доктрины, а одинокий индивид так и остается и идеалом, и исходным условием. Поведенческие экономисты рассуждают: поскольку очевидно, что человеку трудно вести себя рационально, ему надо помочь... поддерживать, толкать в нужном направлении... Поэтому задача государства — обеспечить

11. *Капелюшников Р.* (2013). Поведенческая экономика и новый патернализм // <http://polit.ru/article/2013/11/12/paternalism>.

12. *Saint-Paul J.* (2011). *The Tyranny of Utility*. Behavioral Social Science and the Role of Paternalism. Princeton: Princeton University Press.

13. См., напр.: *Glaeser E.L.* (2004). Psychology and the market // *American Economic Review*. Vol. 94. No.2.

нас эффективной структурой стимулов, что и научит действовать рационально, исходя из собственных предпочтений... И, разумеется, не вина представителей поведенческой экономики, что их предложениями часто злоупотребляют те политики, которые стараются избегать сложных решений»¹⁴. С другой стороны, следует признать, что обычные люди, не всегда принимая наилучшие для себя решения, посредством неформальных механизмов и вариативного использования нормативных и правовых инструментов, способны совершать разумные шаги, по крайней мере, не хуже, чем политики, чиновники и иные эксперты. Авторы подобных работ не провозглашают индивидов гиперрациональными существами, никогда не совершающими ошибок, или, наоборот, нерациональными, недальновидными и слабовольными, а подчеркивают, что люди обладают правом на ошибки, благодаря которым становятся более компетентными и ответственными (рациональными), и свободой выбора стратегии поведения, и обычно они предпочитают неформальные практики как наиболее удобные для жизни.

Аннотация книги Р. Элликсона «Порядок без права: как соседи улаживают споры» вызывает смешанные чувства. С одной стороны, автор справедливо отмечает, что право в повседневной жизни имеет гораздо меньшее значение, чем принято считать, поскольку «действия людей в значительной мере координируются средствами неформального контроля, т. е. социальными нормами, которые возникают без участия государства или иного централизованного координатора». Для подтверждения этой идеи автор обращается к «юриспруденции, экономической теории, социологии, теории игр и антропологии» и к «примерам из самых разных областей человеческой деятельности, включая китобойный промысел, копировальные центры и отношения между домовладельцами и арендаторами жилья», т. е. работает одновременно на теоретическом и эмпирическом уровнях (с. 4). С другой стороны, автор якобы «исследует неизвестный мир, где порядок успешно достигается без помощи права» (хотя в социологии и антропологии эта область обыденного права неплохо исследована), опирается на специфическую эмпирическую базу (взаимодействие неформальных и правовых норм в отношениях скотоводов округа Шаста в США) и претендует на создание «общей теории взаимодействия людей для взаимной выгоды» (что вряд ли возможно в принципе, не говоря уже об упомянутой эмпирической базе, впрочем, автор понимает сомнительность своей универсалистской позиции и приглашает критиковать ее с культурологических позиций).

14. *Марсал К.* (2017). Кто готовил Адаму Смиту? Женщины и мировая экономика / Пер. со швед. М.: Альпина Паблишер. С.160; *Троцук И.В.* (2018). Социологическая «калорийность»: кулинарное, культурное и пространственное «измерения» еды // Социологическое обозрение. Т.17. №1. (в печати).

Центральное положение книги таково: «право имеет гораздо меньшее значение, чем это утверждалось многими учеными», которые «рассматривали государство в качестве основного, а возможно и единственного источника прав собственности» и «преувеличивали влияние правовых институтов. В первую очередь в тех случаях, когда ставки малы, а взаимодействующие стороны рассчитывают на продолжение их отношений, маловероятно, что люди действительно станут обращаться к правовой системе в поиске норм или средств принуждения к их исполнению. В подобном контексте члены тесно связанных групп, такие как члены одной семьи или жители одной деревни, скорее всего, будут регулировать свои отношения на основе неформальных социальных норм. Чтобы принудить к исполнению этих норм, они не станут обращаться в полицию или суды, а обратятся к расплывчатым санкциям самозащиты, таким как распространение недоброжелательных сплетен или ostracism. А после того как мягкие средства самозащиты потерпят неудачу, они могут почувствовать себя вправе прибегнуть к ограниченному применению насилия... Право будет скорее всего применяться... когда ставки высоки, а стороны находятся на социальной дистанции» (с. 9-10).

Обратиться к поиску эмпирических подтверждений того, что люди часто разрешают споры на основе сотрудничества, а не законов, автора заставили его исследования практик землепользования на основе теории «права и экономики», точнее, «теоремы Коуза... согласно которой люди путем переговоров могут прийти к взаимной выгоде, исходя из любой начальной ситуации, заданной правовой системой» (с. 13). Интервью с сельскими жителями округа Шапта показали, что неформальные (адаптивные) нормы добрососедства применяются для разрешения споров, даже если не соответствуют закону (формальным юридическим правам), т. е. демонстрируют действенность неиерархических процессов координации и систем социального контроля (аналогично развитию языков, родов и рынков).

Согласно первой части книги, жители сельского округа Шапта в Калифорнии решают споры, применяя чаще неформальные нормы, а не юридические правила, потому что стремятся быть хорошими соседями, и кооперация для них — норма. Эта часть книги написана весьма увлекательно — как «эпопея, в которой участвуют ковбои, злодеи, ограждения из колючей проволоки, петиции граждан, а также другие детали, связанные с почтенными традициями Соединенных Штатов» (с. 19) и перемежаемые поэтически описаниями природы и юмористическими комментариями типа «для скотоводов с предгорий эти кусты [несъедобные для скота] столь же неприятны, как и мысли об импорте аргентинской говядины» (с. 44). В первых шести частях автор знакомит читателей с округом Шапта и местными скотоводами, описывает их горячие споры по поводу ущерба, наносимого соседским заблудившимся

скотом, раздела затрат на строительство и поддержание пограничных ограждений и трагических последствий дорожных столкновений со скотом.

Автор постоянно структурирует текст схемами и моделями, облегчая его восприятие читателем. Так, он выделяет два условных типа скотоводов в округе Шапта: традиционалисты следуют прежним практикам ведения сельского хозяйства (сложившимся в 1920-е годы), борются с предписаниями против закрытия пастбищ и позволяют скоту бродить летом почти без наблюдения в арендованных ими неогороженных горных районах; модернисты содержат скот за ограждениями, моложе, образованнее, активнее и экономически успешнее традиционалистов. Объединяет две группы уверенность, что «скотоводы ведут наилучший образ жизни из тех, что возможны на западе Америки... и противодействие предлагаемым законодательным изменениям об усилении ответственности владельцев за отбившийся скот» (с. 55).

В улаживании повседневных споров у скотоводов округа Шапта есть две возможности: во-первых, обращаться к формальным правовым нормам, не игнорировать ни один случай нарушения своих прав, избегать транзакционных издержек и разрешать споры в каждом случае отдельно, а не все сразу — все это соответствует теории Коуза, что люди стремятся структурировать свои взаимодействия к взаимной выгоде. Однако в сельской местности округа Шапта скотоводы предпочитают разрешать конфликты не в «тени правосудия» (впрочем, жертвы вторжения чужого скота обращаются и к юридическим правам), а за ее пределами, используя неформальный контроль, «следуя доминирующей норме кооперации соседей (сельский житель должен мириться с незначительным ущербом, добрососедская реакция на отдельное вторжение — обмен любезностями, норма взаимной сдержанности лежит в основе философии «живи и дай жить другим»)»... и норме, что владелец скота отвечает за действия своих животных... приверженность этой норме не зависит от формальных юридических прав» (с. 103).

Философия «живи и дай жить другим» основана на том, что «сельские жители взаимодействуют друг с другом по самому широкому кругу аспектов, и большинство из них ожидает, что эти взаимодействия будут продолжаться и в будущем... В терминах теории игр они вовлечены в повторяющуюся, а не единичную игру... Там, где плотность населения низкая, каждый сосед имеет большое значение. В результате любой спор по поводу нарушения владений почти наверняка оказывается всего лишь одной из нитей в богатой ткани продолжающихся взаимоотношений... Участник мультиплексных взаимоотношений может вести примерный мысленный подсчет текущих требований и обязательств по каждому аспекту этих отношений... До тех пор пока сводный счет балансируется, ни одной из сторон не надо беспокоиться о том, что такой баланс отсутствует по одному из конкретных субсчетов... Соседи мирят-

ся с незначительной несбалансированностью их сводных счетов, особенно когда считают, что их будущие взаимодействия обеспечат подходящие возможности для урегулирования старых счетов» (с. 107-109).

Сельские жители округа Шаста используют четыре способа дисциплинировать нарушителей: самозащита (распространение правдивых недоброжелательных сплетен, угроза конфискации животных и т.д.), сообщение окружным властям (чтобы они потребовали удалить животное с чужих владений или озвучили угрозу организовать закрытые пастбища), неофициальное требование компенсации (без помощи адвокатов, поскольку их наем означает эскалацию конфликта и неспособность решить проблему самостоятельно) и возбуждение исков о компенсации (чаще всего в случае дорожно-транспортных происшествий — «когда ставки растут, тень права сгущается»). Два последних способа редки, потому что жители округа уверены, что «хороший сосед никогда не подает в суд» (с. 117). Также «для закрытия несбалансированных счетов соседи предпочитают платежи в натуральном виде, а не наличными. По мнению землевладельцев, денежные расчеты, применяемые в коммерческих сделках, символизируют недобрососедские отношения... перевод денег слишком холоден и слишком безличен» (с. 118-119).

Автор признает, что стремление землевладельцев сохранять «реальный естественный порядок» добрососедских отношений основано в том числе и на правовой безграмотности — они не осведомлены о соответствующих статьях (в том числе и профессиональные юристы, поскольку в округе не было судебных разбирательств об ограждениях). Например, мелкие скотоводы-традиционалисты отказываются от страхования ответственности, а многие доверяют ошибочным изустным сказаниям о нормах ответственности в случае дорожно-транспортных происшествий со скотом. Неформальные нормы — не только осознанный выбор землевладельцев, но и единственный им известный (пропорциональное разделение обязанностей по строительству и поддержанию ограждений, отказ от обидных наличных платежей, особенно если речь идет о личном труде): «хороший сосед должен стремиться поддерживать постоянные кооперативные отношения, а не заключать безличные сделки “на расстоянии вытянутой руки”» (с. 149).

Устойчивость неформальной системы контроля автор объясняет и тем, что скотоводы продолжают смотреть на мир «через испорченное стекло», «сопротивляются восприятию информации, которая противоречит их фольклору» (с. 217). Они «неоднократно имели возможность узнать, что страховые компании и суды не следуют поговорке “автомобилист покупает корову на открытом пастбище”. Получая такую информацию, скотоводы не изменяли своих убеждений, а ругали суды и страховые компании за их некомпетентность» (с. 218). «Ложный фольклор выгоден членам со-

И.В. Троцук
«Природный альтруизм» или вынужденная рациональность? Должное, ожидаемое и реальное в (не)формальной экономике

циальной группы в том случае, если наносит им ущерб в гораздо меньшей степени, чем приносит пользы. Это... “полезный миф”. Недостаток ложного убеждения в том, что оно может привести к принятию решения, которое впоследствии окажется неразумным (скотоводы не уделяют страхованию должного внимания)... Ложный фольклор предоставляет скотоводам и важное преимущество... — искреннюю и спасающую их престиж инструментальную аргументацию, которую можно использовать в важных символических сражениях» (с. 223).

На основе приведенных в первой части книги концепций и данных во второй части автор показывает, что социальный порядок часто возникает спонтанно, и «обширные сегменты социальной жизни располагаются и формируются вне сферы действия права» (с. 23). Он разрабатывает «теорию того, как людям удастся взаимодействовать к взаимной выгоде без помощи государства или иного иерархического координатора», чтобы «предсказать содержание неформальных норм, выявить процессы, посредством которых создаются нормы, а также разграничить те области деятельности, которые подпадают под действие закона, и те, которые остаются за его пределами» (с. 18). Вторая часть состоит из десяти глав, в которых автор разрабатывает «амбициозный проект теории норм». Он начинает с критического обзора систем социального контроля (модели «право и экономика» и «право и общество»), продолжает применением теоретико-игрового подхода для определения «социальных несовершенств», которые могут подорвать систему неформального контроля, и завершает анализом функций и содержания норм, необходимых для выработки неиерархической группой системы неформального порядка.

Автор предлагает «таксономию системы социального контроля, различая: два типа санкций (положительные и негативные); пять контроллеров (первое лицо, второе — на которое оказывается воздействие, и третьи лица — правительства, организации и неиерархические социальные силы), администрирующих санкции (личная самозащита, самозащита с внешней поддержкой, организационное и государственное принуждение) и разрабатывающих пять типов правил (личная этика, контракты, законы, организационные правила и нормы)» (с. 231); три типа поведения — исходное (обычное), вторичное (меры социального контроля в ответ на поведение или его ожидание) и третичное (меры социального контроля в ответ на вторичное поведение). Основываясь на этой таксономии, в последующих главах автор рассматривает систему неформального контроля и ее пересечения с правом.

Для «систематического анализа проблемы человеческого порядка» автор использует (и предлагает следовать его примеру) теорию игр, поскольку она «вынуждает делать явные допущения о мотивации и способностях человека, а также устанавливать характеристики “игр”, т. е. межличностных взаимодействий» (с. 285). Свою

приверженность теории игр автор объясняет тем, что принадлежит кругу позитивистов и «ему интересно делать и проверять предсказания» (очень своеобразная трактовка позитивизма), опираясь на модель рационального актора, согласно которой каждый индивид действует исходя из корыстных целей (максимизации собственного выигрыша), рационально просчитывая способы их достижения. В определенных обстоятельствах актер может предпочесть «кооперативный», «максимизирующий благосостояние группы» исход (наибольший объективный выигрыш группы независимо от его распределения между игроками), если иные, более эгоистические стратегии оказываются неэффективны (так, стратегия «око за око» легко опознается оппонентами, быстро вознаграждает кооперацию и наказывает предательство, но срывается при ограниченном наборе условий).

Остальные главы книги конкретными примерами подтверждают гипотезу автора о том, что «члены тесно связанной группы поддерживают и развивают нормы, которые служат для максимизации совокупного благосостояния (неформально поощряют кооперативное поведение)» (с. 302), т. е. что «децентрализованные социальные силы вносят существенный вклад в социальный порядок» (с. 304), поскольку утилитарны и рациональны в оценке соотношения целей и средств. Несмотря на привлекательность этой гипотезы, автор справедливо отмечает ее несовместимость с массой классических и доминирующих сегодня моделей социальности, не считая это проблемой для собственных теоретических построений. Он не позиционирует их как «всеохватывающее нормативное утверждение», потому что далеко не всегда мы имеем тесно взаимосвязанные и устойчивые социальные группы; повышение благосостояния членов одной группы необязательно благотворно сказывается на ее не-членах; благосостояние как набор объективных показателей не воспринимают те, для кого важны критерии справедливости, защиты личных свобод и прочие ценностно (субъективно) нагруженные версии благосостояния, т. е. гипотеза может иметь сильную и слабую формы. Последняя допускает существование нормы «сотрудничества» как способа минимизировать безвозвратные потери группы и имеет ограниченное значение для повседневного взаимодействия (группа может придерживаться и норм чистой благотворительности). Строгая версия гипотезы гласит, что «все нормы тесно связанных групп будут в сущности максимизирующими благосостояние» (с. 314), и акцентирует наличие транзакционных издержек при использовании неформального контроля для максимизации общего «пирога для дележа», поэтому повседневные нормы неизбежно определяет скрытая рациональная минимизация издержек, особенно в торговле и соседских связях.

Для автора тесно связанные социальные группы — это пронизанные сетью обоюдных взаимоотношений, близких и длительных,

И.В. Троцунь
«Природный альтруизм» или вынужденная рациональность? Должное, ожидаемое и реальное в (не)формальной экономике

которые влияют на неформальный контроль несколькими способами: формируют сеть передачи информации о действиях участников в прошлых социальных взаимодействиях (сплетни), развивают систему объективной оценки пригодности норм для роста общего благосостояния и способствуют выявлению и награждению «борцов за общественные интересы», принуждая остальных к соблюдению норм. Работа этого механизма продемонстрирована на примере материально-правовых норм округа Шаства, которые заставляют его сельских жителей быть «хорошими соседями», побуждая к кооперативному поведению (стратегия «выравнивания» посредством корректирующих правил минимизирует транзакционные издержки и безвозвратные потери, и принцип «живи и дай жить другим» примиряет с незначительными потерями), а также на примере развития китобоями XVIII–XIX веков неформальных норм определения прав собственности на кита, пойманного с помощью нескольких кораблей. Эти примеры призваны убедить читателя, что «порядок может иметь место и без права», хотя неформальное принуждение ненадежно в больших городах, а судебные процессы больше подходят для сторонних лиц, высоких ставок и технически сложных решений, требующих экспертных оценок и дополнительных затрат (их проще возложить на государство). В целом вовлеченные в систему неформального контроля быстрее обнаруживают факты и точнее оценивают достоверность свидетельств (здесь Левиафан не всемогущ, его правовые интервенции могут быть бесполезны), но специалисты в области права лучше в сборе экспертных оценок и обеспечении их нейтральности. Однако «правовая и неформальная система контроля могут характеризоваться эффективностью (или неэффективностью) масштаба» (с. 448).

Автор понимает, сколь легко его модель и примеры могут быть подвергнуты критике как неубедительные, наивные и слишком оптимистичные, поэтому в самой короткой третьей части книги отвечает на критику, приводя два контрпримера. Они показывают, что «тесно связанные группы способны генерировать такие нормы, которые снижают благосостояние их членов» (с. 469), хотя при ближайшем рассмотрении племя ик в Северной Уганде и крестьяне в итальянской деревне Монтеграно в меньшей степени опровергают его концепцию, чем может показаться. Так, в трагической истории племени ик кооперация между членами племени сходит на нет по мере распада их связей и утраты перспектив продолжения взаимоотношений.

Необходимость обновленной концептуальной модели социального контроля автор объясняет тем, что исследователи «права и экономики» недооценивают роль внеправовой системы в достижении социального порядка, а правовые централисты убеждены, что «государство — важнейший источник правил и принуждения к их исполнению» (так, Т. Гоббс считал, что общество без правителя придет к хаосу, а Р. Коуз — что государство обладает монопо-

лией на создание правил). Правовому централизму противостоит концепция «общества и права», которая эмпирически подтверждает, что люди часто обращаются не к законам, а к нормам. Автор критически оценивает оба направления в их крайних проявлениях (правовые централисты недооценивают роль норм, а правовые периферисты — роль законов), потому что законы и нормы совместно определяют наше поведение. Впрочем, критика школы общества и права за ее неспособность создать теорию норм выглядит чрезмерной, особенно когда речь идет о якобы «устаревшей функционалистской социологии и антропологии», несмотря на ряд верных замечаний об избирательной функциональности норм (выгодных не для всех членов группы) или неопределенности механизмов их создания и манипулирования, да и с критикой социобиологической трактовки ряда норм как врожденных нельзя не согласиться. Автор прав и в том, что «законодательство, которое служит более широкому и равному распределению власти, скорее всего, укрепит системы неформального контроля», а «законодатели, не учитывающие благоприятные для неформальной кооперации социальные условия, скорее всего, создают мир, в котором больше закона и меньше порядка» (с. 505-506), что очень точно характеризует нынешние российские реалии.

Книга С. Боулза «Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан» также отвергает концепцию экономического человека как основу моделирования реакций людей на стимулы и наказания, потому что она вытесняет этические и альтруистические мотивы, как бы сообщая человеку, что от него ожидается эгоистическая (и аморальная) реакция. На исторических и современных примерах автор показывает, что стимулы могут дополнить и подкрепить моральные и гражданственные мотивы, на которых и основывается хорошее (эффективное) управление.

В предисловии к русскому изданию автор отмечает, что большинство его читателей живут в Европе и Северной Америке — странах с долгой историей либеральных институтов, основанных в том числе на принципе невмешательства государства в предпочтения и ценности людей — как в форме суждений об их природе, так и посредством изменения политического курса (принцип «либеральной нейтральности»). Теперь его читателями стали россияне, которые имеют непосредственный или исторический опыт жизни в условиях режима, который проводил активную политику по созданию нового советского человека, поэтому автор убежден, что «российские читатели способны разделить его глубокое уважение к принципу либеральной нейтральности как барьеру на пути подавления государством личного пространства и свободы строить свою жизнь по собственному желанию. Но многих из них могут удивить или даже возмутить его сомнения в том, что принцип либеральной нейтральности способен послужить хорошей основой для экономиче-

И.В. Троцук
«Природный альтруизм» или вынужденная рациональность? Должное, ожидаемое и реальное в (не)формальной экономике

ского анализа и публичной политики» (с. 12). Автор отказывает ему в этом по двум причинам: во-первых, накоплено множество научных свидетельств, что широкое использование денежных стимулов (субсидии, штрафы и пр.) переключает людей на эгоистичные предпочтения; во-вторых, большинство экономистов (и политиков) считают людей эгоистичными и игнорируют «нравственные чувства», что приводит к отсутствию результатов или их контрпродуктивности (в духе идеи Дж. Скотта о бессмысленности «благих намерений государства»).

В 1980-е годы модели исследования культурных эффектов рынков были неполны, данных было недостаточно для тестирования гипотез о неэкономических мотивах и влияний на них стимулов, у экономистов и биологов в принципе были сомнения в распространенности подобных мотивов в достаточных для изучения масштабов. В 1990-е годы автор смог собрать каталог поведенческих экспериментов со всего мира и провел серию собственных, чтобы эмпирически подтвердить свою теорию. В 2000-е годы он приступил к изучению археологических, генетических и этнографических данных об эволюции общественного поведения, чтобы объяснить, почему человечество — «кооперативный вид», в котором мотивы к этичному и великодушному поведению широко распространены.

В первой главе «Проблемы с Homo economicus» автор соглашается, что «хорошее управление невозможно без понимания того, как люди реагируют на законы, экономические стимулы, информацию или моральные призывы, которые составляют систему управления; их реакция зависит от их желаний, целей, привычек, убеждений и моральных качеств, которые определяют и ограничивают их действия» (с. 20), но оспаривает традиционную междисциплинарную идею, что люди «преследуют лишь собственный интерес и аморальны», хотя уточняет, что в нее «никто на самом деле не верит... а принимает из соображений благоразумия, а не реализма» (с. 21). Неразумность модели Homo economicus в качестве основы законодательства, политического курса и деловой организации автор объясняет тем, что эта посылка «приближает ситуацию к всеобщей аморальной эгоистичности», а наказания, поощрения и прочие материальные стимулы не всегда хорошо работают. Более того, предпочитаемые экономистами меры (детализированные права собственности, рыночная конкуренция и денежные стимулы) нередко размывают этические мотивы, подрывают «гражданскую культуру кооперирующихся и великодушных граждан» и разрушают нормы, необходимые для функционирования рынков (так, взаимное недоверие приведет к потере выгод для всех сторон сделки, если для ее заключения недостаточно ударить по рукам).

Иными словами, модель Homo economicus не описывает «людей как они есть»: поведенческие эксперименты показали, что этические и альтруистические мотивы распространены во всех об-

ществах, но иногда вытесняются стимулами, апеллирующими к материальному интересу (так, штраф за опоздание родителей за детьми в детский сад увеличивает, а не сокращает долю опаздывающих, потому что играет роль цены за опоздание и подрыв этических обязательств). Автор предлагает отказаться от парадигмы, отводящей приоритетное значение экономическим стимулам, и взять на вооружение модель синергии стимулов/ограничений и этических/альтруистических мотивов, основанную на эмпирически обоснованном подходе к «людям как они есть»: «традиционные инструменты — поощрения и наказания — могут усилить, а не подрывать этические и альтруистические мотивы людей, что, в свою очередь, увеличит эффективность законодательных ограничений и материальных стимулов». Речь идет о признании экономистами очевидного (в повседневности) факта, что люди не столь уж дальновидны, расчетливы и последовательны¹⁵, а сама «идея, что законы и мораль могут взаимно усиливать друг друга, высказывалась еще два тысячелетия назад» (с. 27).

Вторая глава «Конституция для мошенников» начинается с примеров, что явные экономические меры и ограничения иногда неэффективны и даже контрпродуктивны для стимулирования социально ответственного поведения, а если срабатывают, то весьма ограниченно, потому что большие штрафы и драконовские наказания не могут мотивировать на самоотверженный труд и укреплять гражданскую гордость. От современных примеров автор переходит к Макиавелли, который «принимал синергетическую парадигму»: законы «создают стимулы и ограничения для сдерживания собственного интереса во имя общественного блага и в то же время поддерживают добрые нравы, от которых зависит эффективность законов (хорошие законы и хорошие обычаи дополняют, а не заменяют друг друга)» (с. 36). Соответственно, хорошее управление зависит не от «хорошести» граждан, а от того, насколько хорошо социальные институты организуют взаимодействие между ними.

Автор противопоставляет аристотелевское представление, что хорошие законы создают хороших граждан, теории А. Смита, согласно которой правильные институты могут использовать низкие мотивы для достижения высоких целей: преследуя собственные интересы, человек часто лучше служит интересам общества, чем когда сознательно стремится делать это, и обеспечивают это конкурентные рынки и защищенные права собственности, которые невидимой рукой направляют общество к «волшебству» порождения правильными институтами возвышенных последствий из обыденных

И.В. Троцук
«Природный альтруизм» или вынужденная рациональность? Должное, ожидаемое и реальное в (не)формальной экономике

15. См., напр.: *Kahneman D., Tversky A.* (1994). Choices, Values, and Frames. Princeton: Princeton University Press, 2000; *Kahneman D.* New challenges to the rationality assumption // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. No.1.

мотивов. Д. Юм дополнил эту картину «максимой», что «человек должен предполагаться мошенником, т. е. во всех своих действиях не имеющим иного интереса, кроме частного... Мы должны управлять им посредством сего и делать его, независимо от его неутолимой алчности и амбиций, союзником в достижении общей пользы» (с. 40). Однако классические экономисты не верили, что экономические агенты действительно аморальны: предлагаемые ими политические меры не отвергали этические и альтруистические мотивы и наказания в виде «моральных уроков». Несоответствие модели *Homo economicus* реальности не вызывала у экономистов беспокойства. Они понимали, что это упрощение, отличающееся от того, что они знали о поведении, но необходимое для понимания влияния политических мер на изменение экономических стимулов и поведения, поскольку оно отражало реалии роста городов и консолидации национальных государств. Индивиды взаимодействовали уже не с несколькими десятками знакомых, а с сотнями незнакомцев, этические и альтруистические мотивы оказались недостаточны для управления, и возникла необходимость в системе универсальных ограничений и стимулов.

Таким образом, «условное определение человека» Дж.С. Миллем как «существа, которое желает обладать богатством» (мотивировано эгоистическим интересом), автор считает «удобной, но эмпирически неверной абстракцией» (с. 46). Тем не менее она была взята на вооружение, в результате чего «хорошие институты заменили хороших граждан в качестве главного условия хорошего управления; в экономике цены стали выполнять работу морали» (с. 51). Задачей управления стало принятие таких законов и политических мер, которые позволяли бы индивидам преследовать собственные интересы, но учитывая влияние своих действий на других. Обеспечить это предлагалось этическими предписаниями, которые якобы формируют альтруистические предпочтения, и принципом «не суйся в чужие дела», что на рынке означает работу цен вместо морали, и этот подход срывает, если все, что важно для принятия решений, имеет цену, включая общественные выгоды и издержки. Смит довел эту идею до модели «невидимой руки рынка», в которой при наличии правильных институтов не нужен и «ловкий политик», а картели и монополии даже опасны: полные контракты обеспечивают Парето-эффективные результаты (невозможен иной исход, при котором одному индивиду стало лучше, а всем остальным не стало хуже). В итоге рынки обрели «моральную экстерриториальность» — «алчность в обертке собственного интереса была укрощена и из порока превратилась в еще один мотив, вроде предпочтения в выборе мороженого» (с. 56).

Автор, опираясь на труды предшественников, разрабатывает иную модель общественного поведения, основанную на следующих принципах: на моральное и иное просоциальное поведение

может влиять (в том числе неблагоприятно) политика, призванная сдерживать эгоистический интерес; неверно, что стимулы и мораль «аддитивно сепарабельны», потому что стимулами против эгоистического интереса можно подорвать гражданские добродетели, но этические и альтруистические соображения могут действовать совместно, обеспечивая выгодные для общества результаты. В качестве объективного основания модели выступает то, что на рынке неполные контракты являются правилом, а не исключением (информация об объеме и качестве товара/услуги часто несимметрична или неверифицируема), т. е. «провалы» возникают в каждодневных обменах, на рынках труда и кредита. «В договоре не все договорно... повсюду, где существует договор, он подчинен регламентации, являющейся делом общества»¹⁶. Когда контракты неполны, фактические условия сделки определяются социальными нормами, прежде всего взаимным доверием, поэтому «за исключением учебников по экономике, люди стараются не иметь дела с Homo economicus: работодатели предпочитают нанимать работников с сильной трудовой этикой; банки предпочитают одалживать деньги тем заемщикам, которые будут вести свои дела, как обещано, а не ввязываться в более выгодные, но и более рискованные проекты» (с. 63). В экономике неполнота контрактов все возрастает, но «главные ее рынки — труда, кредита и знаний — иногда работают сравнительно неплохо, потому что социальные нормы и альтруистические мотивы воспитывают в людях положительную трудовую тику, обязательство говорить правду о качествах проекта или информации и стремление выполнять обещания» (с. 64).

Подытоживая вторую главу констатацией, что «этические и альтруистические мотивы всегда были неотъемлемой частью хорошо управляемого общества, а в будущем они станут еще более значимыми» (с. 66), третью главу о «Нравственных чувствах и материальных интересах» автор начинает с утверждения, что стимулы иногда работают так, как предсказывает классическая экономическая теория (как будто мы заботимся лишь о собственной материальной выгоде). Однако «экономика из учебников работает не всегда», потому что неверна ее посылка о сепарабельности и аддитивности стимулов и нравственных чувств. Опираясь на экспериментальные данные (например, в игре «Дилемма заключенного» предательство максимизирует выигрыш игрока безотносительно действий другого, но от 40 до 66% игроков сотрудничают, т. е. действуют вопреки посылке об эгоистичном интересе), автор показывает, что немногие индивиды всегда преследуют собственные интересы, а моральные и альтруистические мотивы широко распространены, но могут быть вытеснены явными стимулами.

16. Дюркгейм Э. (1996). О разделении общественного труда. М.: Канон. С. 218.

И.В. Троцук
«Природный альтруизм» или вынужденная рациональность? Должное, ожидаемое и реальное в (не)формальной экономике

Эксперименты подтверждают, что Homo economicus «не только не одинок на экономической сцене, но часто даже не составляет на ней большинства... “Общественно ориентированные предпочтения” — альтруизм, реципрокность, внутренняя удовлетворенность от помощи другим, неприятие неравенства, этические обязательства и прочие мотивы побуждают людей помогать другим в большей степени, чем это совместимо с максимизацией их собственного богатства или материального выигрыша... даже в тех ситуациях, когда это сопряжено с издержками» (с. 76). В стандартной экономической модели вклад граждан в общественное благо зависит от субсидий или иного экономического стимула, который снижает издержки, но в реальности общественно ориентированные предпочтения нередко заставляют людей совершать действия, от которых остальные выиграют, даже если они сами потеряют, и устойчивость этих предпочтений относительно эгоистичных мотивов зависит от ситуации (предпочтения и стимулы могут быть не сепарабельны).

Совокупное влияние стимулов на индивидуальный вклад в общественное благо — сумма прямого и косвенного влияния стимула через ценности на действие. Однако косвенное влияние может быть различным: если оно отрицательно, т. е. меньше прямого влияния, то стимулы и общественно ориентированные предпочтения вытесняют друг друга (финансовое поощрение не срабатывает); если оно отрицательно или достаточно велико, чтобы компенсировать влияние стимула, то производит обратный эффект (штраф увеличивает количество и/или тяжесть проступков); если оно положительно, то стимулы и общественно ориентированные предпочтения дополняют и подкрепляют друг друга (супераддитивны). Причем вытеснение может быть категорическим — когда на ощущаемые ценности влияет само наличие стимула (готовность помочь незнакомцу погрузить диван в кузов грузовика была ниже при небольшом вознаграждении), а не его величина, и предельным — когда величина стимула тоже имеет значение (вознаграждение среднего размера увеличивало готовность помочь с погрузкой дивана).

В четвертой главе «Стимулы как информация» автор «открывает черный ящик скрытых причин эффекта вытеснения (таких мотивов, как реципрокность, щедрость и доверие) использованием явных стимулов», вследствие чего конституция для мошенников может заставить и хороших людей действовать так, будто они «порочны». Проанализировав 51 исследование о сепарабельности общественно ориентированных предпочтений и стимулов, автор обнаружил, что эксперименты измеряют не предпочтения напрямую, а действия людей при разных ограничениях и ожидаемых материальных выгодах. Соответственно, возникла задача реконструировать по действиям альтруистические предпочтения и их влияние на общественное поведение. Автор пришел к выводу, что «поли-

тические меры, основанные на убеждении, что граждане или наемные работники преследуют исключительно собственный интерес, чаще всего вынуждают людей именно так и действовать» (с. 122) под влиянием одного из двух каузальных механизмов: 1) стимулы намекают на природу ситуации и заставляют человека использовать другие предпочтения; 2) стимулы изменяют процесс приобретения предпочтений. Зависимость от ситуации определяет выбор предпочтения: мы по-разному ведем себя с начальником, продавцом или соседом; деньги считаются лучшим подарком, потому что предоставляют одариваемому возможность купить себе идеальный подарок, но без предварительной договоренности неприемлемы для семейного и дружеского круга. Иными словами, «стимулы вводятся с какой-то целью, и поскольку эта цель часто очевидна тем, для кого вводятся стимулы, из нее можно сделать выводы о том, кто вводит стимулы, о его представлениях о тех, на кого стимулы нацелены, и о природе задач, которые нужно выполнить (эффект фрейминга)» (с. 125). В большинстве ситуаций люди ищут указания на то, какое поведение наиболее приемлемо, ориентируясь на стимулы, и реакцией может быть «моральное отчуждение» (бонус будет сочтен взяткой и отвергнут) или отказ выполнять задание как подрывающее чувство личной автономии.

Ссылаясь на работу Дж. Грина¹⁷, автор разводит осознанные/когнитивные процессы, которые ориентируют на результат и утилитарны, и интуитивные/эмоциональные реакции, поскольку экономические стимулы способствуют первым, снижая значение вторых, но первые менее просоциальны. Согласно этой теории, эффект одновременной активации аффективных и осознанных процессов может быть меньше суммы отдельных эффектов, потому что эмоции (например, желание пожертвовать на благотворительность) могут быть подавлены осознанной системой (знание статистики). Так, «картинка с бедной девочкой позволяет собрать больше пожертвований, чем предоставление статистических данных о бедности, и больше пожертвований, чем статистика вместе с картинкой» (с. 151). Впрочем, автор критически оценивает нейробиологическую часть «теории дуального выбора», считая маловероятным, что доброта происходит из лимбической системы мозга (схожа у человека и животных), а не уникальной префронтальной коры; сомневается, что эгоистическое поведение меньше связано с эмоциями, чем с осознанностью; признает, что пока можно быть уверенным лишь в том, что «осознанная система поддерживает устойчивую заботу об остальных, основанную на моральных и этических принципах того, как должно себя вести; а аффективная система, напротив, ко-

17. *Green J.* (2014). *Moral Tribes: Emotion, Reason, and the Gap between Us and Them.* London: Penguin.

леблется между чистым эгоизмом и крайним альтруизмом в зависимости от степени вызванного сочувствия»¹⁸.

Завершая четвертую главу, автор задается вопросом: если стимулы могут вытеснять общественно ориентированные предпочтения (посредством плохих новостей, морального отчуждения и неприятия контроля), а без щедрости, реципрокности, трудовой этики и пр. немислимы хорошо функционирующие институты, то каким образом современным рыночным обществам, в которых широко используются экономические стимулы, удалось сохранить свои культурные основания? Ответ дан в пятой главе: «в странах старого капитализма присутствует живая гражданская культура, для которой характерно повсеместное следование социальным нормам сотрудничества и щедрости» (с. 161). Автор подчеркивает, что не преувеличивает добродетели старых капиталистических обществ и не отказывается от убеждения, что экономика с большим количеством стимулов может оказывать долгосрочное отрицательное влияние на гражданские предпочтения, а считает, что «достойная восхищения гражданская культура многих старых капиталистических экономик связана в большей мере с либеральным социальным порядком (формальное равенство политических прав, верховенство закона, общественная толерантность и незначительные барьеры для географической мобильности)... а не с широким использованием рынков и стимулов самих по себе» (с. 162).

Стимулы и прочие стороны экономической организации влияют на эволюцию предпочтений, потому что люди перенимают способы поведения, которые считают распространенными (социальный конформизм), независимо от их материальной выгоды (социальное обучение), интерпретируют щедрые и альтруистические действия как результат эгоистических предпочтений, обусловленных стимулами (интернализация устойчивых поведенческих паттернов и ценностных ориентаций в ходе социализации). «Отрицательные эффекты стимулов могут сохраняться даже после того, как стимул устраняется... поскольку влияние стимулов на предпочтения не просто зависит от ситуации (стимулы дают ситуационные подсказки), но составляет часть среды обучения (прошлый опыт), внутри которой предпочтения изменяются на продолжительный срок» (с. 171).

Завершая пятую главу проверка автором предположения, что значительная роль рынка сокращает общественно ориентированные предпочтения. Кросс-культурные исследования показали, что готовность вносить вклад в общественное благо широко распространена и в рыночных обществах, хотя в разной степени, т. е. опровергли господствовавшее убеждение, что рынок делает людей эгоистичными, распространяет «всеобщую продажность» и ведет

18. *Loewenstein G., O'Donoghue T., Sudeep B.* (2015). Modeling interplay between affect and deliberation // *Decision*. No.2.

к отмиранию гражданской добродетели. В ходе исследований оценивались три типа поведения: щедрость (готовность вносить вклад в общественное благо), поддержка социальных норм (готовность наказывать тех, кто вклад не вносит) и стыд от нарушения социальных норм (готовность к издержкам и положительный отклик на наказание других) — все они сильнее развиты в рыночных обществах. Причину автор видит в том, что, в отличие от традиционных и сегментированных по критерию родства сообществ, в либеральных обществах задача морального образования и поддержания порядка возлагается на «чужаков» — «легитимность учителей, полицейских и судей базируется на их анонимности и отсутствии родства с теми, с кем они взаимодействуют» (с. 195). «Либеральные государства не обладают ни информацией, ни потенциалом насилия, чтобы искоренить оппортунизм и злоупотребления. Но они могут защитить своих граждан от наихудших исходов, таких как вред здоровью, утрата имущества и прочие беды... через верховенство закона, профессиональную и прочие формы мобильности, которые позволяют людям избегать катастрофических потерь, а также, с недавних пор, через социальное страхование. Снижая риск, эти стороны либерального общества замещают семейные и древние узы, на которых основывается родовая и прочие традиционные идентичности» (с. 199). В результате «обобщенное (а не семейное) доверие» — характерная черта стран с долгой историей либеральных политических институтов¹⁹.

Все сказанное объясняет «дилемму законодателя», рассмотренную в шестой главе. Она начинается с фразы, что «политические меры, основанные на экономических стимулах, могут быть контрпродуктивными, так как принуждают людей принимать “рыночную ментальность” и могут подрывать... ценности, побуждающие действовать во благо общества» (с. 207-208). В 1970-е годы это утверждение было подвергнуто сомнению, потому что было недостаточно свидетельств влияния общественно ориентированных предпочтений на эффективность рыночной экономики и доминировала концепция «дизайна механизмов», согласно которой даже для эгоистичных людей грамотно сконструированные стимулы вместе с рыночными ценами способны обеспечить Парето-эффективность. В последующие десятилетия исследования подтвердили широкое распространение этических и альтруистических мотивов, а также способность стимулов их вытеснять в микроэкономике труда и кредита (социальные нормы и моральные кодексы побуждают людей интернализировать издержки и выгоды, когда их нельзя прописать в контракте) и в макроэкономике, где налоги и прочие госу-

И.В. Троцук
«Природный альтруизм» или вынужденная рациональность? Должное, ожидаемое и реальное в (не)формальной экономике

19. См., напр.: *Yamagishi T., Cook K.S., Watabe M.* (1998). Uncertainty, trust, and commitment formation in the US and Japan // *American Journal of Sociology*. No.104.

дарственные интервенции влияют не только на издержки и выгоды граждан, но и на их убеждения.

Соответственно, предсказать эффект политической меры можно лишь с учетом косвенного влияния на убеждения граждан, а не только прямого воздействия на экономические действия. Господствовавшая прежде концепция утверждала, что возможности политика ограничены: он (дизайнер) должен предлагать набор социальных правил и контрактов (механизмов), которые сгладят или устранят провалы рынка, но из уважения к частной жизни ему приходится действовать в условиях недостатка информации об индивидах, опираясь на три принципа: итоговое распределение должно быть Парето-эффективным; политика должна опираться на добровольное участие индивидов в экономической деятельности; нельзя ограничивать предпочтения (механизм должен работать даже для аморальных и эгоистичных агентов) (с. 215-217). Однако основанная на этих принципах конституция для мошенников не работает, потому что «базовая идея дизайна механизма заключается в направлении частных стимулов для достижения эффективности применительно к широкой группе людей... Это состояние Робинзона Крузо на острове; он один «владеет» всеми результатами своей деятельности, принятых на себя рисков и полученных знаний. Трюк в том, чтобы заставить каждого действовать так, как если бы он был Робинзоном Крузо» (с. 222), что маловероятно.

Оставшуюся часть шестой главы автор посвящает доказательству того, что «три условия — нейтральность к предпочтениям, добровольное участие и Парето-эффективность — в общем случае несовместимы» (с. 230). Каждая диада вершин делает недостижимой третью: сочетание добровольного участия с нейтральностью может срывать взаимовыгодные сделки, что противоречит Парето-эффективности; она и нейтральность достижимы, если людей заставляют участвовать в механизме вопреки их воле; добровольное участие с Парето-эффективностью нарушает принцип нейтральности предпочтений. Отказ от нейтральности был сочтен выходом из положения, теория дизайна механизмов была вынуждена признать неудобный для нее факт, что предпочтения имеют значение, и выбрала «эффективность по стимулам» — как наилучшую из достижимых при данных предпочтениях.

«Дилемма законодателя» состоит в том, что, с одной стороны, политика эффективного воздействия на личный интерес для достижения общих целей может подрывать этические и альтруистические предпочтения; с другой стороны, политические меры, способствующие распространению подобных предпочтений, могут снизить эффективность явных стимулов. Автор приводит данные экспериментов, подтверждающие зависимость доверия от типа рынка: лояльность торговым партнерам и забота о репутации возникали только в случае неполных контрактов, т. е. общественно ориенти-

рованные предпочтения улучшают работу рынков при неполных контрактах, а сделки, совершаемые на их основе, создают условия (долговременные личные отношения) для формирования общественно ориентированных предпочтений. Так возникает «благотворный круг: доверие, которое является ключевым условием для взаимовыгодных обменов, когда контракты неполны, приобретается людьми как раз в таких торговых отношениях, которые возникают, когда контракты неполны» (с. 244).

Однако проблема остается: хорошо определенные права собственности, гибкость и мобильность рынков при полных контрактах могут подорвать социальные нормы, обеспечивающие взаимовыгодные обмены в ситуации неполных контрактов. Предлагаемое автором решение представлено в заключительной главе: чтобы «издавать законы, должно изучить те случаи, в которых стимулы и общественно ориентированные предпочтения работали вместе, а не против друг друга» (с. 259). Мотивы действия являются не только материалистическими (получить что-то), но и конститутивными (стать кем-то), что давно признали психологи и социологи, но игнорировали экономисты. Иногда конститутивные и материалистические мотивы переплетаются (торговец хочет быть честным человеком, и такая репутация поможет ему заключать прибыльные сделки), и задача законодателя — «разрабатывать правила, которые позволили бы определять итоговый результат гражданственно ориентированным, а не эгоистичным агентам» (с. 289), потому что «альтруистически настроенные граждане при разумных правилах заставят “порочных” действовать так, как если бы они тоже были “хорошими”» (с. 290).

Таким образом, долгое время господствовавшая идея конституции для мошенников оказалась нежизнеспособной, несмотря на механизм невидимой руки, направлявший личный интерес к общему благу посредством конкурентных обменов (или государственного регулирования цен, если рынок не справлялся). Конституция для мошенников не способна эффективно распорядиться ресурсами общества и имеет неприемлемые социальные и культурные последствия. Безусловно, общественно ориентированные предпочтения (щедрость, справедливость и пр.) — ненадежный политический ресурс, однако «хорошие политики и конституции обеспечивают достижение ценных для общества результатов, не только обуздывая личный интерес, но также пробуждая, культивируя и усиливая гражданственные мотивы» (с. 299).

Завершая обзор книги С. Боулза, следует предупредить читателя, что она написана по материалам лекций и в значительной степени сохранила лекционный формат — текст логичен и последователен, автор постоянно резюмирует сказанное, уточняя используемые категории. Однако это лекции по экономике, поэтому, скажем, социологу, использующему качественный подход в анализе сельской повседневности, нужно быть готовым, что текст по-

И.В. Троцук
«Природный альтруизм» или вынужденная рациональность? Должное, ожидаемое и реальное в (не)формальной экономике

кажется ему сложным — по терминологии и чрезмерной экономоцентричности. С другой стороны, читатель с социологической подготовкой (и воображением) обнаружит в книге и важные для себя моменты, и то, с чем он принципиально не согласится. Так, несомненное достоинство книги — методическая рефлексия автора: например, он признает, что любой поведенческий эксперимент измеряет лишь действия его участников, но не то, что они думали и чувствовали, поэтому эксперименты следует дополнять данными, отвечающими на вопрос «почему»; а обобщение лабораторных экспериментов — всегда проблема (так, никогда не участвовавшие в благотворительности люди в эксперименте отдавали на нее в среднем 65% выигрыша). Автор объясняет разрыв между поведением в ходе эксперимента и вне лаборатории: люди ориентируются на подсказки ситуации; знают, что за ними наблюдают, поэтому могут вести себя иначе, чем в условиях анонимности или, наоборот, под давлением соседей, семьи или коллег; изучаются обычно социальные дилеммы, которые не часто встречаются в чистом виде в действительности; в большинстве случаев испытуемым платят, что может повлечь отбор участников с определенными ожиданиями (с. 106-107). Весь этот «шум» ставит под сомнение внешнюю валидность экспериментальных данных, хотя многие получили подтверждение в повседневных реалиях, однако автор не упоминает, что в действительности количество «шумов», которые влияют на решения и поведение человека, еще более многочисленно (по сути, вся его биографически детерминированная ситуация), поэтому обобщения здесь не менее сложны и по определению крайне схематичны.

В книге встречаются спорные утверждения и помимо ее предсказуемого и оправданного аналитической оптикой экономоцентризма. Так, автор крайне биологизаторски заявляет, что «дети обладают естественным стремлением помогать, но внешние поощрения могут ослабить его, поэтому практики социализации должны... работать в союзе, а не в конфликте с природной предрасположенностью детей действовать альтруистично» (с. 25).

Несмотря на логичность, последовательность, теоретическую и эмпирическую обоснованность рассуждений авторов обеих книг, сложно избавиться от ощущения, что человек в них предстает чрезмерной абстракцией. Безусловно, иная модель вряд ли удобна и приемлема для экономических исследований на макро- и микроуровне, однако мотивы человека все же не столь предсказуемы даже для него самого, не говоря уже о внешних наблюдателях, о чем убедительно свидетельствуют не только психология и история, но и художественная литература, воспитывающая именно те этические и альтруистические ценности, которые ставят под сомнение нашу сугубо рыночно-эгоистическую рациональность.

“Natural altruism” or forced rationality? Proper, expected and real behavior in (in)formal economy

183

Irina Trotsuk, DSc (Sociology), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Centre for Fundamental Sociology, Higher School of Economics, Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

И.В. Троцук
«Природный альтруизм» или вынужденная рациональность? Должное, ожидаемое и реальное в (не)формальной экономике

Агро-БРИКС, агромир и сельско-городская Россия

А.М. Никулин

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-4-184-190

13–16 октября 2017 года в Москве в Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации состоялся крупнейший международный аграрный форум — «Инициативы БРИКС в аграрных исследованиях: Новый экстрактивизм, крестьянство и социальная динамика, перспективы и дискуссии», в котором приняли участие более 150 аграрников из 30 стран мира.

Это была уже пятая по счету конференция такого рода, самая масштабная и представительная, впервые организованная и прошедшая именно в России усилиями Центра аграрных исследований Института прикладных экономических исследований РАН-ХиГС, Московской высшей школы социальных и экономических наук при поддержке Фонда Розы Люксембург. А первая конференция состоялась пять лет назад, когда ряд ведущих ученых-аграрников из университетов и исследовательских центров, прежде всего стран БРИКС, организовали междисциплинарное компаративистское обсуждение направлений международного аграрного развития. Конференции проходили в ЮАР, Бразилии и дважды в Китае¹. С каждой новой конференцией возрастало число участников, ширился круг обсуждаемых тем. Становилось ясно, что страны БРИКС не могут ограничиться обсуждениями лишь своих внутренних аграрных проблем. Например, аграрные экономики таких гигантов, как Китай и Бразилия, давно уже вышли за свои национальные пределы и в значительной степени определяют направления эволюции мирового экономического и технологического аграрного развития. Китай производит около 50% мяса свинины в мире и закупает для этого громадное количество кормов в Бразилии. Обе эти страны проводят экспансионистскую политику на междуна-

1. *Куракин А.А.* (2017). The 4-th International Conference of BICAS: Agro-Extractivism Inside and Outside BRICS // *Крестьяноведение*. Т. 2. № 2. С. 166-171.

родных аграрных рынках, например в Африке. Бразилия активно продвигает свои интересы, прежде всего в бывших португальских колониях Анголе и Мозамбике. Китай скупает земли сельскохозяйственного назначения по всей Африке, реализуя в ней свои сельскохозяйственные и инфраструктурные проекты. Конечно, от этих великих аграрных держав стремятся не отставать не только другие участники БРИКС, но и так называемые страны MICS (middle income countries), обладающие собственным солидным аграрным потенциалом. В Латинской Америке это прежде всего Мексика и Аргентина, в Азии — Индонезия и Вьетнам. Поэтому в московской конференции принимали участие аграрники из многих развивающихся стран, испытывающих на себе влияние стран БРИКС, а также западные ученые, исследующие аграрные проблемы.

Важно подчеркнуть, что это была не только академическая конференция. Примерно треть ее участников составляли активисты, занимающиеся вопросами доступа к ресурсам аграрного развития (земля, вода, кредиты, технологии) для крестьян, фермеров, сельских сообществ стран третьего мира.

Возможно, впервые столько аграрников различных междисциплинарных научных направлений вообще оказались в России, большинство из них искренне пытались понять, что же представляет собой современная сельская Россия. Конференция убедительно показала, что место России в процессах современного сельского развития уникально. Наша страна, как и сто лет назад, является собой эпицентр международных аграрных противоречий и альтернатив сельского развития, в котором самым невероятным образом переплетаются аграрные характеристики развитых и развивающихся стран. Например, многие иностранные участники конференции только здесь осознали, что современная Россия это не крестьянская страна. Да, с одной стороны, крестьян в России нет (или почти нет), так же как в Западной Европе или в Северной Америке. Так же как в большинстве западных стран, пространства сельской России заселены стареющим населением, находящимся под прессом демографической депопуляции и социально-экономической заброшенности, в отличие от все еще переполненных сельской молодежи (часто бедной и безработной) регионов развивающихся стран. С другой стороны, сельскую Россию объединяют со странами БРИКС и развивающимися странами сходные проблемы социально-экономической поляризации между так называемым мелким (крестьяне и фермеры) и крупным аграрным производством (агрохолдинги), а также значительный разрыв в уровне жизни и социальной инфраструктуре между городом и селом.

Одна из пленарных сессий конференции «Русская революция и ее влияние на крестьяноведение» была посвящена столетнему юбилею революционных событий 1917 года. Участники этой сессии отмечали, что в начале XX века П. Столыпин, В. Ленин, А. Чаянов, каждый на свой лад (консервативный, социалистический, народни-

ческий), сформулировали рекомендации, что делать с крестьянством в процессах ускоренной модернизации XX века. Конференция показала, что по-прежнему эти классические рекомендации остаются актуальными, дискуссируемыми, применимыми не только в крестьяноведческой теории, но главное — в политической, экономической и социальной практике сельско-городских реформ современных развивающихся стран. Об этом говорили в своих докладах крупнейшие зарубежные крестьяноведы — профессора Теодор Шанин, Генри Бернштейн, Штефан Мерль. Голландский профессор Ван дер Плуг представил на конференции свою только что переведенную на русский язык книгу «Чаяновский манифест» о значении идей Чаянова для развития крестьянства в XXI веке. Во время конференции в Центр аграрных исследований РАНХиГС обращались коллеги из Китая, Бразилии, Индии с просьбами об организации переводов на китайский, португальский, английский языки текстов А.В. Чаянова и исторических документов Крестьянского интернационала.

Но, конечно, больше всего участников конференции волновали насущные проблемы аграрной современности. Здесь вопросы «аграрного труда» в условиях избыточного сельского населения, пожалуй, являлись центральной дискуссионной темой. Отмечалось, что у крестьян развивающихся стран раньше имелось больше возможностей мигрировать в города, превращаясь там в горожан, наемных работников в промышленности или сфере услуг. Теперь эти люди, неспособные прокормиться со своей земли, все чаще вынуждены искать поденную, грязную, низкооплачиваемую работу за пределами своих хозяйств уже в других странах, на иных континентах. В этом состоит существенное противоречие современного мирового сельского хозяйства, и не только в беднейших странах третьего мира, но и в достаточно динамично развивающихся странах Латинской Америки, в Индии, ЮАР, Китае. Например, Китай, безусловно, показал в последние десятилетия высочайшие темпы роста не только промышленности, но и сельского хозяйства. Тем не менее 140 млн китайцев (количественно это почти все население современной Российской Федерации), преимущественно сельских жителей, живут не просто за чертой бедности, но на грани голода.

Остро дискуссионными были вопросы так называемой ускоренной аккумуляции и концентрации земельных ресурсов, осуществляемых национальными и транснациональными агрохолдингами и даже правительствами некоторых стран. Ряд критически настроенных участников определяют это как *Land grabbing* — земельное ограбление локальных сельских сообществ, ведущее к росту социальной напряженности во многих сельских регионах мира.

«Агроэксстрактивизм» — достаточно новый термин, обозначающий буквально ускоренное высасывание природных и человеческих ресурсов из локальных территорий с тяжелыми экологическими и социальными последствиями, также был в центре многих критических дискуссий.

Неоднократно в докладах анализировались направления и формы стремительной экспансии Китая в сельское хозяйство стран Южной Америки, Африки, Азии. Тут основной дискуссионный вопрос: это новые формы международной кооперации или неокониализм, когда старого мирового аграрного гегемона США вытесняет агрогегемон новый — Китай?

Актуальной темой оказалась и проблематика возрождения консервативного национализма во многих сельских странах БРИКС. Эта идеология противопоставляет себя либерализму, однако она, в свою очередь, подвергается критике и со стороны левых (марксистских и народнических) идеологий.

Еще одна сквозная тема конференции — активное сопротивление сельских жителей глобальным аграрным преобразованиям, в которых именно самим сельским жителям места и не находится. Причем это сопротивление проявляется не только в приспособительном стиле «оружия слабых», но расширяется в организованные крестьянско-фермерские движения со своими идеологиями и политическими программами.

Много внимания на конференции было уделено вопросам международной и национальной продовольственной безопасности. В обзорном докладе И.В. Троцук были проанализированы основные сходства и различия в политике продовольственной безопасности в России и за рубежом, с обозрением идей ведущих зарубежных и российских специалистов².

На круглом столе «Коллективное земледелие и кооперация» неоднократно отмечалось, что «коллективное земледелие» и «кооперация» — отнюдь не синонимы. Например, в странах Западной Европы, Северной Америки, Японии нет коллективного земледелия, но там чрезвычайно развиты самые разнообразные формы сельскохозяйственных кооперативов, в которых успешно состоят большинство фермерских хозяйств. Тон на круглом столе задавали российские и китайские коллеги, обсуждавшие трудности становления и развития сельскохозяйственных кооперативов в собственных аграрных экономиках, причины их неэффективности в сравнении с западными аналогами. Китайские аграрники отмечали: если проблемы в развитии сельскохозяйственных кооперативов Китая будут нарастать, то возможна даже постановка вопроса о формах развития новых «коллективных хозяйств». Это довольно парадоксальное утверждение, которое аграрники двух стран договорились еще обсудить в перспективе будущих совместных встреч.

2. Барсукова С.Ю. (2012). Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: оценка экспертов // *Terra Economicus*. Т. 10. № 4. С. 37-46; Барсукова С.Ю., Дюфи К. (2016). Продовольственная безопасность: российский контекст // «*Полития*». № 3. (82) С. 71-89; Шагай-да Н.И. (2017). Долгосрочная стратегия развития сельского хозяйства России и мира // *Крестьяноведение*. Т. 2. № 2. С. 161-165.

Вообще формы «коллективного земледелия» существовали, могут и будут существовать в различных сельских мирах. Опасно и неправильно, когда исключительно на них делается ставка, чему свидетельство коммунистические эксперименты прошедшего века. Китай и Россия в этой сфере имеют чрезвычайно обширную историческую традицию, которую, безусловно, необходимо переосмысливать в современных условиях.

В центре дискуссий конференции находились также многообразные вопросы современного научно-технического аграрного прогресса и его влияния на сельскую жизнь. Отмечалось, что роль новых агро- и биотехнологий сейчас во многом является решающей для всей мировой экономики. Благодаря произошедшим здесь революционным изменениям современный аграрный сектор порвал со своей репутацией вечно отсталого и консервативного хозяйства и оказался теперь одним из технологических лидеров всемирной экономики. Да, неуклонно растет население земного шара, но все же еще быстрее происходит рост производительности труда в сельском хозяйстве. Конечно, все ускоряющийся аграрный прогресс не безопасен, как в биотехнологическом, так и в социально-экономическом смысле. Кроме того, в условиях современной глобальной экономики продолжается поляризация регионов на высокотехнологичные «аграрно-силиконовые долины» и примитивно-архаичные «депрессивно-катастрофичные пустыни». Россия и тут находится в сердцевине противоречий мирового сельского развития. В нашей стране имеются как отдельные оазисы высокотехнологического и высокопроизводительного сельского хозяйства, так и обширные пустоши сельской заброшенности.

На конференции было организовано специальное заседание, посвященное празднованию Всемирного дня продовольствия. Во многих странах мира этот праздник популярен и почитаем, он сопровождается демонстрациями, шествиями. И каждый год этот праздник организуется под новым слоганом, утвержденным Всемирной продовольственной организацией. Слоган 2017 года: «Изменим будущее миграционных потоков. Инвестируем в продовольственную безопасность и сельское развитие». В выступлениях ведущих российских аграрников Е.В. Серовой, Т.Г. Нефедовой, А.С. Наумова были проанализированы основные направления сельско-городских миграций в России и за рубежом³. Особо отмечалось, что не толь-

3. Между домом... и домом (2016). Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф; *Наумов А.С.* (2015). Районная парадигма в географии мирового сельского хозяйства: история и современность // Региональные исследования. № 2. (48). С. 15-25; *Бреславский А.* (2017). Поправка на мобильность: как трудовая и дачная миграция влияет на расселение россиян? // Социологическое обозрение. Т.16. №1. С. 278-295.

ко мощные миграционные потоки из села в город, но также и дачников из городов в село определяют сельско-городские взаимодействия современной России. По числу дач на душу населения наша страна уверенно занимает первое место в мире. Сейчас наряду с традиционным крестьяноведением формируется новейшее направление сельской социологии — дачеведение, где российские исследователи занимают ведущие позиции. Сверхкрупные агробизнес-структуры — агрохолдинги России — также ярчайший феномен мирового сельского развития. При этом социальное взаимодействие агрохолдингов с окружающими их территориями — вопрос очень дискуссионный, конфликтный. Россия и здесь находится в центре международных противоречий аграрного развития. Далее, проблемы экологизации земледелия и вообще сельской жизни — в России в последние годы здесь наблюдается неуклонный рост деловой и общественной деятельности. Именно в этой сфере открываются новые перспективы для малых семейных и локальных форм сельской экономики. Наконец, и это, пожалуй, главное — интегральное активистское сельское развитие через культуру. Иностранцы аграрники, в особенности изучающие проблемы крестьянской самоорганизации и сопротивления, неоднократно задавали вопрос российским коллегам: «За какие ресурсы в России борются сельские жители: за землю, воду, рынки?..» Их озадачивал частый ответ российской стороны: «Прежде всего за культуру!»

Это вызывало недоумение, до тех пор пока в воскресенье — день экскурсии участников конференции, не состоялось путешествие на сельских автобусах-«пазиках» (на более комфортабельных автобусах было не проехать) в экопоселение «Ковчег» Калужской области, где последние 15 километров пути представляют собой разбитую дорогу, не ремонтировавшуюся с колхозных времен. К тому же погода была в тот день отвратительная: холод, ветер, дождь. Поля вокруг бывшей колхозной дороги, как это типично для российского Нечерноземья, заросли лесным кустарником и борщевиком. Коллеги из Бразилии, Индии, Китая и ЮАР, колыхаясь на этом бездорожье, обменивались подбадривающими замечаниями, что в своих странах видали сельские дороги и похуже. И вот в этом экопоселении жители провели для участников конференции семинар, на котором рассказали о направлениях реосвоения сельских пространств России через новые формы экологического общежития с сохранением и преумножением историко-культурного развития и образования локальных территорий. В заключение местной театральной труппой, с успехом выступавшей даже на международных театральных фестивалях, был показан красочный музыкальный спектакль «Сказка о царе Салтане», вызвавший бурю восторга у всех зарубежных и российских участников конференции.

На следующий день иностранные коллеги, обращаясь к своим впечатлениям от поездки, отмечали, что наконец осознали, что значит для сельской России — развитие через культуру!

Действительно устойчивый аграрно-экономический рост России невозможен без переосмысления и развития новых идей в сфере организации социальных и культурных форм жизни кооперации, ТОСов, экологических, краеведческих и культурных инициатив сельских и городских жителей. Историю экспорта идей аграрно-экономической революции XX века, соперничества и сотрудничества мелкого и крупного аграрного производства Россия продолжает современностью экспорта идей культурно-экологической сельской эволюции XXI века. Состоявшаяся конференция явила тому убедительное подтверждение.

Agro-BRICS, agrarian world, and rural-urban Russia

Alexander Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 82, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia. E-mail: harmina@yandex.ru.

Форум «Устойчивое развитие поселений» на Доброй земле

А.Е. Карпов

Анатолий Евгеньевич Карпов, аспирант Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87
E-mail: a_e_karpov@mail.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-4-191-194

С 10 по 13 ноября 2017 года в 30 км от Владимира на территории общественно-культурного центра «Добрая земля» прошел форум «Устойчивое развитие поселений», который объединил представителей новых форм сельского возрождения: экопоселений, поселений родовых поместий, экодеревень, клубных экопоселков и других альтернативных сельских проектов. Участие в форуме приняли 80 лидеров, активистов и предпринимателей со всей России. Это Алтай, Башкортостан, Удмуртия, Иркутская, Челябинская, Кировская, Нижегородская, Волгоградская, Архангельская, Ленинградская, Псковская, Пензенская, Калужская, Тульская, Московская и Владимирская области.

1. Целью Форума была разработка реалистичной дорожной карты (пошагового сценария) устойчивого развития сообществ на сельских территориях на базе российского опыта при участии лидеров поселений, экспертов и ученых.

Форум был организован для обмена практическим опытом и обсуждения прикладных вопросов, таких как: получить план действий по формированию сообщества и локальной экономики в своем поселении; понять, как преодолевать разобщенность и конфликты в сообществе, какие успешные дела или бизнесы и каким образом работают в поселениях; получить знания об успешном опыте устойчивого развития поселений России и мира, расширить круг общения с энергичными лидерами, создать и развить инициативные группы по созданию новых поселений, инвестировать и участвовать в строительстве экопоселений и устойчивых сообществ на своих территориях, найти новых потребителей своих экотехнологий и экоуслуг.

Первый день был посвящен знакомству участников друг с другом и с поселением, где проходили заседания. Во второй половине **Игорь Марковкин** представил доклад, посвященный зарубежным экологическим поселениям «История поселений России и мира.

Объединения экопоселений: Российский союз; Глобальная, Европейская и Балтийская сети». В конце дня участникам были представлены итоги экспедиции основателей проекта «Добрая земля» в Krishna Valley's community (Венгрия), «Даманхур» (Италия), «Тамера» (Португалия), «Зибен Линден» (Германия) «4 экопоселения Европы за три недели. Что из увиденного возможно применить в России». Во всем мире развиваются тысячи разнообразных сообществ, которые представляют разные подходы к идее более экологичного образа жизни. В России сегодня очень популярна идея родового поместья (уже около 300 поселений), но продолжают активные дискуссии по поводу идеологических сходств и различий родовых поместий и экопоселений западного образца, поэтому услышанное вызвало повышенный интерес.

Дмитрий Ватолин, житель экопоселения «Ковчег», организатор Кругов поселений в «Ковчеге» 2005–2011 годов, преподаватель математики МГУ, пчеловод, член Союза экопоселений и экоинициатив России, представил доклад с очень провокационным названием «Почему у деревни нет шансов?», в котором рассказал об опыте общения с жителями удаленной архангельской деревни, о посещении непальских деревень и своих размышлениях о дальнейших путях развития экопоселений. Хотя вынесенный в заглавие вопрос так и остался без ответа, будем надеяться, что у деревень все же шансы еще есть.

Александр Никулин, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС из Москвы, рассказал о наследии великого русского ученого Александра Чаянова и о том, каким образом это наследие могло бы быть полезно в настоящее время. Один из участников Форума, **Артур Рыкалин**, выпускник экономического факультета МГУ, преподаватель и основатель кооператива «Народное здоровье», прокомментировал выступление как излишне теоретизированное, утверждая, что Чаянов исследовал крестьянскую Россию, которой уже нет и не будет. А потому его идеи вряд ли смогут найти практическое применение. Однако не все участники с этим согласились.

Во второй половине дня началась работа Форума по технологии Форсайт (модератор **Наталья Луковникова**). Участники распределились по шести тематическим группам: Сообщество, Локальная экономика, Образование, Технологии, Коммуникации с внешним миром, Законодательство. Первоначально была поставлена задача — выявить объективные варианты развития экопоселений в России в соответствии с тематикой каждой группы, составить список субъектов, которые влияют либо зависят от того или иного варианта; на следующем этапе необходимо было проанализировать угрозы и возможности экопоселений в соответствии с выявленными трендами; и в итоге участники планировали конкретные действия для нейтрализации угроз и реализации возможностей. Каждая группа фиксировала результаты своей работы на бумажных ватманах, отмечая периоды действия трендов и сроки планируемых действий.

В завершение сессии презентовали доклады с результатами своей работы.

В третий день Форума были представлены несколько докладов, посвященных реально действующим в экопоселениях экономическим проектам. Среди них отметим сообщения о реализации экологических продуктов: о потребительском обществе «Народное здоровье», сети экомгазинов «Медведь», ферме «Экодерзай». Известный эксперт по развитию локальной экономики **Глеб Тюрин** представил свой доклад «Как создается локальная экономика в России. Все способы удержания финансовых средств на территории», в котором он высказал несколько критических замечаний по поводу развития родовых поместий и рассказал о важности формирования и активного развития местных экономических связей. Действительно, потенциал любой местности огромен, если активизировать местное самоуправление и кооперацию. Проблема в том, что это не так просто: в советское время были практически уничтожены вековые крестьянские традиции местного самоуправления, и теперь все свои надежды, касающиеся местного развития, сельские жители возлагают на государство.

Последний день Форума начался серией небольших сообщений об опыте поселений и продолжился большим докладом **Валерии Букиной** «Опыт пермакультуры для формирования сообществ». Спустя 15 лет после создания первопроходцы родовых поместий ясно понимают необходимость правильного проектирования поселения. Например, дороги проще прокладывать по сухим участкам, а не по болотистым, и если правильно учесть этот фактор, то обслуживание дорог будет обходиться гораздо дешевле. Такого рода аспектов при проектировании достаточно много — необходимо учитывать расположение окружающих лесов и населенных пунктов, розу ветров, гидрологию земли, ландшафт, расположение относительно сторон света и многое другое. Этими соображениями докладчик и поделилась со слушателями. В продолжение темы прозвучал рассказ **Мансура Юмагулова** об опыте развития фермерского хозяйства «Шаймуратово», прославившегося благодаря введению в оборот своей локальной валюты «шаймуратики» и прочими инновациями. В заключение Мансур провел бизнес-игру «Генератор сделок», по итогам которой были заключены реальные сделки более чем на 300 000 рублей. Эта бизнес-игра наглядно проиллюстрировала, каким образом активизируется экономическая деятельность при отрицательной денежной ставке.

Мы надеемся, что Форум поможет участникам и в дальнейшем успешно решать задачи по формированию сообществ и развитию локальной экономики в своих поселениях, консолидировать уже существующие сообщества, проводить дискуссии, обмен опытом и поиск общих подходов к различным проблемным вопросам развития, создания совместных проектов для формирования общей ясной и объединяющей цели для всего поселенческого движения России.

А.Е. Карпов
Форум
«Устойчивое
развитие
поселений»
на Дobreй земле

**Forum “Sustainable Development of Settlements” in the
Dobraya Zemlya [Kind Land in the Vladimir Region]**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Anatoly Karpov, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, 600000,
Russia, Vladimir, Gorkogo str., 87. E-mail: a_e_karpov@mail.ru.

Светлая память о товарище. Завершить начатое — дело чести

9 июля Свете Игнатовой исполнилось 50 лет. А через три месяца и 25 дней — 3 ноября 2017-го — Светы не стало. Более пяти лет Света мужественно сражалась со смертельной болезнью. В чем это проявлялось? Да просто в том, что она продолжала жить той жизнью, к которой привыкла. А эта жизнь всегда ею воспринималась однозначно, и никак иначе — на пределе возможного.

По классификации социологических поколений историографа российской социологии Бориса Докторова Светлану Игнатову можно уверенно отнести к четвертому поколению. Будучи экономистом по базовому образованию, она еще до окончания учебы в университете стала сотрудником Института социально-экономических проблем РАН. В годы перестройки, при распаде ИСЭП, она перешла в социологический отдел института, тут-то и выяснилось, что именно социология и есть ее призвание, по пониманию сути этой науки, ее принципов и, если угодно, — ее миссии. Впрочем, ментально она явно тяготела к предыдущему — третьему — поколению российских социологов: ее всегда отличало строгое отношение к качеству социологических данных, к корректности их интерпретации.

Светлана с одинаковым успехом использовала как количественные, так и качественные методы исследования, ибо главным для нее были не методы, а адекватное отражение социальных процессов и явлений, которые она изучала. Будь то неравенство, сельское предпринимательство или местное самоуправление, траектории трудовых биографий или биографии обычных людей как специфический объект социологического анализа.

Последние 16 лет одной из главных научных проблем для нее стала судьба деревни российского Нечерноземья. Восемь лет мы ездили с ней в экспедиции по Северо-Западу, в зону обследования вошли семь районов четырех субъектов РФ (Тверская, Новгородская, Вологодская и Ленинградская области). Здесь обнаружился еще один талант Светы — педагогический. Именно она занималась обучением и инструктированием студентов не только социологических специальностей (и не только студентов), принимала их отчеты

ты о сделанной работе, внимательно и очень тактично разбирала их ошибки, неточности и просчеты. Сама же была блестящим, внимательным и вдумчивым интервьюером.

Наши сельские экспедиции разделились на два проекта. В первом мы пытались «поймать уходящую натуру» и строили генеалогии крестьянских семей. Этот проект вписывался в программу изучения социально-культурных изменений, происходивших на стыке двух столетий, в ходе революционных преобразований российского общества. Предварительно была разработана компьютерная программа для построения генеалогических деревьев, включающая широкий комплекс биографических данных о каждом из персонажей генеалогического древа. Собственно говоря, одна из основных задач этого этапа состояла в отладке компьютерной программы и в разработке структуры широкомасштабного изучения механизмов социально-культурных изменений.

Однако в ходе этого исследования мы столкнулись с не менее масштабными процессами социально-экономической трансформации современной деревни. Именно поэтому и возникла идея второго проекта, ориентированного на изучение этой актуальнейшей проблемы.

Интервью, которые мы собирали в деревнях в рамках второго проекта, состояли из двух частей: неперменной биографической и так называемой экспертной, где информанты выступали в качестве экспертов относительно состояния деревни в разные исторические периоды. Четкая локализация объекта исследования — опрашивались главы муниципальных образований (или поселений) и руководители немногочисленных действующих сельских предприятий — предполагала исключительно сплошное обследование, а это вполне обозримый контингент (да простят меня наши информанты за этот канцеляризм). Сплошное обследование включало 100 глав муниципальных образований и 77 руководителей действующих хозяйств (из последних только двое оказались для нас недоступны: один был в отпуске, а другой в зарубежной командировке). Итого 175 информантов.

Здесь мы столкнулись с необходимостью перехода от «чисто количественных методов» к качественному анализу. Каждое интервью, по сути дела, есть уникальный случай (case study). Но поскольку количество уникальных случаев «покрывает» всю генеральную совокупность, которая статистически ограничена, то и принципы анализа, и способы их интерпретации должны быть отличны от принятых в традиционной эмпирической социологии. Не мне судить, насколько мы справились с этой непростой задачей. Но должен отметить, что ведущим в этом переходе от традиционных методов к методам, адекватным объекту нашего проекта, была именно Света.

Материал, собранный в ходе наших экспедиций, оказался столь огромным и столь неисчерпаемым, что анализировать его пришлось много лет. Если посмотреть на тематику наших со Светой и ее пер-

сональных публикаций и докладов на конференциях разного уровня, то поражает именно их широкий тематический диапазон. Он включает проблемы советского и постсоветского сознания, проблемы местного самоуправления, проблемы успешности/не успешности сельского предпринимательства, взаимоотношения предпринимательства с местной властью, государственной политики в сфере сельского хозяйства, бытования религиозных сообществ и многих-многих других.

Современная жизнь так стремительна, что ее анализ неизбежно от нее отстает. И то, что мы выяснили всего лет пять назад, сегодня выглядит уже совершенно иначе. Законы изменяются быстрее, чем мы успеваем к ним привыкнуть. Поэтому, возможно, тот материал, который был собран восемь лет назад, уже устарел. В новом проекте мы планировали зафиксировать не столько эти стремительные изменения, сколько то состояние, которое достигнуто к сегодняшнему дню. А это очень важно для того, чтобы понять, куда и как надо двигать дальше.

Довести этот новый проект до некоего логического конца — дело не только научной и гражданской ответственности. Это значит еще — не дать упасть тому знамени, которое нес наш товарищ и соратник, посвятивший значительную часть своей жизни решению одной из актуальнейших проблем современной России — развитию российской деревни. Уход Светы — огромная потеря. Восполнить ее можно, только завершив то, что было нами намечено.

Олег Божков

Труды Светланы Игнатовой

Игнатова С.Н., Божков О.Б. (2004). Руководители среднего и низового звеньев, как эксперты при оценке перспектив развития российского села // Российское село в XXI веке: проблемы и перспективы. Материалы Первой Всероссийской конференции по социологии села. Вып. I. Москва — Краснодар. С. 155-164.

Божков О., Игнатова С. (2006). Об особенностях полевого генеалогического интервью // Социология 4М. 2006. № 23. С. 50-82.

Игнатова С.Н., Божков О.Б. (2007). Административный ресурс на селе: социологический анализ // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 1(31). СПб. С. 75-83.

Игнатова С.Н. (2008). Сельские церкви живые и мертвые // Вторые социологические чтения памяти В.Б. Голофаства. «Социология вчера, сегодня, завтра». СПб. С. 175-184.

Игнатова С.Н. (2011). От колхозов к крестьянским фермерским хозяйствам: малый бизнес на селе // Социология вчера, сегодня, завтра. Новые ракурсы. III Социологические чтения памя-

- ти Валерия Борисовича Голофаства / Под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Эйдос. С. 503-511.
- Игнатова С.Н.* (2011). Православное село — прерванная традиция // Социология вчера, сегодня, завтра. IV Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Эйдос. С. 678-691.
- Игнатова С.Н., Божков О.Б.* (2011). Использование интернет-ресурсов для анализа ситуации в сельских поселениях Тверской области // Социология вчера, сегодня, завтра. IV Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Эйдос. С. 490-511.
- Божков О.Б., Игнатова С.Н.* (2011). Опыт построения типологии сельских образовательных практик // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История. С. 28-161.
- Игнатова С.Н., Божков О.Б.* (2014). Как возможен предприниматель на селе Ближнего Севера России // Сборник материалов V Международной научной конференции «Социальная география, социобиология и социальные науки: моделирование и прогнозика процессов развития регионов Ближнего Севера России», 2-4 мая 2014, д. Медведево Мантуровского района Костромской области. С. 128-132.
- Божков О.Б., Игнатова С.Н.* (2015). Особенности российской модели модернизации сельских территорий // Материалы Международной научной конференции — Седьмые Санкт-Петербургские социологические чтения «Социальные проблемы российского села и аграрных отношений». Санкт-Петербург, Пушкин. С. 97-103.
- Игнатова С.Н., Божков О.Б.* (2015). Взаимодействие институтов местной власти и предпринимательства на селе // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История. С. 469-489.
- Божков О.Б., Игнатова С.Н.* (2017). Формы самоорганизации в сельской местности в условиях институциональной неопределенности // Пути России. Север-Юг. Т. XXIII / Под общ. ред. М.Г. Пугачевой и В.П. Жаркова. М., СПб.: Нестор-История, 2017. С. 104-116.
- Божков О.Б., Игнатова С.Н.* (2017). Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ) // Крестьяноведение. Т. 2. № 1. С. 115-130.
- Божков О.Б., Игнатова С.Н.* (2017). Профессиональные компетенции руководителей муниципальных образований // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. Выпуск 8. СПб.: Росток. С. 36-53.

Божков О.Б., Игнатова С.Н. (2017). Муниципальный служащий: границы профессиональной компетенции // Труд и общество в реалиях XXI века: сборник научных статей / Р.В. Карапетян (отв. ред.). СПб.: Скифия-принт. С. 147-153. 199

Крестьяноведение

2017. Том 2. № 4

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 29.12.2017. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № 170.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru